

"Приди ко мне тихо (ЛП)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

А. Л. Джексон

Приди ко мне тихо

Пролог

Прерывистая линия дорожной разметки размывается, пока не становится одной сплошной. Моё тело дрожит от тысяч миль, которые я провёл, сидя на этом кожаном сиденье, мышцы правой руки гудят оттого, что долгие часы держал рычаг газа.

Но я не останавливаюсь. Я не могу и не знаю, почему. Что-то внутри меня подстёгивает двигаться вперед. Пробиваться напролом.

Горячий воздух врзается мне в лицо, и волосы разлетаются в неуправляемом хаосе.

Сдерживаю горький смех.

Неуправляемый хаос. Именно так они характеризовали меня.

Пустынное небо бесконечно, океан глубокого синего цвета. Вдалеке, словно маяк, возвышается город.

Потому что я подвел черту.

Что я делаю?

Для меня там ничего нет. Я знаю это. Там я уже все разрушил. Я уничтожаю всё, к чему притрагиваюсь.

По-прежнему не могу ничего сделать, но продолжаю давить на газ.

Глава 1

Элина

Я прислонилась к спинке своей кровати с альбомом для рисования, балансирующим на согнутых коленях. Меган прилагала все усилия, чтобы не смеяться и не подпрыгивать, сидя со скрещенными ногами на краю моей кровати.

— Сиди спокойно, — скомандовала я, кусая нижнюю губу, пытаюсь правильно нарисовать ее рот. Растушевывать было тяжело, а мне хотелось сделать это идеально. У Меган была самая искренняя улыбка из всех, кого я когда-либо встречала. Я отказывалась портить ее.

— Но я хочу писать, — проскулила она и подпрыгнула немного сильнее. Больше сдерживаться она не могла, поэтому выпустила истерический смешок и скатилась с моей кровати. — Я скоро вернусь.

Со стоном я бросила свой альбом для рисования на кровать.

— Ты такая заноза в заднице, Меган, — крикнула я, когда она выбежала за дверь и помчалась через коридор в ванную. Она бегала писать, по крайней мере, уже третий раз за час. Девчонка не смогла бы усидеть на месте, даже ради спасения своей жизни.

— За это ты меня так сильно и любишь, — крикнула она в ответ.

Дверь ванной захлопнулась, а я подобрала альбом, чтобы рассмотреть рисунок.

Изумительное лицо Меган смотрело на меня, улыбаясь, ее обычно длинные, светлые волосы прорисованы несколькими оттенками угля, а ее голубые глаза большие и черные.

Она была моей лучшей подругой с того момента, как переехала сюда из Род-Айленда во время нашего второго года в старшей школе, почти пять лет назад. Я любила рисовать ее, потому что она так отличалась от типичных моделей, которые соглашались позировать. Она невысокая, застенчивая, и у нее уникальное лицо. Оно каким-то образом одновременно милое и любопытное. Это постоянное выражение на ее лице напоминало о ее наивности.

Она все еще жила с родителями, в том же районе, где я выросла, только на две улицы выше моего старого дома, мои родители и младший брат все еще жили там. Она часто зависала в квартире, которую мы делили с моим старшим братом Кристофером с тех пор, как два года назад я закончила школу. Мы с Кристофером пошли в университет штата Аризона, а наша квартира располагалась близко к кампусу. Я училась на медсестру, но, боже, иногда я мечтала, что смогу сделать что-нибудь с моим изобразительным искусством. Я знала, что это абсурд, и было мало шансов, что из этого что-то выйдет. Но это не значило, что я не хочу.

Она улыбалась, вернувшись спустя две минуты.

— Чувствуешь себя лучше?

— О, да, — забравшись на кровать, она подползла, чтобы заглянуть.

Я прижала альбом к груди.

— Дай мне посмотреть, — она протянула руку и попыталась выхватить его.

Я покачала головой и прижала его сильнее.

— Ты знаешь правила.

— Знаю, знаю, — она села на место. Никто никогда не должен смотреть. Никто, за исключением меня.

На полу, в сумочке Меган зазвонил телефон. Она наклонилась, чтобы вытащить его. Когда она поднялась, на ее лице отразилось волнение.

— Это он, — произнесла она одними губами, в то время как приняла вызов, поднося телефон к уху.

— Алло?

Возвратившись к своему эскизу, я старалась не улыбаться, пока слушала ее разговор с Сэмом. Последний месяц она охотилась за этим парнем с тех пор, как тусовалась с ним на вечеринке нашей общей подруги Калисты, устроившей в мае праздник в честь окончания последнего семестра. Один поцелуй, и она помешалась. Я не уверена, что он чувствовал то же самое.

— Да... мы сможем прийти... хорошо, увидимся там.

Она бросила телефон на кровать и завизжала.

О, боже. Меган никогда не визжала. Она больна.

— Похоже, сегодня вечером ты идешь на свидание, — пробормотала я, мое внимание было направлено на движения моей руки.

— Не я, а мы, — возразила она. — Сэм устраивает вечеринку сегодня вечером, и он хочет, чтобы мы пришли. Я не могу поверить, что он действительно позвонил, — сказала она, очевидно, разговаривая сама с собой. — Две недели и ни слова от него. Я уже начала думать, что он собирается бросить меня.

Только начала?

Так, может быть, мне надо немного помочь моей лучшей подруге.

Я вскочила с кровати, подошла к шкафу и стала рыться в нем, пока не нашла черную мини-юбку. Я дернула ее с вешалки и бросила ей.

— Вот... надень ее. Она будет выглядеть на тебе лучше, чем на мне. Ты знаешь, именно эти ноги изначально покорили Сэма. Думаю, парень буквально был сбит с толку, — я указала на нее. — И тебе лучше заставить его заслужить их.

— О, ему, определенно, придется заслужить их. Ты знаешь меня лучше всех, — Меган подняла юбку, осматривая ее. — Она, правда, милая, — она посмотрела на меня с усмешкой. — Возможно, ты должна надеть ее. Ты знаешь, Гейб тоже собирается прийти, — последнее она сказала нараспев, используя голос, который чертовски меня раздражал.

— Пфф, — я фыркнула себе под нос, и она рассмеялась, потому что единственная из всех людей знала, что Гейб на самом деле не был для меня таким уж соблазнительным. Гейб, отчасти, был моим парнем. Отчасти, потому что парень не оставлял меня в покое и не принимал «нет» в качестве ответа. Но он был невыносимо милым и сладким «соседским мальчишкой», и я действительно не знала, как отказать ему, не задев его чувств.

И он был надежным.

Она опустила юбку на колени.

— Ты должна прекратить водить парня за нос. Это печально, — ее поддразнивание сменилось серьезностью, голубые глаза стали строгими, когда она посмотрела на меня.

Я бросила пару шорт на кровать, чтобы переодеться.

— Я не вожу его за нос, Меган. Он единственный, кто привязал себя ко мне.

— Неважно, Эли. Ты просто продолжаешь твердить себе это. Ты всегда так делаешь.

Я могла видеть вопрос, промелькнувший в ее глазах, могла слышать нотацию, почти слетевшую с ее губ.

— Просто не надо, хорошо? — сказала я.

Некоторое время она моргала, словно вычищала все эти картинки из своей головы.

— Иногда я не понимаю тебя, Эли.

Вечеринка была спокойная, просто несколько человек, тусующихся в четверг в доме Сэма, который он делил с несколькими парнями.

Большинство из нас были на заднем дворе, сидели возле бассейна и пили пиво. Фонари во дворе были выключены, территория была залита приглушенным светом, проникающим сквозь окна от ярких ламп внутри дома. Меган свернулась с Сэмом на шезлонге в дальнем конце бассейна, их голоса были тихими и расслабленными. Позади меня на земле поднималось пламя, которое потрескивало, несколько человек сидели вокруг него на стульях.

Откинувшись назад на руки, я опустила ноги в бассейн. Вода слегка покачивалась на поверхности. Даже в одиннадцать часов вечера было все еще жарко. Лето в Фениксе было моим любимым временем, так было всегда. Все пропитано теплом, его излучают даже дороги и тротуары. Насекомые трещат, а птицы поют, сидя на деревьях. Мне нравилось, что я могла находиться посреди города, и, тем не менее, чувствовать, будто была на границе с дикой природой. Спокойно. Не существовало никакого другого слова, чтобы описать это.

Я не была удивлена, когда Гейб присел рядом со мной. В течение вечера мы немного болтали с ним, но по большей части я его избегала. Он был без рубашки, и на нем были только белые плавки.

— Хочешь присоединиться ко мне? — спросил он, склонив голову к бассейну, приглашая меня.

— Нет. Мне и так хорошо, — сказала я, хотя мысль о прохладной воде была невероятно привлекательной.

Наклонив голову, чтобы лучше меня видеть, он почти улыбнулся. Пряди его светло-каштановых волос свисали сбоку, а его темно-карие глаза наполнились чем-то, что я не хотела видеть.

— Ты многое теряешь, — сказал он.

Я тихо засмеялась и покачала головой. Он так банален.

— Я?

Один уголок его рта дернулся.

— Да, ты.

— Ладно, — сказала я. Или, более уместный вопрос, почему это навредит? Это глупо. По-детски. Но я не знала, как это отпустить.

Поднявшись на ноги, я стянула майку и выскользнула из шортиков. На мне было зеленое бикини.

Воодушевление отразилось на лице Гейба после того, как он медленно меня оценил.

Смушенная, я отвернулась и прыгнула в бассейн. Мое тело опустилось до самого дна. Я плыла невесомая, мои длинные темные волосы рассыпались и плавали вокруг меня. Было прохладно, бодряще. Вода заглушала голоса, шум и все остальное, несколько секунд я наслаждалась одиночеством. Когда в моих легких не осталось воздуха, я вынырнула на поверхность, сделала огромный глоток воздуха и отбросила волосы с лица.

Гейб был уже по пояс в бассейне и улыбался мне.

— Эли, ты, должно быть, самая красивая девушка из всех, кого я когда-либо встречал, — прошептал он.

Огни снаружи отбрасывали тень на его лицо, но я могла видеть его красивый силуэт. И мне хотелось желать его, хотелось как-то вернуть часть себя, которую я отдала в тот вечер, так давно.

Я не говорила ничего, просто смотрела на Гейба и видела, как он медленно приближался. Я не остановила, когда его рука нашла мои бедра, и не остановила его поцелуй.

Это было приятно.

Но в этом всегда будет чего-то не хватать.

Глава 2

Джаред

Все изменилось, в то же время как, казалось, осталось таким же. Я ехал по улицам, в поиске. Чего, сам не знаю. За эти шесть лет, что я отсутствовал, город выполз за пределы границ, но старый квартал, будто застыл во времени как снимок, на который я смотрел издалека. Картинка, которую я стер из памяти.

Я съехал на грунт с главной дороги, прямо через улицу от той, на которой вырос. Каждое воспоминание, которое имело значение, я пережил здесь. Они и остались таковыми. Воспоминаниями. Я ступил ботинком на землю, чтобы удержать байк, пока просто смотрел. Автомобили пролетали мимо, мое зрение расплывалось из-за вспышек металла.

О чем, черт возьми, я думал? Что это хорошая идея? Потому что это, несомненно, ни хрена не хорошая идея.

Я вернулся в город почти неделю назад. Столько времени у меня заняло, чтобы успокоить нервы, собраться и подъехать к старому кварталу так близко. Возможно, я просто хотел помучить себя, заставить себя заплатить немного больше, хотя никакая компенсация не поможет. Я уже пытался расплатиться, но судьба не позволила мне даже этого.

Как будто я был привязан к прошлому, я не мог заставить себя уйти. Я мог почти увидеть наши игры посреди тихой улицы: прятки, догонялки, смех, бег по свободным участкам квартала. Если поднапрячься, я мог услышать голос мамы, как она выглядывала из входной двери и звала меня ужинать, мог увидеть отца, который шел по подъездной дорожке в конце рабочего дня, мог представить лицо моей маленькой сестры, прижатое к окну, пока она ждала, когда я вернусь домой.

Все это было отражением того, что я разрушил.

В груди защемило, и я сжал руки на руле, пока во мне бушевал гнев. Гнев скрутил и свернул мои мышцы так, что я закрыл глаза. В горле вырос комок, но я проглотил его. Мои глаза распахнулись, когда я надавил на газ и выехал на улицу. Я двигался мимо машин, выталкивая себя вперед. Я не имел понятия, где в конечном счете окажусь, потому что тут не было места, к которому я принадлежал.

Я просто ехал.

Несколько часов спустя, я сидел, поставив локти на бар, мои ботинки зацепились за подставку для ног на стуле. Я сделал большой глоток пива, наблюдая за Лили, которая смотрела на меня с застенчивой улыбкой из-за стойки бара. Девушка имела наглость выиграть меня в карты, и с тех пор мы были верными друзьями.

По крайней мере, я надеялся, что были. Мягкая улыбка подняла только один уголок ее рта, прежде чем она покачала головой и отвернулась, чтобы наклониться и немного пополнить запасы пива, предоставляя мне прекрасный вид на ее маленькую упругую задницу.

Ледяная жидкость скользила вниз по моему горлу, и я выпустил удовлетворенный вздох. Я забыл, как чертовски жарко летом в Фениксе.

Когда, казалось, я объехал каждую улицу в этом городе, я выехал на стоянку этого небольшого бара. Я проголодался и остро нуждался в пиве. Место было заполнено парнями, которые искали отдых после долгого рабочего дня, чтобы расслабиться и послушать игру разных групп, которые, вероятно, состояли из студентов.

Лили исчезла на кухне, затем вышла с моим бургером и поставила его передо мной. Она наклонилась через бар. Часть ее коротких светлых волос упала на одну сторону, когда она откинула голову.

— Так, ты собираешься спросить мой номер или будешь просто пялиться на меня весь вечер?

Я поднял бровь, и сделал еще глоток пива.

— Я предполагал, что просто подожду здесь, пока ты не освободишься. — Я не был тем, кто клеил или весили девчонок разговорами.

Она засмеялась с намеком на недоверие.

— Настолько уверен в себе, да?

Я пожал плечами, когда допил свое пиво. На самом деле, я не уверен. Мне просто плевать. Если она предложит поехать к ней, круто. Но я не собирался расстраиваться, если она не сделала бы этого. Я бы нашел кого-то еще. Я всегда нахожу.

Морщинки появились на ее лбу, когда она обратила внимание на мои руки, и потянулась своей, пытаясь проследить костяшки пальцев.

Мое сердце ускорилося, а руки сжались в кулаки, когда я отдернул их, моя челюсть предупреждающе напряглась, я поднял подбородок.

Она нахмурилась, когда посмотрела вверх и увидела выражение моего лица. Она отстранилась до того, как избавилась от смятения, которое почувствовала от моей реакции.

— Хочешь еще пиво?

— Было бы неплохо, — сказал я, мой голос был жестким. Это всегда так. Они всегда чертовски хотят потрогать, узнать, откопать. Я не пойду на это. Никогда.

Она кивнула и отвернулась.

Поставив локти по обе стороны тарелки, я схватил бургер обеими руками и наклонился, чтобы откусить. На вкус как блаженство. Я подавил стон. Прошло уже слишком много времени с тех пор, как я что-нибудь ел. Я засунул жареное мясо в рот и хотел укусить еще раз, когда боковым зрением заметил, что кто-то остановился. Он начал идти дальше, но вновь засомневался, прежде чем остановился. Краем глаза я продолжал наблюдать за ним. Все, что я мог видеть, его руки, которые сжимались и разжимались по бокам, как будто он пытался принять какое-то решение. Я не узнал его, просто сфокусировался на этом гребаном, вкусном бургере и надеялся, что у этого чувака было немного здравого смысла, и он уйдет, прежде чем получит по своей заднице.

Он подошел ближе к бару и склонил голову, чтобы посмотреть на меня.

— Джаред?

Я поднял голову вверх, чтобы разглядеть этого парня, он был чертовски высок, и, хотя он был долговязым, он мог бы выстоять один или два раунда. Его черные волосы были растрепаны и торчали в разные стороны, а темно-зеленые глаза расширились от шока. Он упал на стул рядом со мной и уставился на меня, будто я был каким-то призраком.

Я был уверен, что мы произвели одинаковый эффект друг на друга. Через минуту каждая мышца в моем теле застыла, мой рот открылся, пока не прошел шок. Затем, я рассмеялся и схватил салфетку, чтобы вытереть рот, и развернул свой стул к нему.

— Ну и ну, неужели это сам Кристофер Мур. Как ты, черт возьми, чувак?

Тысяча воспоминаний всплыли в моем сознании. Я также мог видеть, как они промелькнули на его лице.

Кристофер был моим лучшим другом и братом, которого у меня никогда не было.

Улыбка расплылась на его лице, и он покачал головой.

— Я хорошо... действительно хорошо. — Он моргнул, как будто все еще не верил, что я был здесь. — Ты как? — его голос поменялся, стал серьезнее, когда он оперся одним локтем на барную стойку, сидя лицом ко мне. Его внимание перемещалось от моего лица к рукам, которые ерзали на коленях, и обратно вернулось к лицу. Он откинулся на спинку стула, его брови сжались вместе.

— Где ты был, Джаред? В смысле... Я не слышал о тебе годами. Почему... — он провел рукой по волосам, не в состоянии завершить вопрос, его голос замер.

Что, черт побери, я должен сказать? Кристофер писал мне все эти дерьмовые письма, говорил, что все это не моя вина, что все будет хорошо, что он понимает, но он ничего не понимал. Разве он мог? Я был тем, кто лежал в камере по ночам с этими изображениями, которые выжиг в своей голове. Когда закрывал глаза, это было единственным, что я видел. И это определенно была моя ошибка. Я никогда не отвечал на письма, никогда не звонил, никогда не позволял кому-либо узнать, куда я отправился после освобождения. Я не нуждался в том, чтобы Кристофер или кто-нибудь еще кормил меня ложью, пытаюсь убедить, что в один прекрасный день я исцелюсь, или в еще какой-то подобной гребаной чуши. Возможно, мое сердце бьется, но я умер в тот же день, что и она.

Я натренировал свой голос звучать спокойно.

— Я работал в Нью-Джерси последние несколько лет. Смог накопить немного денег, все было хорошо.

Он сжал губы

— И когда ты вернулся? — спросил он, хотя я услышал вопрос: «Почему ты вернулся?» Я был рад, что он не спросил, потому что я, черт возьми, не знал.

— Около недели назад.

Лили появилась перед нами со свежим пивом и начала вытирать стойку. Ее взгляд упал на Кристофера.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Нет, спасибо. Я в порядке, — он отмахнулся от нее и повернулся ко мне. — Где ты остановился?

Я потягивал свое пиво.

— Я остановился в этом дерьмовом мотеле и уже присматриваюсь к квартире... на другом конце города.

На секунду он открыл рот, размышляя. Затем выдохнул и наклонил голову в сторону.

— Почему бы тебе не остановиться у меня, пока ты присматриваешь квартиру? Было бы круто наверстать упущенное. Жить в мотеле, должно быть, отстойно.

— Нет, чувак, я не могу так обременять тебя

— Ты не обр согласишь. Ты для меня как семья.

Внутри я съежился от его высказывания. Да, возможно, когда-то я был ему семьей. Уже нет...

Кристофер протянул руку, схватил мое пиво и осушил половину. Я подавил смех. Парень совсем не изменился. Кристофер был известен заимствованием вещей. Если я что-то терял, я знал, где это найти.

— Угощайся, конечно, — пробормотал я, махнув рукой на свое пиво, а он просто ухмыльнулся.

— В любом случае... — он наклонил бутылку в мою сторону, как будто размышлял над чем-то.

— У меня есть квартира, которую я делю с Эли. Это всего в нескольких милях отсюда. Тебе придется спать на диване, но это лучше, чем жить в мотеле. Это действительно здорово... — Он помедлил, как будто пытался убедить себя, что это действительно хорошая идея. — Я рад, что ты вернулся. Было бы здорово наверстать... — протараторил он, прежде чем остановиться. Он, должно быть, заметил удивление на моем лице.

Эли его соседка по квартире?

— Наши родители и Августин все еще живут в старом квартале, но, когда Эли решила поступить в университет штата Аризона, мы решили, что было бы круто, если бы она жила со мной, так как мы учимся в одном месте. Она переехала пару лет назад... прямо после того, как закончила школу, — добавил он, будто чтобы прояснить мое замешательство.

Во всяком случае, это помогло.

Он просто засмеялся.

— Джаред... ей двадцать лет.

Я пытался осознать это в голове, маленькая черноволосая девочка, которая следовала за нами везде, как будто мы величайшие люди в мире в то время, как мы ее постоянно дразнили. Тем не менее, я бы убил за нее. Когда я вспомнил ее угловатые колени и выступающие зубы, почти ухмыльнулся. Тогда ей было двенадцать, она была такой высокой и неуклюжей, что едва могла стоять на своих ногах. В последний раз я видел сестру Кристофера, когда ей было около четырнадцати, но тот год был просто пятном. Я не мог даже вспомнить ее в том возрасте.

Я слегка улыбнулся и покачал головой

— Правда?

— Чувак, тебя не было шесть лет. Чего ты ожидал? Что вернешься сюда, и все будет как прежде?

Я не знаю, чего ожидал.

Кристофер позволил мне не отвечать и с легкой усмешкой сказал:

— Это на самом деле хорошо, что ты вернулся, Джаред. — Он встал и кинул двадцатку на стойку, затем хлопнул меня по спине. — Спасибо за пиво. Теперь иди и собирай свое барахло. Ты переезжаешь ко мне.

Кристофер оставил мне свой адрес, и я поехал через весь город в мотель, чтобы забрать вещи, потом поехал обратно. Было уже около полуночи. Дороги были свободны, и весь путь занял меньше десяти минут. Их квартира была в Темпе, прямо рядом с университетом. Я свернул на дорогу и подъехал к воротам, затем ввел код, который дал мне Кристофер. Они распахнулись, позволяя въехать в огромный комплекс. Большие трехэтажные здания были повсюду, тротуары окружены подстриженной травой, а небольшие кустарники выстроились вдоль дорожек. Меня нельзя впечатлить материальным дерьмом, и это не походило на предгорье или что-то такое, но это было в тысячу раз лучше, чем та дыра, в которой я остановился неделю назад.

Почему я позволил Кристоферу уговорить меня приехать сюда, я не знаю. Я приехал в Феникс без намерений, без ожиданий, только со скудными пожитками, которые мог привязать к спине, и этим незнакомым давлением под ложечкой.

Я больше не понимал радости, но должен признать, что было приятно увидеть его лицо.

У меня было немного денег, накопленных от работы на стройке, на которую я как-то устроился в Нью-Джерси. Я был наблюдательным и сделал хорошие деньги. Там никто не знал меня в лицо, а мое дело было засекреченным, так как я был несовершеннолетним, когда все это произошло. В день, когда мне исполнилось восемнадцать, я был освобожден, и автостопом проехал по всей стране, оставив как можно большее расстояние между мной и этим местом.

Забавно, как я в конечном счете вновь вернулся сюда после того, как убежал так далеко.

В ближайшее время я собирался найти работу. У меня были деньги, но мне нужно было себя чем-то занять, чтобы привести в действие мое заявление, что я хотел снять собственную

квартиру. Я не смогу остаться у Кристофера навсегда.

На самом деле, мой приезд сюда был обречен на провал.

Он возненавидит меня прежде, чем я уеду.

Бьюсь об заклад.

Объехав заднюю часть комплекса, я припарковал свой байк на одном из мест для гостей перед его домом. Я подвинул рюкзак на спине повыше, засунул руки в карманы джинсов и поднялся вверх по лестнице на второй этаж. Там было только две двери. Квартира №2602 слева. Я постучал в металлическую дверь.

Две секунды спустя Кристофер открыл ее. Холодный воздух подул на мое лицо из кондиционера, и Кристофер распахнул дверь, чтобы я вошел.

— Заходи.

— Это действительно круто для тебя, — сказал я, когда зашел внутрь, и посмотрел на окружающее меня пространство. Это была большая, открытая комната, гостиная слева, справа кухня с небольшим круглым столом. Зоны были разделены невысокой барной стойкой с тремя стульями перед ней. Диван стоял в середине гостиной. За ним, большие раздвижные стеклянные двери вели на маленький балкон.

Кристофер указал на диван.

— Чувствуй себя как дома. Эли и я довольно редко здесь находимся. Я ничего не буду делать этим летом, кроме как сидеть на попе ровно, потому что думаю, выпускной год будет зверским, а Эли работает в маленьком ресторанчике, пока летом нет занятий.

— О, да? Что ты изучаешь? — спросил я, Кристофер никогда не был заучкой.

Он пожал плечами.

— Просто получаю степень бакалавра в бизнес-администрировании. Понятия не имею, что собираюсь с этим делать, но, дерьмо, мои родители копили все эти деньги для меня, чтобы я пошел в колледж. И я понял, что просто должен выполнить это.

— Это здорово. Я уверен, что ты разберешься с этим.

— Спасибо, чувак. Надеюсь, — казалось, что он не был настолько уверен в себе. Он провел рукой по торчащим волосам и тяжело вздохнул. — Слушай, давай я принесу тебе одеяло и подушку.

Он пошел по коридору, постучал указательным пальцем на первую дверь справа.

— Это комната Эли, естественно, вход воспрещен, — он размял шею. — Она отчасти скрытная и не особо общительная. Вы двое, вероятно, не будете часто сталкиваться друг с другом, так как она пока работает.

Он коснулся двери слева.

— Это ванная Эли. Я не думаю, что она будет против того, что ты ею воспользуешься. — Он сказал это так, будто это действительно не имело значения, но я не мог представить себе

девочку, которая хотела бы делить ванную с парнем, которого она даже не знает.

— Моя комната в конце коридора. Там тоже есть ванная, если тебе нужно.

— Спасибо, чувак. — Я уронил сумку на пол рядом с большим кожаным диваном. Он стоял перед большой подставкой с телевизором на ней. Пульты от игровой приставки были внутри ящика с торчащими проводами.

Я наклонил свою голову к нему.

— Ты все еще играешь?

Мне вроде захотелось засмеяться, потому что раньше я тянул его ленивую задницу на улицу, чтобы поиграть или покататься на велосипедах, или, черт знает для чего, что я хотел сделать, поскольку Кристофер всегда сидел за видеоигрой. Он был тощим ребенком. Когда мы росли, я побил пару задниц за него. Никто после этого не доставал его.

Я ненавидел драться тогда, ненавидел даже вид крови. Но делал это ради него.

После того, как все случилось, драки были почти всем, что я делал. Когда напряжение нарастало, гнев требовал освобождения. Драки были идеальным выходом — способ выброса адреналина, способ, при котором он поднимался, пока не взломает меня, потом затоплял мои мышцы и протекал свободно по венам, выпуская все, пока я ничего не чувствовал.

Те ночи были единственными, когда я мог спать. Они, вероятно, освободили бы меня раньше, если бы постоянно не сталкивали с каким-нибудь чуваком, который путался у меня под ногами. Конечно, мудаки, которые били несовершеннолетних, не были в дефиците. Население там было просто постоянной цепочкой панков, которые могли пинать задницу, кому хотели.

Кристофер засмеялся, когда открывал шкаф в коридоре.

— Нет, я немного играю, но это здорово помогает расслабиться время от времени. — Он бросил мне подушку и одеяло. — Можешь оставаться так долго, как хочешь. Я оставил запасной ключ на столике, — он указал на ключ, прежде чем махнул рукой в сторону кухни. — Эли и я питаемся совместно. Просто войди в долю или как-то так, когда она пойдет в магазин.

— Да, конечно, — я бросил одеяло и подушку на диван, сел и расшнуровал ботинки. Полночь приближалась, и я почувствовал себя изможденным, потеряннным, но сомневался, что сегодня усну. Беспочинная тревога была моим постоянным спутником, и она выросла, когда я вернулся в город. Тревога грохотала внутри меня, и то же самое чувство призывало меня сесть на байк и поехать, чуть меньше недели назад.

Последние четыре года, как я вышел из колонии, я был сосредоточен, но без цели. Каждый день я появлялся на рабочей площадке, упорно трудился, мало дрался, но много трахался. Жалкая замена жизни, но это все, что у меня было. И у меня не было намерения как-то это менять.

И вот, девять дней назад, я проснулся утром, сел на байк и просто поехал.

Кристофер вытащил свой телефон из кармана.

— Я собираюсь предупредить Эли, что ты здесь. Я не хочу, чтобы она пришла и испугалась, что какой-то незнакомый парень спит на диване.

Кивнув, я встал на колени, и открыл сумку.

— Снова спасибо. Я собираюсь в душ и спать.

— Хорошо. Чистые полотенца в шкафу в коридоре. — Кристофер остановился в конце коридора.
— Я рад, что ты вернулся, Джаред.

Моя челюсть напряглась, но я расслабил ее, и сказал:

— Да, я тоже.

Душ был потрясающим. Я плохо себя чувствовал из-за того, что меня окружила куча девчачьего дерьма Эли, как будто я был каким-то вуайеристом [1], но ничего не мог с этим сделать. Я взял бутылочку с гелем для душа и брызнул немного на ладонь. Кокосовый. Намылил им тело и затем на лицо. Черт, хороший запах.

Качая головой, я сопротивлялся желанию смеяться, потому что все это было безумно.

Я вытерся, натянул боксеры, и чистые джинсы.

Топая в комнату, я вытирал влажные волосы полотенцем, повернулся и посмотрел на часы на микроволновке. Уже 00:40.

Ну, на самом деле не совсем и поздно, но странно, что Эли еще не было. Если бы я был Кристофером, то не знаю, что делал бы, если бы сестры не было в такой час. Думаю, в таком случае, я не смог бы уснуть...

Лицо моей младшей сестренки всплыло прежде, чем я смог остановить это. Боже, я не видел Кортни с тех пор, как ей было девять. С того дня, как она переехала жить к бабушке с дедушкой, через три недели после того, как я разрушил семью.

Месяцами, которые последовали, мои бабушка с дедушкой хотели, чтобы я жил с ними тоже, как будто, если бы они вытащили меня из дома, где мой отец пропивал свою жизнь, они спасли бы меня, и я не скатился бы по наклонной. Но я отказался. Они ничем не смог ли бы мне помочь.

Я был намного старше Кортни, так что я, на самом-то деле, не знал ее так уж хорошо. Я задумался, на кого она похожа сейчас, что она любит, счастлива ли она, или я разрушил и ее жизнь тоже.

Я выключил весь свет, кроме того, который был над микроволновкой, положил тонкое покрывало на диван и лег на него.

Оно было таким же удобным, как и выглядело.

Подсунув подушку под голову, я уставился в темный потолок. Холодный воздух непрерывно поступал из вентиляционных отверстий и не запускал душную жару. Все было невероятно тихо и спокойно. Я едва мог услышать, как проезжали автомобили по главной улице, и тихий гул насекомых в кустах снаружи.

Минуты тикали, когда я лежал один со своими мыслями. Ночное время самое худшее, когда воспоминания были настолько яркие, изображения так красочны, что я уверен, если бы я смог вытянуть руку достаточно далеко, то смог бы остановить их. Заменить их.

Исправить их.

Я бы сделал все, если бы была возможность.

Когда я не мог больше выдержать их, я закрывал глаза и начинал представлять. Они начинались как вспышки, маленькие всплески во времени. Мое сердце ускорялось, когда тошнота, которую я весь день подавлял, давала о себе знать, карабкалась по моим венам и стучала в ушах. Тошнота росла, и я прикрыл рукой глаза, сжал их сильно, мечтая о том, чтобы все исчезло. Тепло обожгло меня изнутри, пот выступил на лбу и скатился по задней части шеи.

Боль обрушилась на меня, поскольку страхи надвигались.

И все, чего я хотел — это умереть

Глава 3

Элина

Прохладная вода плескалась вокруг моей талии, когда я пробиралась к лестнице. После того, как я вышла из бассейна, меня окутало ночное тепло. Гейб вплотную шел за мной.

Я схватила полотенце, которое лежало в стопке на краю бассейна. Мокрые волосы прилипли к лицу и спине. Я обтерла их полотенцем.

На шезлонге Меган затерялась в Сэме, сплетаясь с ним конечностями, и что-то ему шептала...

Я тихо фыркнула. Она стремилась к этому, все в порядке. Я не могла винить ее. Я не видела, чтобы сегодня вечером она смотрела на кого-то другого, кроме него. Я просто надеялась, что он не окажется настоящим мудаком.

Я взглянула на Гейба. Я надеялась, что Сэм был похож на него, потому что была уверена, что Гейб даже близко не был мудаком. Гейб послал мне крошечную улыбку, когда брал полотенце, молча подтверждая мои предположения.

вернуться

1

Вуайери?зм (фр. voyeurisme от фр. voir — видеть или визионизм) — сексуальная девиация, характеризующая побуждением подглядывать за людьми, занимающимися сексом или «интимными» процессами: раздевание, принятие ванной или душа, мочеиспускание. Вуайер (вуайерист) — человек, который этим занимается. Вуайеризм в большинстве случаев связан с тайным наблюдением за другим человеком.

Я осознала, что сегодняшний вечер шел хорошо, что я ощущала себя хорошо, и, возможно, проводить время с Гейбом, действительно, не такая плохая идея. Я улыбнулась ему в ответ.

Я отвернулась, смеясь над несколькими нашими друзьями, которые решили, что они достаточно выпили и уже довольно поздно, чтобы снять всю одежду и прыгнуть в бассейн.

К счастью, я вылезла прежде, чем закончила бы вечеринку вот так.

Фигура Меган вырисовалась из темноты, ее голос был охрипшим.

— Эй, Эли. Я думаю, кто-то пытается дозвониться до тебя. Твой телефон светится каждые пять секунд. — Она потянулась к маленькому столику, где я его оставила, подняла его, и в это время подсветка снова загорелась, бесшумно сообщая о звонке. — О, похоже, это Кристофер, — сказала она, повернув его ко мне.

На цыпочках, босиком я подошла туда, где Меган все еще лежала с Сэмом. Когда я взяла телефон, подсветка потухла. Я пробежалась пальцами по экрану, и увидела, что у меня от него три пропущенных звонка.

— Странно, — пробормотала я.

— Все в порядке? — спросила Меган.

Я пожала плечом и ответила:

— Я не знаю. Он пытался позвонить мне три раза. — Кристофер никогда не проверяет меня.

На протяжении многих лет между нами все изменилось. Когда мы были моложе, Кристофер делал все возможное, чтобы отвести меня от себя, а я делала все возможное, чтобы не отставать от него и его друзей. Забавно, это была его идея, чтобы после окончания школы я переехала к нему. Вот тогда мы действительно сблизились. Мы были похожи, его зеленые глаза такие же яркие, как у меня, хотя его волосы на оттенок темнее, почти иссиня-черные. Он высокий, хорошо сложен во всех нужных местах, и худощав. Меня всегда забавлял тот факт, что он охмурил кучу девочек. Когда я переехала к нему, мне потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к постоянному каравану девочек, которых он приводил и выводил из своей комнаты. В конце концов, все свелось к уважению личной жизни друг друга. Мы справились с этим. Он занимался своими делами, я своими.

Я бродила по тихому углу двора. Медленно в меня просочился страх, когда я набирала номер. Прижала полотенце поближе к телу, как будто это защитный плащ. Прошло два гудка, прежде чем Кристофер ответил.

— Эй, — протараторила я, — все в порядке?

— Да... — сказал он, его голос звучал с облегчением, когда он сказал: — Мне просто нужно было перехватить тебя, прежде чем ты вернулась домой.

Небольшая паника, выросшая в моей груди, стихла, и ее место заняло любопытство.

— О... хорошо. В чем дело?

Он колебался, затем практически умоляя, прошептал:

— Только, пожалуйста, не злись, хорошо? Потому что мне на самом деле нужно, чтобы ты согласилась с этим.

Я нахмурилась. Я почти могла видеть, как ему неловко, и он сидит на краю своей кровати. Атмосфера этого разговора была абсолютно нехарактерна моему беззаботному братцу.

— Что случилось, Кристофер?

Он выдохнул.

— Ты помнишь Джареда Холта?

Имени было достаточно, чтобы выбить воздух из моих легких.

Помню ли я его?

Когда сейчас я оглядываюсь назад, то задаюсь вопросом, как было возможно разбить сердце в четырнадцать. Но, похоже, это возможно, потому что мое разбилось из-за него. Мой молодой мозг никогда не мог понять это. Мои чувства к Джареду не давали мне покоя, покидая то выдолбленное место глубоко внутри меня. Я так долго держалась за остаток той боли, пока она не увела меня и не превратилась в тайну, которая населяла самые глубокие впадины в моей голове. Тень памяти.

Упоминание его имени воспламенило это и вернуло обратно в мою жизнь.

Я проглотила комок, образовавшийся в горле, хотя чуть было не поперхнулась словами.

— Конечно, я помню его. И что?

— Он вернулся, Эли. — Как будто он не заметил моего потрясенного молчания, он продолжил: — Кэш и я были в «Вайн», чтобы пропустить по пиву, и он был там, просто сидел за баром, как будто был там всегда. — Я могла слышать, как печаль обволакивала голос Кристофера.

И я могла представить его, его волосы такие светлые, что почти белые, его кристально голубые глаза почему-то теплые, танцуют от радости и облегчения, а его красные губы растягиваются в дразнящей улыбке.

Затем все, что я видела, это его боль.

— Он в порядке? — прошептала я.

— Я не знаю, Эли. Разве он может быть? — Кристофер выпустил побежденный вздох. — Он... другой. Но он здесь, и это единственное, что важно прямо сейчас. Я имею в виду... он здесь, в нашей квартире. Он остановился в том старом мотеле, и я сказал ему, что он может остановиться у нас, пока подыскивает себе квартиру. — Кристофер сделал паузу, колеблясь. — И, боже, Эли. Я надеюсь, что не сделал ошибку, пригласив его. У него были такие неприятности, и я не хочу вспоминать это, но увидев его сегодня... все, о чем я мог думать, это о хороших временах, которые мы провели вместе, будучи детьми. Он мой лучший друг, и не имеет значение, что он сделал, ничто уже не изменит этого. Я не мог позволить ему вновь исчезнуть. Я уже поговорил с ним, объяснил, что тебе нужно личное пространство, и чтобы он не беспокоил тебя. Я действительно извиняюсь, что сначала не поговорил с тобой. — С этими словами он перестал говорить, тишина повисла в пространстве между нами, когда он попросил у меня разрешение, чтобы все было в порядке.

Я не знала, было ли все в порядке. Тысячи «что, если», страхи, и бабочки начали порхать в моем животе.

Но даже, если это было не очень хорошо, было невозможно сказать ему «нет».

— Да... хорошо... я не против, если он поживет у нас некоторое время, — я прикусила губу и заморгала, когда произнесла это, пытаюсь сдержать истерику, растущую в груди.

На контрасте с моей паникой, беспокойство покинуло голос брата:

— Спасибо, Эли. Я твой должник.

— Не беспокойся об этом.

Конечно, Кристофер не имел понятия, что это значит для меня.

— Можно мы не будем говорить об этом маме с папой? Я понимаю, это наша квартира и все такое, но мне не нужно, чтобы папа надрал мне задницу за это. Ты знаешь, как он ко всему относится.

— Конечно, — сказала я.

— Хорошо, тогда поговорим позже.

— Поговорим позже, — пробормотала я, прежде чем вызов оборвался.

Я вернулась обратно на вечеринку.

— Что случилось? — Меган подняла голову с шезлонга.

Я покачала головой:

— Ничего, Кристофер просто хотел поставить меня в известность, что его старый друг вернулся в город, — я пожала плечами, будто мне все равно. — Он собирается остановиться у нас на некоторое время.

Меган подскочила.

— Правда? Кто?

— Просто старый друг, с которым мы вместе выросли, Джаред Холт, — сказала я, с неестественным безразличием.

Она нахмурилась. За все эти годы, я ни разу не произнесла это имя.

— Он уехал прежде, чем ты появилась здесь, — добавила я, потому что уже видела вопрос в ее глазах.

Она недоуменно нахмурилась, сейчас она оставит это, но я знала, что еще услышу об этом позже.

Гейб потянулся ко мне, но я тихонечко отстранилась.

— Думаю, мне лучше вернуться домой, — я натянула шорты и майку на мокрый купальник.

— Меган, ты готова уехать? — спросила я, пока собирала свои вещи и запихивала их в сумку. Мои руки тряслись. *Черт.* Я повесила сумку через плечо.

Меган взглянула на Сэма, который выводил круги на ее руке.

— Ты хочешь, чтобы я отвез тебя позже домой? — спросил он, глядя на нее.

Она обратила свое внимание ко мне, извиняясь:

— Я думаю, что потусуюсь здесь какое-то время, хорошо? — она закусила нижнюю губу. Я

знаю, что значило это выражение, и услышала ее молчаливое «пожалуйста».

Я вернула ей взгляд: спокойный, но предупреждающий. «Будь осторожна».

Кивок ее головы был почти незаметным.

— Я позвоню тебе завтра, — пообещала она.

Это замечательно, что мы знали друг друга так хорошо, что могли понимать без слов, но она абсолютно ничего не знала об одной вещи, которая повлияла на меня больше всего.

— Хорошо. Пока.

Рука Гейба взяла меня за локоть. Все его прикосновения были нежными.

— Я провожу тебя.

Я не говорила ничего, просто шла молча, и выбралась в спокойствие спящего города. Я нажала на кнопку, чтобы разблокировать мою белую Тойоту Королла. Желтые огни мигнули, и я открыла дверь. Гейб приблизился, чтобы поцеловать меня, и я повернула к нему щеку.

Его дыхание опалило мое лицо, он был разгневан, когда отстранился.

— Что случилось, Эли? В одну секунду у нас все хорошо, а в следующую ты не позволяешь мне прикоснуться к себе, — он наклонился ближе. — Ты всегда так чертовски горяча и холодна. Разве ты не чувствуешь этого? Как хорошо нам могло бы быть вместе?

Я подняла голову, чтобы посмотреть на него, возвышавшегося надо мной.

— Извини, Гейб, — прошептала я и покачала головой. Я не хотела ранить его чувства, но, возможно, Меган была права. Я просто водила его за нос.

Его рука было теплой, когда он поднес ее к моей щеке.

— Я не откажусь от тебя. — Его прикосновение было нежным и приятным.

Он опустил руку вниз, чтобы взять мою и провел пальцем вдоль выступа, который портил внешнюю часть моего большого пальца на левой руке. Я зажмурилась и заставила себя не отстраниться от него. Я ненавидела, когда он делал так.

— Поговорим позже, ладно? — пробормотала я.

Я прыгнула на водительское кресло и завела двигатель, оставив Гейба стоять посреди улицы, глядя на меня. Я помчалась к своей квартире. Мое сердце стучало так, что я слышала его в ушах.

Как много времени я воображала это? Что увижу его снова? Просто, чтобы знать, что с ним все хорошо. Так много лет тайно были отданы ему. Ночи, проведенные в переживаниях, в страданиях от вопросов, ответы на которые я не получила. Увижу его, и это расставит все по местам.

Я наконец-то смогу отпустить его.

Я подъехала к задней части комплекса и проехала на свое парковочное место. Я сидела там

долго, пытаюсь успокоить расшалившиеся нервы.

Глубоко вдохнув, я вылезла из машины и схватила сумку с сиденья. Тепло пробежало по моей коже и сжалось в груди. С каждым шагом по парковке, мои опасения росли, и меня раздражала эта непреодолимая потребность увидеть его.

Наконец, я нашла в себе мужество, чтобы вставить ключ в замок. Тихонько открыла дверь, чтобы попасть в темную комнату. На кухне горел приглушенный свет. Воздух внутри был густо покрыт неизвестностью. Стук моего сердца усилился, когда я рискнула шагнуть внутрь и закрыла дверь. Я могла слышать его неглубокие вдохи, эту напряженность, которая излучалась в замкнутом пространстве. Через минуту я успокоилась. Картинки того, как в детстве мы играли вместе, пробежали в моей голове, как он ждал меня, чтобы поймать и затем дергал за волосы, когда я, наконец, добегала.

«Поспеш, копуша, прежде чем твой брат заставит тебя идти домой». — Воспоминания о том мальчишке подтолкнули меня вперед.

Мои глаза медленно привыкали к освещению. Его силуэт показался в моем поле зрения, этот неузнаваемый человек растянулся по всей длине дивана и спал. Его обнаженная грудь поднималась и опадала, движение практически затрудненное, как будто он боролся, чтобы заставить легкие работать. Одна рука была отброшена на лицо. Он спал в джинсах, его ноги растянулись до конца дивана.

Выставленная часть его оголенного тела была покрыта линиями, разными цветами и неясными композициями. Я подошла ближе. Непонятное влечение притягивало меня, мои пальцы дергались, когда я боролась с потребностью найти что-то знакомое в этом мужчине, который был абсолютно неузнаваем. Я задержала дыхание, когда приблизилась к дивану, медленно двигаясь вперед, и позволила своему взгляду путешествовать по его телу.

Его глаза распахнулись, и я ахнула, когда споткнулась.

Он резко принял вертикальное положение, его глаза были дикими, пока он фокусировался на мне. Они немного смягчились, когда он осматривал меня, блуждая взглядом, как будто изучал.

Я просто стояла там, затаив дыхание.

Когда он прошептал, его голос что-то во мне пронзил.

— Эли?

Я была душой, если когда-то подумала, что смогу отпустить его.

Моргнула и попыталась сориентироваться, чтобы заставить себя говорить.

— Извини, что разбудила тебя.

Он ничего не сказал, просто смотрел на меня огненными глазами. Я заерзала и опустила лицо под его интенсивным взглядом. Придерживаясь за стену, я проскользнула по коридору и нащупала ручку позади себя. Я толкнула ее и скрылась внутри, потому что не имела понятия, что делать со всеми этими мыслями, которые просочились в мой мозг.

Я стояла в середине комнаты, уставившись на закрытую дверь. Слабое свечение прокрадывалось из-под нее.

Стащив одежду и мокрый купальник, я вытащила новые трусики, какие-то спальные шорты и соответствующую маечку. Я заползла на кровать, упала на спину и поглядела в потолок.

Мой пульс ускорился, когда я думала о том, что он находился с другой стороны моей двери.

Джаред Холт был здесь.

Мои губы изогнулись в намеке на улыбку. Он был настоящий, больше не завуалированная тайна, которую я прятала в сердце. Он жив. Он дышит.

И боже, если он не самый красивый парень, которого я когда-либо видела.

Когда я проснулась следующим утром, рассеянный утренний свет проникал в мою комнату сквозь жалюзи. Моргнув, я потянулась и зевнула. Джаред. Он был первой мыслью в моей голове, и просто его имя вызвало улыбку. Этим утром не было никакой необходимости уговаривать себя вылезти из кровати. Вспышка волнения образовалась в груди, когда я подумала, что увижу Джареда при свете дня, услышу, как он говорит, посмотрю на кого он был похож сейчас. Я прокралась к двери, приоткрыла ее и выглянула. Одеядло лежало смятое в кучу на диване, и я услышала воду, льющуюся в ванной.

На цыпочках прошла на кухню и порылась в холодильнике, чтобы найти упаковку апельсинового сока. Я приподнялась на носочки, чтобы достать стакан с верхней полки шкафа, наполнила его наполовину и сделала глоток. Холодный, он приятно проскользнул по моему сухому горлу, что я даже закрыла глаза, и вдруг услышала, что кран закрылся, и дверь со скрипом открылась. Возбуждение промчалось по мне, я мгновенно почувствовала, когда он появился позади меня.

Я все еще пыталась примирить воспоминания о друге детства моего брата, о том, которого я представляла своим собственным, даже если я была только маленькая помещенная девочка, с мужчиной, которого я уловила в тусклом свете, когда вглядывалась в него прошлой ночью. Я пыталась сложить все это, реального мужчину, который был здесь, с фантазией, которую я проигрывала у себя в голове последние шесть лет, картинки взрослого Джареда, и я всегда размышляла, и молилась, чтобы однажды наши пути пересеклись. В тусклом освещении, в котором его увидела, я знала, что мое воображение даже близко к такому не приближалось.

Его движения были медленными, когда он обошел стойку, и зашел на кухню. На мгновение, мы стояли в неловкой тишине, напряжение исходило от нас. Он, в итоге, пробормотал тихо:

— Доброе утро. — Его голос глубокий, хриплый. Мой желудок стянуло узлом в предвкушение, когда этот звук плавно двинулся по моей коже.

— Доброе утро, — прошептала я в ответ. Я сделала еще глоток апельсинового сока, и собралась с силами. Потом, наконец, набралась смелости, чтобы посмотреть через плечо.

И замерла, когда смогла, на самом деле, рассмотреть его.

Боже.

Вспышки воспоминаний промелькнули в моем воображении, картинки, мальчик почти с белыми волосами, который проводил так много времени в моем доме, когда мы росли, что, возможно, он даже жил там. То, как он всегда смеялся, и поддразнивания постоянно соскакивали с его языка. Но, прежде всего, у него было самое большое сердце, которое я когда-либо встречала. Я никогда не забывала, как в его колючих кристально голубых глазах,

появлялась нежность, когда он говорил со мной, или как он был заинтересован во всем, что происходило вокруг него, его любопытство распространялось на листья деревьев, и даже насекомых, которые ползали по земле.

Сейчас же...

Его волосы потемнели на оттенок или два, светлые с небольшим коричневым отливом. Они были короткие по бокам, а на макушке едва достаточная длина, чтобы запустить туда беспокойные пальцы, когда он уставился на меня, пока я в шоке смотрела на него. Он не был таким высоким как Кристофер, но достаточно высок, чтобы возвышаться надо мной.

Мои руки сжались вокруг стакана, а глаза расширились. Затем он подошел.

Щетина покрывала его челюсть, которая была крепко сжата, когда он жевал одной стороной рта, нервно скрипя зубами. От него пахло мятой и с очень слабым намеком на сигареты — эта комбинация была опьяняющей, и ничуть не отталкивающей. Я не смогла остановиться и разглядывала его, впитывая каждый дюйм этого мужчины, который держал меня в своей ладони, не имея ни малейшего понятия, что делал это.

Он стоял на моей кухне, только в джинсах. Его талия узкая, а плечи широкие. Жилистые мышцы извивались вниз по рукам. Они колыхались даже при малейшем движении, а его джинсы висели на тазовых костях, которые торчали прямо над поясом. Мое внимание спустилось вниз по его ногам, туда, где он стоял босиком на кафельном полу кухни. Даже его ноги были сексуальными.

Я моргнула, прогоняя ступор. Нет. Изображения, которые появлялись в моем мозгу, определенно, не воздавали ему должное.

Ни одна из тех вещей не похожа на то, что я видела в реальности. Мое внимание сосредоточилось на том, что я не смогла полностью разглядеть прошлой ночью. Почти каждый дюйм его кожи был покрыт чернилами, эти замысловатые рисунки, которые кровоточили и плакали, вместе создавали намек на смерть. Все они смешивались так, что нельзя было отличить один от другого, просто вычерченные цвета и намеки, которые размывались от одного ужаса к следующему. Пламя облизывало почти всю правую руку, пара светло-голубых глаз, смотрящих из глубин, казалось, умоляли, как будто прокляты навечно в этом бушующем огне. Мое внимание переместилось на его руки, где рисунки стекали вниз по запястьям и просачивались на пальцы. На костяшках пальцев одной руки можно было прочитать 1990. На другой руке 2006.

Мой живот болезненно сдавило, поскольку я поняла значение этих цифр.

На этом парне была вытатуирована боль.

Неуверенно, я вернула взгляд на его лицо. Те нежные глаза, больше не были нежны, а лишь суровы, когда они пригвоздили меня совершенно иной степенью силы, чем это было прошлой ночью. Это выражение бушевало с гневом и намеком на разочарование.

Он развел руки в стороны ладонями вверх, как будто приглашал посмотреть, хотя презрительная усмешка появилась на его великолепном лице:

— Действуй, Эли. Ты тоже хочешь заглянуть внутрь меня?

Я повернулась, чтобы оказаться с ним лицом к лицу. Я попятилась назад. Острый край стойки

впился в заднюю часть моих бедер, когда я инстинктивно отходила от волн гнева, которые исходили от его тела.

— Я не говорила ничего, — сказала я, слова хаотично вылетали из моего рта.

Недоверчивый смешок вырвался из него, он покачал головой и отвернулся, сложив руки на затылке, и как, показалось, изо всех сил боролся с тем, что собирался сказать.

— Да, тебе и не нужно было. Я всё понял. Мне не нужна твоя гребаная жалость, так что сделай нам обоим одолжение, и притворись, как будто меня здесь нет, хорошо?

Он шокировал меня, замыкая пространство между нами. Его голова наклонилась, сосредотачивая внимание на мне, он прищурил глаза. Я могла чувствовать, как его грудь поднималась и опускалась. Моя спина прогнулась над стойкой, когда он прошипел мне в лицо:

— Мне не нужно знать всю твою херню, и уверяю, тебе не нужно знать мою.

Он выпустил ожесточенный хрип, затем отстранился и вышел.

Я стояла там, пытаюсь остановить головокружение, в то время он исчезал за другой стороной стойки, а затем в гостиной. Он оставил меня с колотящимся сердцем, и пронизывающим чувством разочарования.

Я слышала, как он копался в своих вещах. Только мельком увидела его, когда он бросился к входной двери, натягивая рубашку через голову. И захлопнул дверь за собой.

О мой бог. Что, черт побери, только что произошло?

Я повернулась, и прижала ладони к стойке для поддержки. Опустив голову, я пыталась пробраться через последствия шторма, которым был Джаред Холт. Как мы прошли от бормотания «доброе утро» друг другу до тотальной войны за три секунды? Мой пульс ускорился, и я вдыхала воздух, пытаюсь успокоить панику, которая разрасталась внутри меня.

Чувство вины тяготило мой разум, так как я знала, что часть этого было моей ошибкой — то, как я рассматривала каждый дюйм его тела, как будто он какой-то экспонат на выставке. Мои мысли метались между вопиющим желанием и горем, смешанным и объединенным в эту неясную эмоцию, которая заполнила каждую щелку в моей груди.

Но чего он ожидал? Что я не буду смотреть? Что он стоял передо мной в одних джинсах, а мои глаза не будут бродить по нему и рассматривать?

— Черт, — прошептала я, пытаюсь утихомирить свою реакцию на него. Но я не могла ничего поделать с тем, что он заставил меня почувствовать. Часть меня хотела ударить его за то, как он обращался со мной, но большая часть меня хотела дотянуться и проследить линии, которые вытатуированы на его теле, почувствовать их, потому что я знала, в каждом отдельном рисунке были воспоминания, что каждый выпускал чувства, символизировал момент времени, который имел для него значение. Он был прав. Я хотела попасть внутрь него.

Слезы хлынули из моих глаз. Они падали, а я вытерла их. Было ли то, что я чувствую, жалостью? Создала ли жалость эту эмоцию, которая родилась во мне в ту ночь, жалость ли вплела себя в мое сердце, и заставляла его страдать по нему все эти годы?

Я верила, что это больше, чем жалость.

Встряхнувшись, я нашла в себе силы, и опору, я пошла в ванную, повернула кран в душе на самую горячую воду, позволяя пару заполнить комнату, пока я попыталась разобраться в ком-то, кого я не знала.

Но под все его броней, я видела его.

Под гневом, я признала мальчика, с которым была знакома так давно.

Я была уверена, что это был Джаред, который не знал сам себя.

Глава 4

Лето 1997

— Давай, Кристофер, просто позволь ей пойти. Она никому не помешает.

Джаред стоял в конце тротуара, повернувшись к ней лицом. Эли зависла на дверном пороге, задаваясь вопросом, почему Кристофер ее так ненавидит. Она всегда хорошая и никогда не рассказывает, когда он делает что-то плохое. Это не ее вина, что ей только пять лет.

Кристофер тащил толстую палку по тротуару, когда он вышел на середину улицы перед их домом. Она стучала по гальке.

— Хорошо, — сказал он с раздраженным вздохом. — Но если она будет вести себя как маленькая, я отправлю ее домой.

Джаред посмотрел на нее с улыбкой.

— Пойдем Эли, — сказал он, отворачиваясь.

Впереди, Джаред подпрыгнул около Кристофера и дал ему подзатыльник. Джаред засмеялся и побежал. Кристофер погнался за ним.

— Однажды ты заплатишь за это, Джаред.

— Только если сможешь догнать меня.

Эли не волновалась слишком сильно. Кристофер на самом деле не был злым. Они всегда так играли.

Она шла за ними, передвигая свои маленькие ножки, так быстро, как могла, чтобы не отставать. Кристофер и Джаред нырнули через дыру в деревянном заборе, который ограждал квартал от пустых земель за ним.

— Подождите меня, — крикнула Эли, почувствовав небольшой укол страха, что может остаться одна.

Джаред выглянул из дыры.

— Не волнуйся, Киса Эли, я не оставлю тебя.

Глава 5

Джаред

Я схватился руками за голову, пиная ногами пустоту, пока наматывал круги по стоянке, пытаюсь понять, что, черт побери, только что произошло наверху.

Элина Мур была как гребаный спусковой крючок.

Я был не готов к ней. Я фыркнул и потянул себя за волосы. Как будто я мог сделать что-нибудь, чтобы подготовиться к встрече с ней.

Это было похоже на маленькое чудо, я задремал прошлой ночью, дрейфуя по окраинам моего сна, как будто мой разум плыл через сказочное государство. Боль пришла, но она была слабая, когда я плыл, спокойствие овладевало мной, прежде чем я, проснувшись, открыл глаза.

И девушка, стоящая надо мной, была своего рода чертовым видением.

Волны длинных почти черных волос спадали вокруг ее лица, так близко, что я представлял, как они касаются моей груди. Ее подбородок острый, скулы высокие, и уверен, ее полные губы очень мягкие.

Но именно эти пронзительные зеленые глаза, которые смотрели будто сквозь меня, вынудили меня подняться.

Как только мое зрение сфокусировалось, мой взгляд зацепился за совершенные изгибы ее стройного тела. Она была одета в маленькие шортики и небольшой красный топ, а завязки ее купальника, выглядывая, оборачивались вокруг ее шеи. Ее гладкая оливковая кожа светилась золотым в тусклом свете. Девушка длинноногая и, несомненно, самая сексуальная из всех, кого я видел. Тем не менее, было что-то в ней, что, казалось, утонченным и нежным.

Потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя и понять, что это была Эли. Я обнаружил, что в замешательстве шепчу:

— Эли?

Потом она пробормотала какие-то извинения, как будто она вторглась ко мне, хотя я был тем, кто ночевал на ее диване. Она помчалась в свою комнату, резко открыла дверь и закрылась от меня, оставляя меня совершенно не в состоянии понять, что великолепная девушка, которая только что стояла передо мной, была той, кто удерживал мою такую далекую и лучшую часть жизни.

Я обхватил ладонью заднюю часть шеи, и подsunул солнцу лицо. Даже в девять утра, жара опалила, жгла мою кожу. Мои веки опустились, чтобы защитить глаза от слепящего солнца, и я покачал головой.

Твою мать, чертов спусковой крючок.

Она спровоцировала воспоминания, те, о которых я даже не хотел помнить. Воспоминания, когда я был счастлив и свободен. Воспоминания, которые издевались надо мной, о том, чего я больше не мог получить.

Но хуже этого было то, что она инициировала в моем теле. Я мог винить в этом то, что оставил Лили в баре, после того как планировал провести с ней ночь, зарывая свою агрессию в нее, но я был бы лжецом. Никто никогда не вызывал у меня такую реакцию, как Эли.

Прошлой ночью, я лежал без сна несколько часов, боролся с этим, ругал себя за то, что даже

на секунду позволил моему мозгу уйти в такого рода мысли. Она была младшая сестра Кристофера, ради Бога. И она была как младшая сестренка для меня. Я достал свой дневник, намереваясь вылить мое отвращение на его страницы, но вместо этого, написал какое-то чертово никуда не годное дерьмо о песнях Сирены.

Когда рассвет, наконец, показался из окон рано утром, я вышел на балкон покурить и наблюдал, как встает солнце. К тому времени я получил контроль над ситуацией и взял на заметку то, что меня поразило: как прошедшие годы изменили ее, что, в действительности, Эли больше не ребенок.

Затем этот спусковой крючок пришел в действие, когда я проскользнул позади нее на кухню. Беспорядочные черные волны ее волос спадали по сторонам, и она была одета в коротенькие пижамные шорты, которые открывали ее длинные ноги, и все, о чем я мог думать, было как я приподнимаю ее попу на стойку, мои руки на ее коленях, когда я развожу их в стороны, затем мои ладони на ее бедрах.

Волна вины затопила меня, в то время, как фантазии уже пришли в голову. Я прошептал, каюсь:

—Доброе утро, — зная, что я должен собрать свое дерьмо, потому что не было ничего правильного в том, как я смотрел на нее.

Но потом, она посмотрела на меня. Нет. Не посмотрела. Таращилась.

Осуждала.

Уставилась на меня, как будто я какое-то шоу уродов.

Это и стало спусковым крючком моего пистолета. Это вызвало гнев, который присутствовал всегда в каждой клеточке моего тела. Отвращение проскользнуло сквозь мои стиснутые зубы, когда я спустил его на девушку, хотя на самом деле, это не относилось к ней вообще.

Единственный человек, которого я ненавидел — был я сам.

Тем не менее, у нее не было права на меня так смотреть. Я не приехал сюда за ее жалостью, чтобы она рассматривала меня своими глазками и думала, что что-то понимает. Как будто ее это заботит. Никого это не заботит. Людям просто нравится чувствовать себя лучше, выставляя свое сострадание.

И я абсолютно уверен, что ей плевать.

Мои кулаки сжались по бокам.

Дерьмо.

Но я не мог избавиться от ноющей боли, которая тянула где-то глубоко внутри. Мне было невыносимо видеть ее такой: дрожащей и начинающей плакать. Ненавидел знать, что этому причина я. Я напугал ее.

Но это к лучшему. Я не врал, когда сказал ей, что ей не нужно ничего знать. И после реакции, которую она вызвала во мне, мне определенно не стоило ничего узнавать про нее.

Я склонился над столом, заполняя то, что ощущалось как сотое заявление, которое я написал

сегодня. Большая часть дня была съедена перебежками от одной строительной компании к другой, гоняясь за работой, которая не существовала в этой отстойной системе. Снова никем не нанятый, я провел половину дня, подвергая сомнению свое здравомыслие. Кто, черт побери, просто уезжает из своего дома и увольняется с приличной работы без каких-либо планов? Такие идиоты как я, вот кто.

Я закончил заявление, и встал.

— Готово? — владелец, Кенни Харрисон, сидел за большим письменным столом в противоположном конце комнаты, раскачиваясь взад-вперед на ужасном офисном кресле.

— Да, сэр. — Я ответил, в то время как пересек комнату и отдал ему заявление. Конечно, я надеялся на должность, подобную той, что оставил в Нью-Джерси, но согласился бы и на любую.

Он просмотрел мое заявление, внезапно поднял свое лицо ко мне:

— Ты родом отсюда?

Я просто кивнул, не смог заговорить.

— Хмммм. — Он продолжил: — Твое заявление выглядит хорошо. У нас сейчас немного проектов, но я смогу пристроить тебя куда-нибудь. Ты не будешь заниматься тем, что делал на прошлой работе, но все же.

Разочарование поразило меня, но я быстро стряхнул его:

— Согласен.

Кенни засмеялся:

— Отчаявшийся, да?

Я переступил с ноги на ногу, чувствуя себя неловко. Я заставил себя стоять спокойно:

— Можно сказать и так.

— Ладно. Почему бы тебе не вернуться сюда в понедельник утром, и заполнить кое-какие документы, чтобы начать работу?

— Спасибо, мистер Харрисон.

— Зови меня Кенни.

Я пожал его руку и начал уходить, бормоча слова благодарности, прежде чем вышел за дверь.

Я знал, что должен чувствовать облегчение, благодарность, но единственное, что я чувствовал — беспокойство, которое росло в течение дня. Я чувствовал, как оно гудит под моей кожей. Я прыгнул на байк, выехал на автостраду, прибавил газу и надеялся, что прогоню это. Горячий воздух врзался в мое лицо, и свистел в моих волосах, выталкивая гнев все выше и выше... Я мчался в потоке машин.

Сегодня адреналин от скорости не сработал. Это только натянуло беспокойство в моей груди, стало труднее дышать, когда я выжал газ. Когда вечером солнце начало садиться, я пресек

пробку и находился недалеко от квартиры Кристофера и Эли. Я понял, что не могу вернуться, но был не в состоянии уехать дальше.

В конце концов, я остановился позади заброшенного здания с бутылкой Джека. Я подумал, что если не могу сбежать от этого, то утоплю это в алкоголе. Поднес бутылку к губам, приветствуя жжение, когда содержимое проскользнуло вниз по моему горлу и оказалось в желудке. Я подносил ее к губам снова и снова, откинув голову на штукатурку старого здания, и слушал, как ночь медленно проникает на улицы города.

Я никогда не понимал, почему звуки становятся более отчетливыми ночью, почему я могу слышать работу двигателя на мили отсюда, шелест птиц, когда они устраиваются в деревьях, эхо споров, которые происходят за закрытой дверью вниз по улице. Это все проникало и просачивалось в мое сознание, как будто каждый звук принадлежал мне. То, что некоторые рассматривали как мирное, ощущалось весьма подавляющим. Сегодня вечером то старое пристрастие ударило меня, сильное желание полного онемения, временного облегчения. Мне просто было жаль, что в течение одной проклятой ночи, я не мог заблокировать все это. Я допил бутылку. Моя голова закружилась, и я зажмурил глаза.

Но я никогда не мог отогнать это. Никогда не мог утопить.

Я никогда не забуду.

Моя рука сжалась на горлышке бутылки, и я встал. Зарычал, когда бросил бутылку в стену. Она разбилась. Стекло лопнуло и разлетелось по земле. Звуки топили воспоминания, и все, что я мог услышать, было разбившееся стекло, которое рассыпалось вокруг меня.

Я развернулся и врезал кулаком по зданию. Кожа на моих костяшках лопнула, когда они встретились с неровной стеной. Затем кожа побелела и побледнела, прежде чем кровь хлынула наружу. Я приветствовал это забытье, которое создавалось внутри меня.

Я снова и снова стучал кулаками по стене, пока не начал задыхаться, а кровь свободно капала с моей кожи. Ярость крутилась в моей груди и вырвалась из моего рта.

Это должен был быть я.

Это должен был быть я.

В изнеможении я опустил голову, прижав свои ладони к стене, когда глотал воздух. Жар пробрался вниз по моему горлу и превратился в моих легких в огонь. Моя голова качалась, а тело дрожало, когда агрессия наконец сломала, разрушила меня, а последствия принятия алкоголя поставило меня на колени.

— Бл*дь, — простонал я, резко упав на живот и прижав щеку к земле.

Я никогда не должен был возвращаться сюда. Было слишком много в этом месте, что отражало мое прошлое и звучало знакомо. Я отказывался испытывать комфорт в этом месте. Прежде всего, я боролся против желания остаться.

Глава 6

Элина

Я поехала в сторону старого квартала. У меня был час, прежде чем я должна быть на работе, и

после того, как Джаред убежал от меня сегодня утром, у меня появилось сильное желание съездить домой. Это не так, как будто я никогда не посещаю или провожу много времени, не видя родителей и моего младшего брата, Августина. Я вижу их часто. Но прямо сейчас я чувствовала потребность вернуться в старый квартал, где я так много времени провела с Джаредом, когда мы были детьми.

Я свернула налево, на улицу, где выросла. Это старый квартал с большим количеством семей. Я улыbnулась, вспоминая как спокойно здесь всегда было, если только Кристофер и Джаред не устраивали какие-нибудь беспорядки посреди улицы.

Заехав на подъездную дорожку, я припарковалась около гаража, перед скромным домом. Большие деревья вытянулись вверх во дворе. Моя мама, Карен, посадила их, когда Кристофер был малышом, чтобы они напоминали ей ее родной дом в Айдахо. Мама встретила папу, когда ей только исполнилось девятнадцать, вышла за него в двадцать и ожидала Кристофера к тому времени, когда ей было двадцать один. Она сказала, что никогда не думала дважды о том, чтобы покинуть дом, чтобы быть с папой, но это не означает, что она не скучала по нему.

Они купили этот дом, когда Кристоферу было девять месяцев. Они познакомились с Элен, мамой Джареда, в первый же день, после переезда. Мама говорила, что никогда не забудет голубые глаза шестимесячного малыша Элен, которого она держала на бедре, когда она позвонила в дверь, чтобы поприветствовать новых соседей. Мама и Элен уцепились друг за друга, они из того вида «быстрых» друзей, которые сразу чувствовали, будто знали друг друга всю жизнь, и всех нас вырастили вместе.

Я прошла по тротуару и позвонила в звонок, прежде чем позволить себе войти. Дверь скрипнула, открываясь:

— Мам? — позвала я.

— Эли?

Я пошла на ее голос, прошла через фойе и гостиную. Затем минула арку, ведущую на кухню, и в то же время она крикнула:

— Я на кухне. — Ее внимание было сосредоточено на тесте для печенья, которое она укладывала небольшими холмиками на лист.

Я подкралась к ней сзади и ткнула пальцем в бок.

Она подпрыгнула, а я засмеялась, когда она повернулась.

— О боже, Эли. Тебе обязательно делать это каждый раз?

— Ум, да, потому что ты попадаешься на это каждый раз.

Думаю, что пугала ее в девяти случаях из десяти, даже после того, как я делала ей предупреждения, что я дома. Она была такая нервная.

Она засмеялась, и притянула меня в объятия.

— Приятный сюрприз. Я не думала, что увижу тебя сегодня.

Я пожала плечами:

— У меня было немного времени, так что я подумала, что могу заехать до начала своей смены.

Она повернулась обратно, чтобы засунуть выпечку в духовку, и нажала несколько кнопок, чтобы установить таймер. Я прислонилась к стойке. Она повернулась ко мне с нежной улыбкой.

— Ну, это действительно здорово, что у тебя есть время заехать сюда. Я думаю нам нужно устроить день шопинга мать и дочь. Может быть, перекусить где-нибудь?

Мы с мамой совсем не были похожи друг на друга, если только немного. Мы с Кристофером были больше похожи на папу, но ростом все же пошли в маму, которая на два дюйма короче, чем папа. Она отлично выглядела, когда была помоложе, и годы пошли ей на пользу. Она всегда красила волосы любимым цветом, который вы можете вообразить, и была первой, кто пробовал новый продукт или новый внешний вид. Мой шопинг-партнер в преступлениях, она знала, что будет модно, прежде чем это происходило. И она знала, когда надо сохранить что-то, потому что это вернется снова в моду. И я любила ее всем сердцем.

— Да, я согласна на день шопинга. — Потом я нахмурилась, когда увидела весь этот беспорядок на кухне: — Ты занимаешься выпечкой? Почему?

Она закатила карие глаза, хотя это выглядело добродушно настолько, насколько могло быть закатывание глаз.

— Ух... футбольная команда Августа делает распродажу домашней выпечки, и он подписал меня на десять дюжин печенья. — Она вроде как улыбнулась и кивнула головой в сторону коридора. — Они уже начали тренироваться к выпускному году. Похоже, у него хорошие шансы стать основным квотербеком [2].

— Он дома?

— Да.

— Я пойду поздороваюсь с ним.

— Конечно.

Я оттолкнулась от стойки и направилась по коридору к его двери. Я постучала.

— Входи.

Я толкнула дверь, она открылась, в то время как Август сидел на своей кровати. Он вытащил наушники из ушей, и отбросил журнал в сторону.

— Эли, привет. — Он широко улыбнулся и показал ямочки. Из всех нас, он был больше всего похож на маму. — Что ты здесь делаешь?

— Просто соскучилась по тебе и подумала, что загляну сказать тебе привет.

Он толкнул свое большое тело, чтобы встать, его темно-коричневые волосы упали на глаза. Его объятия были теплыми, и я прижалась лицом к его груди.

— Рад видеть тебя, — сказал он.

— Ну, если бы ты не тренировался все время, возможно, ты нашел бы время для своей старшей

сестры.

— Да, да, да. — Он отстранился с усмешкой. — Так, что происходит? Что-то новое и интересное в мире Эли и Кристофера?

Я секунду поколебалась, прежде чем сказала:

— Неаа. Только работала и тусовалась с Меган немного.

Брови Августа приподнялись, так же как и его интерес:

— Меган, да?

Я ударила его в плечо.

— Ты такой ужасный. Я уже говорила тебе, Меган, полностью под запретом.

Он засмеялся, потом развернулся и плюхнулся на кровать.

— Ну, это досадно, потому что мне скучно со всеми девушками, которых я знаю.

— Ты думаешь, если ты «оббегал» всех девочек в школе, то я собираюсь свести мою лучшую подругу с моим маленьким братиком? Ты ударился головой во время тренировки?

Он повернулся так, чтобы посмотреть на меня, в его глазах плясали чертята.

— А что? Она горячая.

Я подобрала мяч с пола и бросила в него.

— Грубиян, — проямлила я, когда выскочила за дверь. Он засмеялся, когда я закрывала ее.

Я остановилась, когда дверь защелкнулась, слишком громко для тихого коридора, моя рука по-прежнему держала дверную ручку, когда мои нервы напряглись. Я взглянула в сторону кухни. Венчик, ударяющийся о металлическую миску, заверил меня, что мама была занята. Почему я чувствовала, как будто была на какой-то секретной операции, не знаю. Я проскользнула в мою бывшую спальню и тихо закрыла за собой дверь.

вернуться

2

Квотербек - позиция игрока команды нападения в американском и канадском футболе.

Мама оставила, в основном, все по-старому, за исключением стопки коробок, которые она составила у одной стены. Темное разноцветное покрывало лежало на кушетке у окна, и мои стены были украшены фотографиями друзей из средней школы, моими билетами с выпускного вечера и маленькими сувенирами, которыми я думала, что дорожила. Как ни странно, я не дорожила ими настолько, чтобы перенести их в новую квартиру.

Я провела пальцами по ним, вспоминая о годах, когда Джаред здесь не было. Так много времени я провела в одиночестве, воображая день, когда он вернется в мою жизнь.

Я прикусила губу, вспоминая злобу, которая появилась на его лице сегодня утром. Оказалось, его возвращение было тем, что я не смогла понять, что-то вроде грома и хаоса.

Я опустилась на колени и засунула руку между матрасом и матрасной пружиной своей кровати. Кончиками пальцев я задела альбом и ловко повернула руку, чтобы свободно вытянуть его. Упав на попу, я оперлась на кровать. Мне потребовалась несколько секунд, чтобы набраться мужества открыть его. Моя бабушка подарила его мне, когда я была маленькой, прежде чем она умерла. Она сказала мне, чтобы я сохранила его для чего-то, что значило много для моего сердца. Старый в твердом переплете альбом скрипнул, когда я подняла обложку.

Его лицо было на каждой странице. Все за исключением тех, что я вырвала той ночью.

Я проследила пальцами линии, исследуя то, как я представляла его тогда. Хотя годы ожесточили его, его глаза не так отличались от того, какими были в те дни.

Вздыхнув, я сунула альбом в сумку и пошла обратно на кухню. Я подошла сзади к маме и обняла ее руками за талию.

— Люблю тебя, мам.

Ее выражение лица было нежным, когда она посмотрела на меня через плечо.

— Люблю тебя, Эли. — Затем она нахмурилась: — Все хорошо?

— Да. — Я покачала головой, когда скрутила в трубочку губ. — Я просто устала.

Она кивнула, но это было больше оценивающе, чем действительно соглашаясь. Я могу сказать, что она не поверила в это. Мама знала меня достаточно хорошо, чтобы увидеть, когда я лгу.

— Ты знаешь я здесь, когда бы я тебе не понадобилась.

— Я знаю, мам. — Я сжала ее, прежде чем отойти. — Мне надо бежать.

Она разочарованно выдохнула:

— Хорошо, конечно, брось свою пожилую маму здесь в полном одиночестве со своим противным братом.

Я засмеялась, потому что мама никогда не выглядела пожилой.

Я открыла дверь. Мамин голос прозвучал мне вслед:

— И дай мне знать, когда не работаешь, чтобы мы могли отправиться на шопинг.

— Хорошо, — пообещала я, прежде чем захлопнуть за собой дверь.

Солнце стояло гордо в центре неба, тепло впиталось в меня за считанные секунды. Я пошла к машине, но прошла мимо. Мое внимание сдвинулось на два дома дальше, на ту сторону улицы, к тому дому, в котором жил Джаред.

Приняв решение, я повернула и зашагала по тротуару вниз, где еще стоял покосившийся забор. Я опаздывала на работу, но сегодня им просто придется подождать. Пот капельками выступил на задней части шеи, и я лишилась дыхания, когда пригнулась и втолкнула себя в

маленькое отверстие в заборе, который когда-то был похож на центр моей вселенной. Обломки дерева потянули меня за футболку, и я покрутилась так, чтобы протиснуться через них.

С другой стороны я выпрямилась, когда холодок пополз по моему позвоночнику. Сорняки выросли большими на обширном пространстве. В отдалении возвышался забор, к которому примыкал другой квартал южнее нашего, но перед ним было шесть акров необитаемой земли, где мы проводили так много времени, когда были детьми. Следов нашей игры уже не было видно. Деревья, которые однажды приютили наши сказки, теперь, казались неуместными, высокими и широкими на фоне этого бесполезного пустыря. Колючки цеплялись к моим ногам, когда я побрела к нашему дереву. Я не была здесь очень много лет.

Я стояла под гниющей древесиной, маленькие кусочки дерева два-на-четыре были прибиты к стволу, все еще предполагая возможный побег. Я оперлась на самый низкий и схватилась за ветку, когда подтягивала себя вверх. Осторожно, я сделала еще один шаг, и нижний уровень нашего домика попал в мое поле зрения.

Я вскрикнула, когда третья ступенька прогнулась, но мне удалось удержать себя на крепкой ветке, подтягиваясь вверх весь остаток пути.

Я обосновалась на участке фанеры, который мы так тщательно забивали в безопасное место на дереве. Этот маленький домик, казался, таким массивным, когда мы строили его. Я подтянула колени к груди, и откинула голову на одну из крупных веток, выросшую оттуда, где ствол делился на четыре части.

И закрыла глаза.

Глава 7

Лето 1999

Эли из последних сил тащила тяжелый кусок дерева. Джаред называл его фанерой, а её работа заключалась в том, чтобы дотащить его от забора до дерева. Ранее ее папа разрешил использовать все, что угодно, только если они не будут устраивать беспорядок, и возвращать его инструменты на место.

— И следи за своей маленькой сестренкой Кристофер, — сказал папа, останавливаясь с их мамой, чтобы дать некоторые указания.

Эли повернулась, пятясь, когда тащила плоский кусок дерева. Он был такой большой, что она едва могла обернуть руки вокруг него. Он вонзался в ее ладони. Она хотела заплакать, так как было больно, но она больше не малышка. Ей было семь, и она знала, что ей необходимо сделать это. Она потянула сильнее, кусок скреб по земле. Эли гордо выдохнула, когда бросила его у основания ствола.

— Сделано, — сказала она, отряхивая руки.

— Вовремя, — Кристофер крикнул откуда-то с дерева, резкий удар молотка отдавался в ушах.

Она отпрыгнула, когда Джаред внезапно спрыгнул с дерева и приземлился на ноги.

— Хорошая работа, Киса Эли, — он наклонился вниз и поднял фанеру над головой, пристраивая ее на одно плечо, когда поднимал ее на дерево.

— Это будет самый классный домик на дереве в истории, — услышала она его голос.

— Могу я тоже присоединиться? — спросила она, пытаясь подняться, так же как Джаред.

— Нет, — возразил Кристофер, в то время как Джаред сказал:

— Сначала ты должна пройти посвящение.

Ее желудок немного сжался. Она не думала, что достаточно хороша для этого.

Она поднималась к голосам, звучащим над ней, земля медленно исчезала. Она обернула руку вокруг ветки и потянулась. Ветка треснула, а ее нога соскользнула. Она закричала, когда упала.

Она ударилась об землю. Она изо всех сил пыталась вдохнуть, но не могла. Ее сердце защемило, и от этого заболела голова, она вновь попыталась крикнуть. Наконец-то получилось втянуть воздух в легкие. Медленно села, концентрируя внимание на боли в локте. Кровь сочилась из большой раны. Боль была такой сильной, но она не хотела плакать, поэтому зажмурилась.

— Эли, с тобой все в порядке? — голос Джареда был взволнованный, когда он встряхнул ее за плечи.

Она медленно открыла глаза, чтобы увидеть Кристофера, плящущегося на нее из-за Джареда, его глаза расширились от страха. Джаред снова встряхнул ее.

— Ты в порядке?

— Моя рука, — она не смогла больше сдерживаться и заплакала. Слезы текли горячими линиями, по ее грязному лицу.

Джаред посмотрел вниз, потом зажмурил глаза.

— Кристофер, она истекает кровью, это очень плохо.

— Вот блин, вот блин. Я говорил тебе, не надо брать ее с собой. Теперь мы попадем в большие неприятности.

Джаред остался сосредоточенным на Эли:

— Ты можешь дойти до дома?

Эли отрицательно покачала головой. Все тело болело.

Джаред сгреб ее в свои руки точно так же, как фанеру, но помягче.

— Давай, Эли. Пошли подлечим тебя.

Она прижалась к нему, пока он нес ее к дому. Он дышал так забавно и тяжело, когда закрыл сиденье для унитаза и посадил ее. Смочил мочалку под водой и опустил ее перед ней на колени. Было холодно, когда он прижал мочалку к руке. Она немного дернулась, потому что это причиняло острую боль.

— Я ненавижу кровь, — пробормотал он, очищая ее руку.

Кристофер покопался в аптечке.

— Вот, — он пододвинул упаковку с бинтами Джареду.

Джаред осторожно убрал обертку и наложил бинт на ее рану.

Он выдохнул, затем улыбнулся ей, поглаживая рукой ее волосы.

— Так лучше?

Она всхлипнула и вытерла глаза тыльной стороной ладонки.

— Лучше.

Глава 8

Элина

Той ночью я лежала в постели, уставившись на тени, которые карабкались по моему потолку, и слушала мир за окном. Было поздно. Я ушла с работы после одиннадцати часов вечера, с карманами набитыми чаевыми после оживленного вечера.

Мрачное предчувствие трепетало в моем животе, когда я вернулась в квартиру. Ночь была спокойная, деревья, казалось, застыли во времени, когда я вышла из машины. Страх роптал в моей груди, когда я подумала, что Джаред, возможно, уехал, вернулся в квартиру посреди дня, пока меня не было, собрал свои вещи и ушел от того, с чем не хотел сталкиваться.

Но когда я открыла дверь в безмолвие квартиры, то заметила сумку Джареда, все еще засунутую в угол комнаты, и меня накрыло облегчение, которое затмило даже вспышки гнева, которые появлялись во мне в течение дня.

Я не могла оставить между нами все так, как это было этим утром.

После душа, который смыл грязь от жирной кухни, я поплелась к кровати с моим альбомом для рисования, и позволила мыслям медленно плыть. Я зарисовывала картинки, каждый раз чувствуя, что прикасаюсь к чему-то прекрасному, тем не менее, с каждым штрихом я замечала свое собственное несовершенство. Я рисовала, пока мои глаза не устали, и, в конце концов, я отложила свой блокнот.

Но я не могла уснуть.

Часы проходили, а я продолжала вглядываться в потолок.

Ждала.

Я приподнялась на локтях, когда услышала, что дверь квартиры открылась. Навострив уши, я вслушивалась, пытаюсь распознать шаги. Они были приглушенные, но даже так, я могла сказать, что они были слишком тяжелые для Кристофера.

Приглушенные звуки просочились в мою комнату. Я выползла из кровати, потихоньку шагая, когда пересекала комнату. Я медленно повернула ручку, сжавшись от небольшого скрипа, и осторожно потянула, чтобы открыть дверь. На цыпочках, я незаметно кралась по коридору.

—Черт, — пробормотал он, настолько тихо, что я вообще бы не услышала, если бы не оказалось

прижатой спиной к стене, чтобы подслушивать.

Безумство наполнило воздух, напряжение, которое скользило по полу, подзывало меня двинуться вперед.

Он попал в поле моего зрения, когда я посмотрела на кухню. Везде было темно, за исключением света из холодильника, у которого он стоял, спиной ко мне. Он что-то вытаскивал из него. Его движения были неторопливыми, хотя он продолжал качать головой, резко, от него исходило раздражение. Он скорчился над голубым лотком для льда, повернув его над раковиной. Кубики льда кучей выпали из него. Половина приземлилась в раковину, а остальные на пол. Его плечи поникли, когда он прижал руки к столешнице, чтобы удержать себя, его голова опустилась.

— Дерьмо, — пробормотал он шепотом.

Неуверенно, я обошла стойку. Украдкой подошла к нему, слегка оттолкнула его локтем на шаг назад.

— Эй, позволь я помогу тебе.

Он вздрогнул от неожиданности, прежде чем отвернул голову и отодвинулся подальше, он стоял там, как ребенок, которого отругали. Даже не взглянул на меня.

Мой взгляд пробежался по столешнице. Там было полотенце и кубики льда, валявшиеся на дне раковины.

— Ты ушибся? — спросила я спокойно, сохраняя свой голос таким же, и сосредоточила все внимание на укладывание кубиков льда в полотенце, чтобы сделать компресс. Я посмотрела через плечо и поймала испуганное выражение на его лице, когда он поднял взгляд.

Я замерла, с широко раскрытыми глазами.

Его красивое лицо было запачканным, а глаза невероятно грустные. Боль скрутила меня в своих пальцах, мучая меня изнутри. Он был похож на смерть. Его белая футболка была изорвана в клочья, испачканная грязью и маслом, свисающая с его тела под странным ракурсом. Я подавила приступ удушья, когда увидела его окровавленные руки. Глубокие раны были на каждом суставе, порванная кожа, заполненная камешками и кусочками грязи.

Его руки были месивом.

Я зажмурила глаза, когда осознание добралось до меня.

Это не были просто его руки. Это была жизнь Джареда Холт, которая была таким же месивом.

— Подойди сюда, — прошептала я, потянувшись, чтобы взять его руку.

Он отошел.

— Я могу сам о себе позаботиться, Эли. Просто возвращайся в кровать. — На этот раз в его словах не было гнева, только поражение.

Я покачала головой.

— Ты уверен, Джаред? Потому что мне так не кажется.

Он моргнул, как будто пытался понять, что я только что сказала.

— Раз уж я здесь, то позволь мне помочь тебе. — Я протянула ему руку. Казалось, он сопротивлялся, сомневался, прежде чем положил свою ладонь в мою. Волнение поползло по моей коже. Секунду я не двигалась, наслаждаясь нашим легким контактом. Я отвела взгляд от него, а он продолжал смотреть на меня, как будто соприкосновение с моей кожей приносило ему боль.

— Пошли. — Я повела его в гостиную к дивану — Сядь

Он неохотно подчинился и присел на край дивана. Тяжкий стон вырвался из его груди, когда он сел. Он опустил свою голову, его раненные пальцы сцепились на задней части шеи.

— Я скоро вернусь. — Я промчалась в кухню, собрала куски льда, тающие на полу, и бросила их в раковину. Я взяла чистое полотенце и намочила его под холодной водой, выжала его, прежде чем пошла обратно к нему. Он посмотрел на меня. Вся утренняя агрессия исчезла. Ее место заняла досада.

Это был мальчик, которого я увидела на страницах своего альбома, который я нашла утром.

Я опустилась перед ним на колени, мои движения медленные и рассчитанные, когда я потянулась к одному из его предплечий, ни на секунду не отводя взгляда от его испуганных голубых глаз, уставившихся на меня. И вновь он вздрогнул от моего прикосновения, стремительный поток воздуха хлынул из его носа, прежде чем он расслабился и позволил мне опустить его руку ему на колено.

Кровь все еще слегка сочилась из ран, но в основном она высохла. Я положила полотенце на руку.

— Вот, держи так и постарайся остановить кровотечение. Нам нужно промыть это, чтобы не было заражения.

Я была немного удивлена, когда он спокойно согласился:

— Хорошо.

Я поспешила в ванную, где откапала в шкафчике под раковиной аптечку. Секунду я потратила на себя, сосредоточилась на успокоении своих чувств, которые обрушились на меня, воспаляя во мне то, что не должны. Я была достаточно умна, чтобы признать, когда я в опасном положении.

Все в нем было опасно. Настолько же опасно, насколько он был красив.

Я своими глазами видела разрушения, которые сделал Джаред Холт.

Но не было никакого шанса, что я могла избежать это.

Я вернулась обратно и положила аптечку на полу рядом с собой.

— Дай я помогу тебе. — Я взяла полотенце и начала протирать суставы, надеясь, что удалю хоть часть грязи. — Ты должен, наверное, подержать руки под водой и вымыть с мылом.

— Это не так уж и нужно, Эли. — Выражение его лица было нежным, но в нем таилось признание. Как будто он делала такое постоянно.

— Я надеюсь, что не было никого, кто принимал это от тебя.

Джаред рассмеялся мягко, теплый звук, который противоречил его жесткой внешности.

Это заставило меня улыбнуться.

— Нет... не в этот раз, если не учитывать безобразную стену.

— Я предполагаю, что ее не будем учитывать, — сказала я, сидя на коленях для лучшего обзора. Я сморщила нос: — Боже, ты пахнешь как мусорный бак. — Возможно, он принял ванну из спиртного.

— Ну, я, должно быть, пахну лучше, чем себя чувствую. Практически уверен, что моя голова может взорваться.

— И из-за кого этот поступок? — спросила я, наблюдая за ним.

Я думала, может быть, он накинется на меня, Вместо этого, он вздохнул:

— Из-за меня, Эли. Все это всегда из-за меня.

Его ответ причинил боль, и я немедленно пожалела, что не могла забрать свои слова. Я знала источник проблем, которые ему докучали, вину, которую он возложил на себя сам, постоянное бремя, которое он нес.

Я боролась с желанием обнять его, воображая себе, как я приближаюсь к нему, шепчу ему в ухо, что разделю с ним все это, если он позволит мне.

Прикусив губу, я сфокусировалась на очищении его руки полотенцем, так как для меня лучше всего было избегать разглядывания его лица. Но я могла чувствовать, как он смотрит на меня, могла чувствовать силу его взгляда, когда он рассматривает меня. Мое сердце слегка ускорило.

— Эта рука почти готова, — сказала я, сдалась и посмотрела на него. Нежная улыбка тронула одну сторону его рта. Быстро, я отвела взгляд. Я вылила немного перекиси на ватный шарик и осторожно провела им по его ранам.

Он зашипел:

— Черт... это жжет.

Я отпрянула.

— Извини.

Положив кусочек марли на суставы его руки, я приподняла его руку, чтобы обернуть ее бинтом.

Он вздохнул, когда я это делала.

— Эли, послушай... — Его голос тихий, с оттенком сожаления. Быстрая вспышка нежности, с которой он смотрел на меня прошлой ночью, появилась в его глазах. — Мне действительно жаль, что я так обошелся с тобой утром.

Я знала, что его извинения были искренними, и, возможно, я должна была позволить ему выйти сухим из воды. Но я не хотела. Он причинил мне боль. Я дернула подбородком, когда посмотрела на него, вслепую касаясь его другой руки, когда я спросила:

— Ты всегда такой мудака?

На сей раз его мягкий смех, стал жестким:

— А кем ты ожидала, я буду, Эли?

— Другим, — сказала я, пригвоздив его глазами.

— Но, я вот такой. — Его голос ласковый, и я уверена, что не поверила ему: — Я не лгал тебе сегодня утром. Тебе не нужно мое дерьмо, а мне твое.

Я изо всех сил пыталась понять, что он вложил в эти слова, с намеком отчаяния, которое он добавил к ним.

— Мы однажды были друзьями, — сказала я, потянув его другую руку, чтобы начать ее очищать. — По крайней мере, я думала, что мы ими были.

Его веки были закрыты долгую минуту. Когда он открыл их, то потянулся и осторожно проследил кончиками пальцев побелевший шрам, едва видимый на моем предплечье. Из-за моего падения с дерева. Его пальцы шершавые. Идеальные.

Мои губы приоткрылись, а кожа покрылась мурашками. Я задрожала, и он отдернул руку. Он сжал губы, наклонил голову, расслабился.

— Да, я думаю, были.

— Разве нельзя стать ими сейчас?

Он рассмеялся тихо, скептически, и покачал головой.

— Эли, ты убиваешь меня.

Я замерла.

— Я не делаю этого, Джаред. Ты думаешь, что сможешь жить здесь, и я просто буду игнорировать тебя? Ты мне небезразличен.

— Не говори этого, — прошептал он, что-то, возможно, печаль появилась в его глазах.

— Но, это так. Это всегда было так.

Он попытался вырвать руку, но я держала крепко.

— Друзья, — подчеркнула я. По крайней мере, он должен мне хоть это.

Свободной рукой он почесал голову, и дразнящая улыбка начала медленно появляться на его губах.

— Хорошо, Эли, мы можем быть друзьями. Ты тоже нуждаешься во мне, чтобы поиграть в Xbox?

Я думала, может быть, он заслужил удар по руке от меня, точно такой же, какой он получил от меня, когда смеялся над моим письмом, которое он нашел, и которое я собиралась отдать Закари Брэггсу в четвертом классе. Я усмехнулась

— Ты такой придурок.

Все в нем смягчилось, когда он потянул прядь моих волос.

— Но не говори, что я не предупреждал тебя. Я вполне уверен, что ты будешь сожалеть о том, что стала моим другом.

— Чтоб ты знал, ты абсолютно ошибаешься. Ты не напугал меня нисколечко. — Это была ложь. Практически все мои страхи были окутаны им.

Его лицо помрачнело.

— Я не пытаюсь напугать тебя, Эли.

— Вот и хорошо.

Глава 9

Джаред

Что, черт побери, я делал?

Все в этой ситуации было неправильным. Эли стояла на коленях передо мной. Прикасалась ко мне. Она была близко, слишком близко. Я мог чувствовать ее дыхание, и я продолжал улавливать намеки этого чертовски восхитительного кокосового геля для душа, который я использовал прошлой ночью. Каким-то образом от нее пахло в тысячу раз лучше.

Эти желания постоянно одолевают меня, и я не могу сдержать свое воображение, на что это будет похоже, зарыться своим носом в местечке за ее ухом, прижаться ртом к ее челюсти, запутаться своими руками в ее волосах. Вопреки моему решению, которое так легко могло быть подвергнуто сомнению. Я поддался. Взял немножко.

Я всегда так хорошо умел брать.

Прядь волос, которую я пропустил между пальцами, была мягкой, как шелк на моей мозолистой коже. Этот поступок, должно быть, был достаточно невинным. Я помню часто так делал, когда мы были детьми, просто небольшой жест привязанности, чтобы позволить ей понять, что все хорошо, что она была здесь. Это никогда не было чем-то большим.

Но теперь я лучше понимал, что этим движет потребность, я чувствовал, как сосет под ложечкой, с того момента, как я увидел ее прижатой к стене прошлой ночью, с тех пор, как она довела меня до полусумасшествия на кухне утром, с тех пор, как я вполз в ее квартиру, как кусок мусора, которым был этой ночью. Каким-то образом, она все еще считала меня достойным, становясь на колени передо мной, как будто я заслужил хоть кусочек внимания, которое она мне сейчас уделяла.

Ее голова опущена, она обрабатывала раны на моей второй руке. Я позволил своему взгляду опуститься, чтобы рассмотреть ее лицо, по которому я хотел бы провести своими руками.

Я не думал, что когда-либо был так заинтригован девчонкой раньше, я никогда не хотел

проникнуть в чей-либо мозг, чтобы покопаться в ее мыслях, чтобы понять, кто она. Почему она. Зеленые глаза Эли были одновременно жестокие и нежные, ее прикосновения настойчивые, и в то же время ласковые. Она была добра, но, тем не менее, не смущалась выявлять мое дерьмо. Она заставляла меня испытывать непреодолимое желание и неловкость, заставляла меня захотеть убежать, и захотеть остаться.

Она начала бинтовать мою вторую руку, продлевая это небольшое перемирие между нами, уверенно затягивая меня глубже туда, куда я знал, что не должен двигаться.

Но я не мог остановить это.

Было что-то в том, чтобы остаться с ней наедине в этой квартире, которая мне нравилась, как будто мы делили какую-то тайну, которую больше никто не знает.

Искаженное чувство безопасности.

Хоть ненадолго я хотел пожить в заблуждении.

Я наблюдал за ней, как она работает. Каждые пару секунд, она смотрела на меня, глазами, которые, казалось, знали больше, чем должны.

Эли придвинулась ближе. Я попытался отстраниться подальше так, чтобы она не заметила, но она притянула меня за руку.

— Ты не мог бы сидеть спокойно? Ты хуже двухлетнего ребенка, — сказала она.

Действительно ли она не замечала, что со мной делала? Каждый раз, когда она двигалась, ее грудь терлась об мои колени, и, черт меня побери, если это не было самым большим соблазном, который мне пришлось пережить. Разве она не понимала, как сильно я хочу прикоснуться к ней? Взять немного больше? Возможно, взять все? Мои мысли мчались вперед, и мне стало интересно, чтобы она сделала, если бы я оттолкнулся от дивана и повалил ее спиной на пол. Остановила бы она меня? Или позволила мне упиваться ее состраданием и добротой? Позволила бы она мне погубить ее? Разрушить ее? Потому что единственное, что я умел — это разрушать.

Я вдохнул и задержал дыхание. Не было никакого гребаного способа, чтобы я сделал это. Не с ней, даже если она была единственной девушкой, которая когда-либо заставила меня чувствовать такое. Первая, кто заставила меня что-либо захотеть. Это, сама по себе, была достаточно хорошая причина, чтобы держаться от нее подальше.

Это, и тот факт, что она была Эли.

Моя Эли.

Она отстранилась и присела на корточки. Ее улыбка была мягкая, когда она посмотрела на меня.

— Видишь? Это было не так плохо, не так ли?

— Спасибо тебе, — сказал я искренне, потому что очень долго никто не заботился обо мне. Было больно думать о том, когда в последний раз такое было.

— Пожалуйста. — Ее голос был тихим, и она сидела там, просто смотря на меня так, как делала

это прошлой ночью, хотя теперь это ощущалось совершенно по-другому.

— Тебе лучше пойти отдохнуть. Уже на самом деле поздно, — сказал я. Я лежал плашмя на твердой земле несколько часов, позволяя себе отрезветь до состояния, в котором я смог бы, по крайней мере, вернуться в квартиру, и у меня не получалось заползти по лестнице до трех часов ночи.

— Да, тебе тоже стоит отдохнуть. — Она, казалось, немного разочарована.

Ее мягкие ручки прижались к дивану по обе стороны от моих ног, когда она поднималась. В это время ее волосы задели мою грудь. Мы оба застыли от этого контакта, и она посмотрела на меня, ее лицо в трех дюймах от моего. Она зависла так, ее глаза изучали меня.

Чертов спусковой крючок.

Я облизал свои губы и обрел голос, хотя он был очень искажен:

— Пожалуйста, иди к себе, Эли.

Моргнув, она кивнула, прежде чем отстраниться и пойти к себе. Она остановилась около своей двери, и прошептала:

— Спокойной ночи. — Затем исчезла в комнате.

В следующую пятницу, вечером, я сидел за круглым кухонным столом напротив Кристофера, попивал пиво, и в то же время проигрывал в покер.

Я сбросил карты, и Кристофер склонился над столом. Рукой он сгреб кучу монет, и однодолларовых купюр к своей стороне стола.

— Легкие деньги. — Он растягивал слова, дразня меня.

— Да, потому что ты гребаный мошенник, — усмехнулся я, когда поднес свое пиво ко рту.

— Нет, мужик, ты просто отстойный игрок... или тебе на самом деле не везет, одно из двух.

На данный момент невезение было тем, на что я определенно чувствовал бы себя уверенно, ставя деньги.

— Хочешь еще сыграть? — спросил он, начиная тасовать карты.

— Конечно, почему нет? — я кинул свою ставку в цент стола. Не было так, как будто у меня было много того, что я мог проиграть. — Знаешь, если ты выиграешь все мои деньги, ты никогда не выгонишь мою задницу со своего дивана. — Конечно, я шутил. Я просто был слишком ленив, чтобы начать искать себе квартиру на прошлой неделе. Или, возможно, мне просто нравилось быть здесь, в чем я на самом деле не хотел сознаваться себе, потому что пользоваться этим уютом было действительно чертовски глупо.

Кристофер начал раздавать карты.

— Не, мужик, не думаю, что ты должен прямо сейчас спешить и снимать себе квартиру. Мне нравится, что ты здесь. Это лето было отстойное, пока ты не приехал.

— Ты мог пойти работать или что-то такое. — Я саркастически поднял брови, полагая, что

подразню его немного, так как в течение последнего часа он раздает мне дерьмо в мои проигрышные руки.

— С чего бы мне пойти, и сделать что-то такое? Ты знаешь, я не просыпаюсь раньше полудня.

Я покачал головой.

— Придурок, ты такой ленивый.

Он отмахнулся смеясь.

— Нет, я действительно собирался работать в начале лета, но все провалилось. После этого, я посмотрел на все занятия, которые должен закончить в следующем году, чтобы получить образование, и решил двинуться дальше и посвятить пару месяцев себе. — Он пожал плечами. — У меня было немного сэкономленных денег, так что работа была не нужна.

— Как я и сказал... ленивый.

— Ты такой придурок, — сказал он сквозь смех, в то время как поднял руку и упрямил свои карты. — Серьезно, как я и сказал на прошлой неделе, ты можешь оставаться столько, сколько захочешь.

Я сделал глоток пива, изучая свои карты.

— Что насчет Эли? Ты не думаешь, что ее беспокоит то, что я живу здесь?

Может быть, я докапывался, искал какие-то подсказки о девушке, которую не мог выкинуть из своей головы.

Он неуверенно выдохнул:

— Эли... — он колебался, казалось, пытался подобрать слова. — ...да все нормально. И думаю, что она рада, что ты здесь. Но она другая. Ты ведь понимаешь это, так? Я доверяю тебе, ты не будешь путаться с ней, но ты должен знать, что она те такая, как те девчонки, которых я и ты ищем. Просто будь аккуратнее с ней, хорошо? — он добавил: — Она хорошая девушка. — Его голос звучал с глубоким уважением.

И я принял то, что он говорил: предупреждение держаться подальше от его сестры, что я был недостаточно хорош для нее. Я имею в виду, черт, я уже знал это. Ему не нужно было говорить это дважды.

Замок на входной двери задребезжал, мы с Кристофером посмотрели туда, и в то время, как дверь распахнулась, наш разговор резко остановился, когда Эли вошла. Она улыбнулась.

— Привет ребята. — Она пнула дверь, чтобы закрыть ее за собой, когда покачивалась с коробками в руках. — Купила кое-что на ужин.

— О, хорошо, — сказал Кристофер.

Она всегда такая милая, когда приходит с работы, вся взъерошенная и немного покрасневшая из-за того, что целый день бегают на ногах, около кухни.

Прошла неделя с той ночи, когда она заботилась обо мне. С того времени возникло какое-то взаимопонимание между нами. Мы приспособились к ложному удобству случайных улыбок и

шуток. Она спрашивала меня, как прошел мой день, а я спрашивал ее про ее день, но мы держались спокойно. Но под поверхностью оставалась та напряженность, которая растягивала нас, отталкивала нас друг от друга, и в то же время связывала нас вместе. Я знал это. Я видел это в ее глазах и чувствовал всем своим телом. Я знал, как легко это будет проникнуть пальцами в ее кожу, в ее разум. Я знал, что она охотно позволит мне взять все это.

И боже, я хотел этого.

Я продолжал думать, что это пройдет, что новизна испарится, и я увижу просто Эли. После работы несколько ночей назад, я вернулся в бар, где встретил тогда Кристофера. Только на сей раз я остался, поехал к Лили, думая, что, возможно, смогу стереть хоть немного из того, что я чувствовал.

Когда я увидел Эли на следующее утро, то почувствовал себя виноватым, или что-то типа того, эмоция, с которой я был очень хорошо знаком, но это... это было по-другому. Это было запутано, неправильно, неуместно, и я хотел вырвать это из своего сознания. Я ничего не был должен Эли, и она, естественно, не должна ничего мне. Но неважно, как сильно я пытался убедить себя в этом, я не мог отделаться от чувства, что сделал что-то не так.

Кристофер встал.

— Позволь я помогу тебе с этим. — Он чмокнул ее в лоб. — Ты лучшая. Я зверски проголодался, отбирая тут кое-чьи деньги. — Он махнул головой в моем направлении, забирая коробки из рук Эли.

Ее глаза расширились, с притворным беспокойством.

— О, Джаред, пожалуйста, скажи мне, что ты не скатился до игры с Кристофером. Ты знаешь, он никогда не престаёт мухлевать.

Я засмеялся сильнее, стукнув ладонью по столу.

— Я знал это, ты засранец! — я наклонился над столом, чтобы вернуть обратно его выигрыш, открыл широко руки и сгреб груды денег к себе. — Ты обманывал меня все это время, не так ли?

— Эй, эй, эй, эй давай не спешить. У Эли тоже есть собственные трюки, Джаред. Не позволяй ей надуть тебя.

Его улыбка была теплой, с легким оттенком привязанности, которая существовала между ними. Это было странно, видеть, как они были не похожи, и все же так во многом одинаковы.

Она шлепнула его по затылку.

— Следи за языком.

Короткий смешок вырвался из моего горла, и я поднес бутылку к своему рту, но потом я откровенно рассмеялся, когда Кристофер показал на меня.

— Не начинайте вдвоем нападать на меня. Так было всегда, вы двое против меня одного.

— О чем ты говоришь? — спросила Эли

— Пфф, ты шутишь? Я не мог сделать так, чтобы ты перестала доставать меня даже на пять

минут. И хочешь знать, почему? — он указал подбородком на меня. — Потому что эта задница настаивала, чтобы ты ходила с нами везде.

— И что, со мной было так уж плохо? — Эли попыталась надуть губки, это выглядело очень смешно, потому что было очевидно, что она притворяется. Девушка была слишком хорошая, слишком милая. Я хотел дотянуться и разгладить эти губки.

— Черт да, было, даже просто потому, что ты дышала. — Он послал поддразнивающую улыбку, которой и заработал еще один шлепок по затылку.

— В любом случае, ты любишь меня, и ты знаешь это.

Эли смеялась, когда уходила по коридору в ванную. Кристофер повернулся на стуле и крикнул в коридор:

— Эй, Эли, ты хочешь присоединиться к нам в следующем коне?

— Конечно, — крикнула она в ответ, кажется уже из своей комнаты: — Хотя давайте сначала поедим. Я ужасно голодная.

Через несколько минут она вернулась. Она сменила рабочую одежду на те же самые пижамные шортики, которые она выбрала, чтобы постоянно дразнить меня, ночь за ночью.

Боже, у девушки были самые лучшие ноги, которые я когда-либо видел.

Она собирала свои длинные волосы в высокий хвост, когда зашла на кухню. Смесь ее кожи, и еды, которую она принесла, пахла божественно.

Она открыла холодильник.

— Кто-нибудь хочет еще пиво? — спросила она, наклонившись, чтобы покопаться в холодильнике.

В моей голове, я орал себе закрыть глаза или посмотреть наверх, или посмотреть вниз, или просто, черт побери, отвести взгляд.

Но я не сделал этого.

Вместо этого я паялился.

Вихрь желаний скрутил мой желудок в крепкий узел, так сильно, что я должен был бороться за каждый глоток воздуха.

Голос Кристофера разрушил мой транс:

— Да, дай мне бутылочку.

Я отодвинул свое внимание в его сторону, и глаза тоже, так как Эли смотрела на меня.

Я опустил взгляд, и пробормотал:

— Конечно, я бы выпил еще.

Эли распрямилась и стукнула по двери бедром, чтобы та закрылась. У нее было три бутылочки

пива, раскачивающиеся между пальцами. Возможно, внутри со мной творилось что-то неправильное, но я думал, что это было одно из самых сексуальных движений, которое я видел.

Она поставила их на стол.

— Одна для тебя. — Она передала бутылку Кристоферу и ухмыльнулась, когда подвинула мне:
— И одну для тебя.

— Спасибо, — сказал я.

Она открыла крышку третьей бутылки, шлепнулась на стул, поднося ее ко рту.

— Тяжелый день? — спросил Кристофер, выгибая бровь.

— О, да, — выпустила она долгий вздох: — Была очень занята. — Слегка пожала плечами: — Заработала хорошие чаевые, но еле дождалась конца смены. — Она начала открывать коробки с едой. — Мой рот наполнился слюной, когда в меня ударил аромат томатного соуса и пасты.

Я встал.

— Подожди, давай-ка я принесу тарелки и вилки.

Она послала мне ласковую улыбку, когда я проходил мимо.

— Спасибо, Джаред.

— Да без проблем.

Несмотря на то, что она находилась на расстоянии трех футов, я зашел на кухню, как будто это какой-то оазис в пустыне. На секундочку я опустил голову и прижал руки к столешнице, заполняя свои легкие самым большим глотком воздуха, который смог сделать.

Держи себя в руках, Джаред.

Я вернул контроль над собой, пока брал тарелки и вилки. Я вернулся обратно, сел напротив Кристофера и Эли, единственных настоящих друзей, которые у меня когда-либо были, и заставил себя расслабиться.

Мы ели все вместе, как делали это все время — как мы делали это множество раз раньше. Наш разговор был легкий, а еда потрясающая. Мы выпили несколько бутылочек пива и поиграли немного в карты. Я не смог вспомнить, когда чувствовал себя так хорошо.

Я чувствовал себя слишком чертовски хорошо.

Я пытался подавить свое веселье. Эли, что очевидно, была легковесной. После трех бутылок пива ее речь стала немного невнятной.

— Мне нужно еще пива, — объявила она, допивая несколько последних глотков из бутылки, она немного пошатнулась, когда вставала. Она слегка шаталась, и когда шла на кухню.

Боже, она такая милая.

— Захвати мне тоже, ладно? — крикнул Кристофер.

Она принесла две.

— Нет, а вот Джаред может взять одну. — Она подмигнула мне, двигая бутылку через стол ко мне.

Я не смог удержаться и усмехнулся.

— О, нехорошо, Эли, нехорошо. — Кристофер дразнился, прижав руку в своей груди. — Тебе он всегда нравился больше, чем я, не так ли, Киса Эли?

Рот Эли скривился.

— О боже мой, не смей, Кристофер. Из-за вас двоих у меня почти появился комплекс, когда я была маленькой. Я не рассказывала вам, как много времени сидела перед зеркалом, волнуясь, что выгляжу как паршивая кошка. Однажды мама увидела, что я плачу, свернувшись в клубок в своей комнате. Она потратила два часа, объясняя мне, что это прозвище подходило из-за моего имени, а не потому, что я похожа на кошку.

Киса Эли.

Улыбка растянулась по моему рту, в моих мыслях волна ностальгии окатила меня, угрожая сбить с ног. Она омыла меня теплом и моментами, которые я не хотел вспоминать. Страх сдавил мое горло. Я оттолкнул его. В ближайшее время я уеду, до того, как смогу все испортить и оставить их ненавидящих меня.

Я встал и осушил свое пиво.

— Я собираюсь покурить.

В меня ударила стена душного ночного воздуха, когда я выскочил из стеклянных дверей. Я закрыл глаза и опустил на пол балкона, прислонившись спиной к стене. Бетонный пол был еще горячий, я подтянул свои голые ноги и согнул их в коленях. Наклонил голову и зажег сигарету. Я затаился, почувствовав, как дым наполнил мои легкие, я поприветствовал спокойствие, которое охватило мои возбужденные вены. Я поднял свободную руку к волосам.

Неосторожно.

Вернуться сюда. Остановиться здесь. Все это.

Еще затаился, посмотрел наверх, когда стеклянная дверь медленно открылась. Силуэт Эли появился в темноте, ее движения каким-то образом были еще более тихие.

Чуть в стороне, напротив меня, она опустилась на пол. Медленно ее лицо сфокусировалось. Она подтянула одну ногу к груди, обнажая кожу нижней части бедра. Наклонила голову в бок, и часть ее черных волос упала на одно плечо, вся мягкая и невинная, и немного взъерошенная. Эта девушка была либо самой большой дразнилкой, которую я когда-либо встречал, либо абсолютно не понимала, насколько прекрасной она была.

Какое-то время мы ничего не говорили, просто слушали звуки ночи и позволяли явному напряжению расти вокруг нас. Я положил руки на колени и позволил кистям свисать между ними. Я не смотрел на нее, но мог чувствовать, что она смотрела на меня. С такой силой, что я думал, она могла бы просто подойти и влезть в мою голову, потому что она определенно пробиралась под мою кожу.

Мои нервы накалились таким образом, который я не совсем понимал. Я не думал, что когда-нибудь почувствую комфорт в неловкости, как будто я хотел спрятаться и впитать это все сразу. Возможно, я, наконец, скользил по краю здравомыслия. Бог знал, что я шел к этому долгое время.

Я откинул голову назад и поднял лицо к звездному небу, и снова поднес сигарету ко рту. Я долго затягивался и потом медленно выдыхал в воздух. Дым клубился над моей головой, это клочки ничтожности, которые я рассматривал, пока они испарялись.

Наконец, она сказала:

— Ты в порядке?

Смятение пронеслось во мне, и я издал тихий звук, раздражаясь:

— Я не знаю, кто я, Эли. Быть здесь просто... Я не знаю... Это сложно.

— Так не должно быть. — Вглядываясь в меня, она нахмурилась. — Я имею в виду, почему ты вернулся?

Я пожал плечами так, как будто это не имело никакого значения.

— Я правда не знаю.

И я был абсолютно уверен, что не собирался говорить с ней об этом, даже если и сделал это.

Ее голос стал низкий, серьезный и искренний.

— Я знаю ты, вероятно, думаешь обо мне, как о маленькой девочке, которую ты раньше знал, но ты все равно можешь поговорить со мной, Джаред.

Мое внимание опустилось к ее бедру и оставалось там слишком долго. Она верила, что я все еще думаю о ней, как о маленькой девочке, ха? Я скептически усмехнулся. Я сделал еще затяжку и покачал головой. Зажевал мою губу, в то время как мои глаза нашли ее лицо.

— Это не то, что я о тебе думаю, Эли.

Даже близко не то.

В полумраке, я наблюдал, как ее зеленые глаза смягчились, наполнились чем-то, что слишком сильно было похоже на привязанность.

Я посмотрел вниз и потушил сигарету.

— Ты можешь доверять мне, — прошептала она.

Я позволил глазам закрыться и переплел свои пальцы. Я ничего не сказал, потому что был достаточно уверен, что мог ей доверять. Это я был тем, кому нельзя было доверять.

Мы вернулись к тишине, и я снова обнаружил удобство в абсолютной неловкости. Я думал, возможно, она тоже принимала это также.

Было что-то особенное в ночном воздухе Феникса. Даже при том, что ночью было жарко, эта жара была почти приятной. Сколько времени мы проводили, играя в прятки в темноте? Как

много мы смеялись?

Тогда я был расслаблен.

Вдалеке, вспышка молнии рассекла небо, это робкое предупреждение о том, что приближается сезон дождей. Буря всегда казалось, разрасталась вдали, прежде чем обрушиться на город, дразня нас, обещая нам отсрочку. Фактически, несколько дней будет идти дождь, это похоже на стремительный поток освобождения, отстукивающий по земле. Насыщенный аромат дождя будет подниматься, когда встретиться с сухой грязью и горячим тротуаром, как будто небеса разверзлись и заново вымыли мир.

Я не позволял себе скучать по многим вещам с тех пор, как я уехал, и это... это была одна из них.

Я должен признаться, что также скучал по Кристоферу.

И я скучал по ней.

Я встал и отряхнул штаны, затем дотянулся рукой до ее руки.

— Давай, пойдем, Эли.

Она без колебания приняла мою руку. Ее робкая улыбка объяснила мне все. Ей нравились мои прикосновения так же сильно, как и мне нравилось касаться ее.

Черт.

Это было очень-очень плохо.

Мои мышцы напряглись, когда я потянул ее, чтобы она поднялась, ее ноги выпрямились, удерживая ее вес, несмотря на это, я несколько секунд не отпускал ее руку. Наконец, я выдавил небрежную улыбку и отпустил ее. Притворившись джентльменом, которым моя мама всегда хотела, чтобы я был, открыл для нее дверь.

— После тебя, Киса Эли. — Конечно, я не смог удержаться от небольшого поддразнивания.

Она сильно ударила меня по руке, когда проходила.

— Видишь? Ты придурок.

В следующий вечер я сидел на противоположном конце дивана от Эли, которая свернулась калачиком на своей стороне. Ее длинные ноги были согнуты, колени были близко придвинуты к груди, а голова лежала на подушке, которую она мучила три минуты, чтобы расположить ее на подлокотнике. Свет был выключен, а перед нами мерцал только телевизор

Эли вернулась с работы около часа назад. Она вошла через дверь и выглядела обессиленной, это она и подтвердила, когда бросила громадную сумку, которую всегда носила с собой, на пол, и сказала:

— Я обессилена.

Очевидно, я был проницателен.

Вероятно, слишком проницателен, потому что не мог перестать наблюдать за ней. Мой бок был

прижат к противоположному подлокотнику, настоль далеко, насколько это было возможно, в то время как мои глаза постоянно были прикованы к ней. Она была расслаблена и выглядела поглощенной ТВ-шоу, хотя, вероятно, она, скорее всего, засыпала. Она продолжала двигать ногами, пряча их глубже в диван, устраиваясь поудобнее.

Насколько ужасно было то, что я правда хотел устроиться поудобнее рядом с ней?

Я покачал головой и вернул взгляд обратно к телевизору.

Спустя полчаса, дверь открылась позади нас, и я услышал бормочущие голоса прямо за дверью. Было легко распознать Кристофера, когда он прошептал:

— Все хорошо. Заходи.

Кристофер проскользнул в дверь, ведя за собой темную брюнетку по коридору за руку. Ее глаза расширились, когда она украдкой взглянула в нашем направлении, потом она опустила голову и начала рассматривать пол. Кристофер даже не потрудился нас познакомить.

На прошлой неделе, у парня было больше девочек в этой квартире, чем я мог сосчитать, и он выпроваживал их также быстро, как и притаскивал сюда. Я имею в виду, что и у меня была достаточно плохая репутация, или достаточно хорошая, смотря как посмотреть на это. Но здесь творилось что-то другое. Что-то, что заставляло меня сочувствовать этим девочкам. Для него, это казалось, была игра, как покер, в который он перекинулся прошлой ночью.

Когда дверь Кристофера закрылась, Эли подняла голову, чтобы посмотреть на меня.

— Да не может быть.

Я поднял бровь.

— Парнишка вроде как шлюха, ага?

Она попыталась подавить смех.

— Еще бы. Я понятия не имела, что буду сталкиваться с этим каждую ночь, когда только переехала сюда.

У меня было желание расспросить ее об этом, узнать, беспокоило ли это ее, и был ли Кристофер счастлив, или в чем, черт побери, его проблема. Вместо этого, я держал рот на замке, полагая, что вряд ли мог осуждать поведения Кристофера.

Кино продолжалось, но ему никак не удавалось заглушить хихиканье из комнаты Кристофера. Я прибавил громкость, но их все еще можно было слышать, вероятно, потому что как бы сильно мы не хотели, мы с Эли невольно слушали.

В конце концов, Эли выпустила отчаявшийся вздох к потолку.

— Хочешь досмотреть это в моей комнате? Там не так слышно.

— Хорошо.

Эли выключила телевизор, прижала подушку к груди и пошла в свою комнату. Она оставила дверь открытой. Недвусмысленное приглашение.

Я вошел внутрь. Каким бы любопытным не был, раньше я никогда не заходил сюда. Было темно, хотя лунный свет просачивался из открытых жалюзи. Довольно большая кровать была придвинута к углу стены, под окном, маленький телевизор стоял на комод. Большое зеркало и туалетный столик с обычным стулом располагались справа от него. Пространство между кроватью и платяным шкафом было заполнено высоким книжным шкафом. Корешки книг были выстроены в линию. Ряд больших книг заполнял нижнюю полку, напоминая мне больше дневники, один из которых я прятал в своей сумке, в соседней комнате.

Я подавил улыбку. Это, должно быть, были альбомы для рисования Эли.

Кровать была сделана из красного дерева: каркас и резные спинки кровати — это один большой кусок. Бордовое стеганое одеяло сбилось в кучу и скомкалось с черными простынями. Эклектичное чувство спокойствия прошло сквозь меня в тот момент, когда я утонул ногами в мягком ворсе ковра.

Эли указала по направлению к кровати.

— Не стесняйся.

Я посмотрел на кровать. Я знал, что это ловушка. Лечь рядом с Эли будет очень плохой идеей.

Я опустился на удобный покрытый ковром пол.

— Мне удобно на полу.

— Как хочешь.

Она запрыгнула на свою кровать и включила фильм, он возобновилось с того же самого момента, на котором мы остановились. К счастью, ту фигню, происходящую в соседней комнате было абсолютно не слышно, и здесь были просто я и Эли, и эта глупая комедия, у которой действительно не было ничего, чтобы предложить мне, кроме отвлечения от гонок, которые обычно проводились в моей голове.

Это и раздражающее пикивание, которое продолжало исходить от телефона Эли каждые десять секунд.

Экран засветился, она набрала сообщение, положила телефон обратно на кровать, и потом это все повторяется снова.

— Ты знаешь, что это, на самом деле, чертовски раздражает, так ведь?

Он оперлась на локоть и посмотрела вниз на меня в смутении.

— Что?

— Ты болтаешь с кем-то, в то время как ты, как подразумевается, должна смотреть кино со мной.

Она закатила глаза.

— Я смотрю кино с тобой. — Ее телефон пикинул снова. Ее зеленые глаза расширились, и она засмеялась.

— И кто это настолько важный, что ты охотнее общаешься с ним, вместо того, чтобы уделить

все свое внимание мне? — я, в самом деле, не понимал, почему чувствовал себя раздраженным и унылым, и немного злым, но дерьмо... она была той, кто предложил, чтобы мы посмотрели кино, сказала, что хочет просто расслабиться и отдохнуть. Она, как предполагалась, была моей на всю ночь.

— Уделить все мое внимание тебе, хм? Я думала, мы смотрели фильм.

Я не упустил тот факт, что она не ответила на мой вопрос. Это был парень. Ублюдок. Я не мог сказать, чувствовал ли себя защитником или собственником, потому что замечал и проблески невинной маленькой девочки, о которой всегда заботился, и красотки, которая лежала на своей кровати. И я не имел гребаного понятия, была ли та, которая лежит на кровати, невинна или нет.

Боже. Я не мог даже переварить эту мысль.

Но, черт, ей двадцать, и я не питал иллюзий.

Телефон пиликнул снова, и прежде чем понял, что делаю, я перевернулся на руки и колени. Прополз несколько футов по полу к ее кровати и забрался на нее. Я схватил ее глупую белую штучку, которую она закопала в одеяло.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — она была захвачена врасплох, и ее голос звучал шокировано, и скрипуче. У меня как-то получилось заключить ее в клетку, мои ноги по обе стороны от нее, одна рука лежала на кровати чуть выше ее плеча, а другая держала ее телефон. Ее рот открылся, а глаза расширились от удивления. Я был так близко к ней, я мог чувствовать ее сердцебиение, ровные и сильные удары. Что-то внутри меня кричало, чтобы я отстранился, потому что я, без сомнения, понимал, что не должен таким способом находиться рядом с ней, что не должен позволять моей крови вскипать, мчаться, гудеть, когда я слушаю, как ее сердцебиение ускоряется. Мне не должно нравиться, как она реагирует на меня.

Но мне нравится.

— Кто это? — спросил я.

— Это просто Гейб.

— И кто, твою мать, этот Гейб такой?

Она, казалось, освободилась от ступора, в котором была, и фыркнула:

— Тебе, что двенадцать, Джаред? Ну вот, еще. И кто, черт побери, ты такой, чтобы спрашивать? — сказала она, когда забирала свой телефон из моей руки.

Я хотел говорить с ней, смотреть на ее рот и целовать его в одно и то же время.

— Твой друг, помнишь? И друзья не позволяют друзьям переписываться с какими-то мудаками.

— Или ходить с ними на свидание.

— О, правда?

— Правда.

Ее грудь вздымалась, когда она смеялась, и я был уверен, она думала, что этот сладенький звук будет устрашающим и дерзким. Она подтянулась, чтобы сесть, и расправила свои плечи.

Боже, я действительно хотел поцеловать ее.

— И с чего ты взял, что Гейб — мудака? Ты ничего о нем не знаешь.

Я наклонил голову к часам, около ее кровати, которые показывали, что время было не подходящее.

— Тогда, что он хочет?

— Он попросил, чтобы я приехала и потусовалась с ним.

— В час ночи? Это как раз то, о чем я говорю. Что Кристофер думает об этом парне?

— Ой, да ладно. Кристофер? Неужели? И, если ты не заметил, я больше не маленькая девочка.

О, да. Я очень даже заметил.

— Ну, мне не нравится это. — Очевидно, ее брат не присматривал за ней. Он никогда этого не делал. Это всегда была моя работа.

— Тебе не нравится это, ха?

— Нет. — Мои глаза бродили по ее лицу, выискивали что-то. Я не был уверен, что именно. Она не была моей. Я, на самом деле, даже не знал ее. Но хотел узнать.

Она моргнула несколько раз, покачала головой, посылая мне маленькую улыбку.

— Ты такой смешной, Джаред. И я не планировала уезжать. Я сказала ему, что занята.

Облегчение растянулось в моей груди, в то время как я дотянулся и снова взял прядку ее волос, как будто это небольшой контакт между нами, что-то, что связывает нас вместе. В этот раз я наматывал его на пальцы, смотря в ее лицо.

Внезапно, все стало ощущаться медленным и вязким, как мед — мой рот, ее глаза, напряжение, которое вдруг заполнило воздух. В течение минуты, я хотел притвориться, что ничего не произошло, что годы прошли, и я все еще хорош для нее, и что, возможно, Эли, посмотрит на меня таким образом. Притвориться, что, может быть, у меня был бы шанс. На тот момент, притворство, казалось, достаточно хорошим состоянием.

Я наблюдал, как она сглатывала комок в горле.

— Почему бы нам не досмотреть кино?

— Да, это, вероятно, хорошая идея.

Против моих лучших рассуждений, которых, по-видимому, не хватало в каждом моем действии сегодня вечером, я устроился около нее на кровати.

Она откатилась на свою сторону, подоткнула подушку под свою голову и повернулась так, чтобы смотреть в телевизор. Я лежал позади нее, моя голова прислонилась к руке. Я приложил все усилия, пытаясь обратить внимание на то, что происходит по телевизору. Вместо этого мое внимание было сосредоточено на ней.

— Ну, я предполагаю, что, вероятно, должен знать кто такой этот Гейб? — я, наконец, спросил,

потому что понимал, что незнание съест меня живьем.

Я почувствовал, как она пожала плечами, и услышал тихий поток воздуха, который она выпустила на вздохе.

— Я не знаю, Джаред. Мы вроде как встречались последние пару месяцев. Я думаю, он мне нравится.

Моя челюсть сжалась. На сей раз, несомненно, это была ревность.

Я ничего не сказал, обратив все свое внимание к телевизору. Впервые, с того момента как я вернулся, я правда сожалел о своем решении приехать. Было легче не знать, что я скучал.

Что-то внутри меня дрогнуло. Местечко, которое я всегда держал для нее, теперь саднило. Я ненавидел ее, вероятно, ненавидел, что она не захотела бы даже на секунду согласиться на меньшее, чем то, что действительно подарит ей радость. Я не был здесь долго, но уже знал, что она заслуживает счастья. И вот я, больной идиот, который сожалел, что не был достаточно хорош, чтобы подарить ей счастье.

Внутренне я усмехнулся.

Я мог хотеть все, что угодно, но это никогда не изменит то, кем я был.

Потребовалось пятнадцать минут, чтобы Эли заснула. Ее тихое дыхание выровнялось. Она пошевелилась и перекатилась на спину. Одна рука согнулась над головой, ее тело изогнулось, когда она вытягивала свои длинные ноги, одну ногу она отодвинула в сторону.

Я понимал, что должен уйти и найти свое место на диване, где я обычно и был.

Но на секунду, я поддался. Поддался ее миру. Поддался ее красоте.

Когда больше не мог лежать рядом с ней, я подвинулся на край кровати, выключил ее телевизор и выскочил за дверь.

Сегодня ночью я отказался спать. Я не мог вернуться туда. Просто одну гребаную ночь, я не хотел видеть. Я порылся в сумке и вытащил оттуда мой дневник, сел на диван в мертвой тишине. Я писал о том, чего я не знал, но хотел бы иметь.

Глава 10

Элина

Следующей ночью, лунный свет иначе проникал в мою темную комнату. Сегодня вечером луна была высокой, яркой, полной. Я пришла домой с работы в пустую квартиру. Было что-то в тихой ночи такое, что подпитывало мое воображение и давало мне вдохновения, но результат в моем альбоме не отражал ничего, что светило в небе. Моя рука быстро порхала по листу. Я чувствовала толстую бумагу под своей кожей. Облизав нижнюю губу, немного ее пожевала, потом подняв лицо, посмотрела из окна своей спальни. Это был не лучший вид в мире, часть стоянки внизу, была освещена фонарями, по крайней мере, они были достаточно тусклыми, потому что я все еще могла видеть облака на небе. Я размышляла некоторое время, прежде чем обратила свое внимание обратно на альбом для рисования, балансирующий у меня на коленях.

Я до сих пор не знала, что со всем этим делать, что делать с ним. На прошлой неделе моя голова ушла в плавание. Это было похоже на игру в перетягивание каната, но ни один из нас не знал, как играть, потянув — притягивал, а потом отталкивал.

Его невозможно было понять. Иногда я думала, что видела, что он смотрел на меня так же, как и я на него — как будто он хотел прикоснуться ко мне, чтобы узнать, что я почувствую, прикоснувшись к нему. Господи, не было никакого способа, чтобы описать, как сильно я хотела почувствовать его прикосновение.

Но когда я думала, что у нас прогресс, он становился еще холоднее.

Нахмурившись, я наклонила альбом. Реалистичность появилась, когда я заштриховала линию, которая тянулась по краю его идеального рта.

Нет, в выражении его лица не было равнодушия.

Это был страх.

От слабого стука в дверь, я резко подняла голову. Сердечный ритм начал ускоряться. Кровь тут же прилила, заставляя пульс ускориться.

Выровняв свой голос, я тихо сказала:

— Входи.

Медленно, дверная ручка повернулась, и дверь слегка приоткрылась. Я не могла разглядеть заглянувшее лицо, потому что свет из коридора светил за его спиной. Предчувствие, которое ускоряло мой пульс две секунды назад, пришел в норму, как только я почувствовала его присутствие.

— Привет, — прошептал Джаред, моргая и привыкая к тусклому освещению.

— Привет. Что-то случилось? — я сдвинулась, чтобы разглядеть его.

Его глаза сузились, пытаюсь разглядеть, что происходит в моей комнате, его внимание сосредоточилось на мне, сидящей на кровати скрестив ноги и с большим альбомом для рисования на коленях.

Он наклонил голову, и я смогла разглядеть намек на зарождающуюся улыбку в уголках его губ, но затем неуверенность стерла ее.

— Я не могу заснуть... и... я не знаю. Я думал, может быть, ты ещё не спишь.

Перевернув альбом для рисования, я закрыла его и убрала, склонив голову набок.

— А что, если нет? Ты просто собирался разбудить меня? Ты в курсе, что уже за полночь.

Я дразнила его. Как будто я была бы не рада, если он разбудил бы меня. Сейчас это было очевидно.

Я хотела, чтобы он был здесь.

У него вырвался застенчивый смешок, и он прикрыл рот ладонью, проведя ею по челюсти и вниз по подбородку. Джаред опустил руку, и улыбка раскаяния появилась на его лице, даже в

приглушенном свете, я могла видеть озорство в его глазах.

— Я проходил по коридору, и мне показалось, что услышал шорох в твоей комнате, когда приложил ухо к твоей двери.

— В самом деле? — спросила я, с обиженным недоверием, которое смогла изобразить в своем голосе. — Ты подслушивал под дверью?

Он проскользнул внутрь и молча закрыл за собой дверь.

— Что? Мне ужасно скучно, — сказал он чуть более бесстыдно. — Осуди меня.

Я покачала головой.

— Ты смелый, Джаред Холт, — прошептала я так тихо, что он едва мог слышать. Подняв брови, я начала посасывать нижнюю губу, впиваясь в нее зубами, прежде чем оставить ее в покое, и в притворном разочаровании цокнуть языком. — Кое-где ты мог бы заработать этим определенную репутацию.

Он с горечью засмеялся, пересекая мою комнату.

— У меня уже есть такая репутация, Эли.

Мой взгляд остановился на нем, когда он подошел ко мне. Я даже не пыталась заставить себя отвернуться, когда он пересек комнату.

Любая попытка окажется напрасной.

Он принял душ, его светлые волосы потемнели до русого цвета и были убраны с лица. Пижамные штаны сидели низко на талии, мощная грудь была покрыта черной футболкой с V-образным вырезом. Его татуировки выглядывали из-под футболки, частичка искаженной розы опускалась к центру его груди. Я знала, что под футболкой роза расцвела, а красные лепестки начали опадать как увядшие слезинки. Зеленые и синие завитки дыма и виноградная лоза тянулись, скручиваясь по ветке, и проползали по обнаженной части его ключиц. Мой взгляд путешествовал вниз по его рукам, которые были сжаты в кулаки, когда он подошел ко мне.

Мой желудок сжался.

Боже, часть меня желала, чтобы он не был так красив. Возможно, тогда у меня был бы шанс отвести взгляд, спасти свое сердце, уберечь себя от потребности, которую он пробуждал во мне. Но с каждым его шагом, потребность только росла.

Я все еще не могла понять, что произошло вчера вечером, когда я переписывалась с Гейбом. Джаред наскочил на меня так быстро, что это испугало меня, и я оцепенела, чтобы прийти в себя, мне потребовалось несколько секунд. Я не могла сказать, играл ли он в придурка-брата-защитника или придурка-парня-собственника.

В любом случае, это были действия придурка.

Он смягчился так же быстро, и я чувствовала, как сожаление наполняло его, настолько сильное, что было практически ощутимое. Оно крепко окутало нас, уплотняя воздух. Ничто и никогда не было таким сложным, как тот момент, когда я заставляла себя лежать неподвижно и притворялась, что меня интересовало кино, когда все, что я хотела — это повернуться и

увидеть его лицо, рассмотреть, что на нем написано, вдруг это поможет мне понять его чувства. Мои ладони горели от потребности быть прижатой к его груди или к его лицу, мое тело жаждало знать, мог ли он хотеть меня так же, как хотела его я.

Больше всего я хотела рассказать ему. Так сильно, что это ранило.

Но вместо этого я заставила себя притвориться спящей.

Я передвинулась назад на спинку кровати, чтобы освободить место для него.

Он сел на край моей кровати.

— Итак, ты не можешь уснуть? — спросила я.

Его босые ноги были на ковре, а предплечья опирались на колени. Он поднял голову, задумчиво поджал свои полные губы, когда прищурившись, рассматривал меня. Я понимала, что он принимает решение. Наконец, он заговорил, в его словах была искренность:

— Нет. Я не могу уснуть, Эли. Просто не могу.

Вот так просто, я понимала, что он разделил со мной частичку секретов, которые хранит. Это был способ Джареда открыться мне.

Я положила альбом обратно на колени, как гарантию безопасности, придвинула колени поближе к груди, так я могла открыть альбом, чтобы закончить последний рисунок, и в тоже время не показать его. Смотря на страницу, я спросила:

— Почему?

Мое внимание метнулось к его лицу, и также быстро вернулось к альбому. Инстинктивно мои руки заработали, и звук мягких штрихов заполнил тишину между нами.

Вздыхнув, Джаред подвинулся, соединяя пальцы вместе между коленей. Он уставился в пол.

— Потому что, когда я закрываю глаза, я вижу вещи, которые не хочу видеть. — Низкий смешок слетел с его губ. — Они всегда там, Эли, но когда я закрываю глаза... — он резко выдохнул. — ...картинки, которые я вижу... будто оживают. — Он сильно нахмурился, как будто ограждал себя от этого. — Реальны. Так чертовски реальны... как будто это происходит прямо сейчас, и, как и тогда, я ничего не могу сделать, чтобы остановить это.

Душа изнывала, как будто я поделила с ним его боль. Сглотнув, я отказывалась нарушать молчание, потому что понимала, сейчас Джареду нужен кто-то, кто его выслушает.

Джаред посмотрел в моем направлении, казалось, что он смотрит на мой карандаш, его голова тихо покачивалась, будто улавливая движения моей руки. Я облизнула губы и продолжила, делая вид, что не замечаю его пристального взгляда, который приковал меня к кровати.

— Бьюсь об заклад, что представляю себе это так же реально, как картинки, скрывающиеся на страницах твоих альбомов, реальны для тебя.

Шок сковал мою руку, и я посмотрела на него.

Боль проскользнула на его лице, и морщинка между бровями, которая, казалось, была там постоянно, стала еще глубже. Я была поймана им, и не могла отвести взгляд.

Мой голос был тихим.

— Я рисую, а ты хотел бы стереть их.

Его веки закрылись, мгновение его челюсть сжималась и разжималась, прежде чем он открыл их.

— Ты создаешь, а я разрушаю.

Я медленно покачала головой, мой голос охрип:

— Я не это имела в виду.

Вздохнув, он вернул свое внимание к ногам.

— Но это не означает, что это неправда.

Несколько минут мы молчали, и я могла почувствовать, что он прятал наши слова где-то внутри себя, как будто, возможно, я заработала его доверие.

Потом он посмотрел на меня с довольной улыбкой и указал подбородком на мой альбом.

— Можно посмотреть?

Покачивая головой, я пыталась похоронить зарождающуюся улыбку, прикусывая губу.

— Ну ты же прекрасно знаешь ответ, Джаред.

Хриплый смех заполнил мою комнату, и он лег на кровать. Мои пальцы ног были прижаты к его боку. И мне нравилось это. Нравилось, что он хотел быть здесь со мной, нравилось, что я видела в нем нежность.

Даже если он сам не мог это увидеть.

Он сплел пальцы и положил их на грудь, несочетаемые числа, вытатуированные на его суставах, слились. Он был очень спокойным, и казалось, потерялся где-то в своих мыслях.

Я смотрела на страницу, пока не почувствовала тяжесть его взгляда, сверлящего мой лоб, как будто меня тянуло. Тянуло к нему. Как всегда.

Когда я повернулась к нему, ухмылка на его лице была чем-то, что я почти забыла, потому что она была самой широкой, из всех, что я видела. Но я видела ее раньше. Я запечатлела ее в беззаботном мальчишке, который значил для меня все.

Его голубые глаза плясали, когда порхали от моего альбома к моему лицу.

— Раньше меня чертовски сводило с ума, когда ты не позволяла посмотреть, что рисуешь в альбомах.

Я удивилась, когда он внезапно зашевелился. Он повернулся, встал на колени, его подбородок наклонился, а пристальный взгляд смотрел на меня из-за края моего альбома. Хищник. Как будто в любую секунду он собирался атаковать меня. Дыхание перехватило. Покалывание под кожей усилилось, а он даже не притронулся ко мне.

Мои руки сжали края альбома, как тиски

— И знаешь что, Эли? — его глаза были повсюду, впитывали каждую черточку моего лица, моего рта, моих рук, альбом я прижала к груди. — Это все еще чертовски сводит меня с ума.

Сила появилась в его мышцах и распространилась по плечам, но в нем была та игривость, которую я помнила. Эхо нашего детства звучало в ушах, то, как он приставал и умолял меня позволить ему посмотреть, но никогда не вынуждал меня делать то, чего я не хотела.

Тогда я не показывала рисунки, потому что смущалась и боялась, что он может высмеять меня. Я не хотела, чтобы он видел мою неопытность в рисовании. А сейчас я не покажу, потому что это будет похоже на растерзание моего открытого сердца и демонстрацию всего того, что я не готова показать ему.

Это пугало его так же сильно, как и меня.

Я была шокирована, когда он схватил меня за лодыжки и потянул вниз, вынуждая распластаться по кровати. Альбом соскользнул с коленей, лицевой стороной на одеяло.

Внезапно я уставилась на великолепное лицо Джаред, когда он навис надо мной. Он оседлала меня, и я не могла думать, не могла дышать, могла только чувствовать, как кровь бежит по венам и шумит в ушах.

Его нос в дюйме от моего, его руки лежат по обе стороны от моей головы, но он был везде — погрузился в мое сознание и в мою душу.

Потом он ухмыльнулся, весь такой милый и самодовольный, и мои глаза расширились, когда понимание ударило в меня.

— О боже мой, Джаред Холт, даже не думай об этом. Не смей, — умоляла я шепотом, мой голос напряжен от потребности и немного от старого детского страха.

Он точно знал, как достать меня.

— Что? — спросил он с притворной невинностью, прежде чем его пальцы начали постукивать по центру моей грудной кости указательными пальцами. Его ноги располагались по обе стороны от меня, чтобы держать мои руки прижатыми к кровати. Это была любимая форма пыток Кристофера и Джаред.

Я дернулась, пытаюсь сбросить его с моего тела, или, возможно, я пыталась быть поближе к нему, я не могла говорить.

— Джаред... стоп... О боже мой, ты такой засранец.

Я сделала попытку освободить руки, но его бедра удержали их. Удержали меня.

О мой Бог.

Он засмеялся, тихо и низко.

— Ты мучила меня годами. Не думаешь, что справедливо немного отплатить тебе за это?

Прикосновения стали сильнее, быстрее, это были больше не касания мальчишеских пальцев, теперь они были сильнее и решительнее. Но оставляли те же ощущения.

Насколько сильно я скучала по этому?

Толчкам и напряжению. Поддразниваниям и колкостям.

Я скучала по своему другу.

Я яростно извивалась. Слезы собрались и скатывались по лицу, попадали в волосы, прежде чем я поняла это. Низкое хныканье стало высоким из глубины горла и смешалось с тихим смехом, который я не могла сдержать.

Тихое хихиканье послышалось изо рта Джаред, настолько тихое, почти как вдох, выражение его лица такое мягкое, как будто он видел то же самое, что и я.

И я почувствовала изменения в воздухе. Как будто каждая клетка в его теле изменилась, Джаред замедлился, а потом замер. Загипнотизированная, я смотрела, как он высунул язык, чтобы облизать полные губы. Я знала каждый миллиметр его тела, которое прикасалось к моему, огонь вспыхнул под моей кожей, когда наши грудные клетки вздымались и опадали синхронно. Он осторожно поднял руку, его внимание металось между моими глазами и его намерениями. Сильное сомнение было в его движениях, прежде чем он сдался и пробежался тыльной стороной пальцев по пути слез, которые стекали по моему виску.

Неуверенный вздох сорвался с моих губ, когда они раскрылись. Никогда не чувствовала ничего лучше, чем прикосновения Джаред.

Его взгляд пленил мой, прежде чем кончики его пальцев проследовали вниз по моей щеке, вдоль моей челюсти и только мельком скользнули по моим губам.

— Ты повзрослела, Эли, — пробормотал он грубо, почти боясь.

— Тебя долго не было, — прошептала я напротив его пальцев, которые порхали над моей нижней губой.

— Слишком долго, — казалось, он сдерживал мысли, как будто не хотел верить правде, которая только что сорвалась с его губ. Он перекатился на бок. Интуитивно я последовала за ним, и повернулась лицом к лицу с ним. В тишине, я смотрела на мальчика, который держал меня в заложниках в моем сердце и моей голове так долго. Мой секрет.

Могло ли быть что-то нереальнее, чем тот факт, что он сейчас лежит на моей кровати?

Благодарность пронеслась сквозь меня потоком радости.

Мягко улыбаясь, он вытянул руку и прижал подушечку большого пальца к моему подбородку. Движение было таким милым, но оно сделало со мной такие вещи, которые я не совсем понимала. Я понимала желание, огромную потребность, которая росла в моем животе и жаждала большего. Но это было настолько больше, чем все это.

— Ставлю на то, что ты скрываешь на страницах этих альбомов, что-то абсолютно прекрасно, Эли. — Сглотнул он, отводя свой взгляд к стене, прежде чем он опустил его, чтобы встретиться с моим. Нежная ладонь остановилась на моем лице. Он ласкал большим пальцем округлость моей щеки. — Как может быть иначе? Посмотри на себя... ты, должно быть, самое красивое создание, которое я когда-либо видел.

Боль отражалась в его словах. И тем не менее, они обернулись вокруг меня как самое теплое

объятие.

Мои пальцы отважились приблизиться к его груди, рисуя круги на его футболке. Сильный стук его пульса ощущался под ними.

— Джаред, на этих страницах находится то, что я люблю.

Предложение звучало как признание моего сердца. Я поняла, что это было точно так, как должно быть. На каком-то уровне я хотела, чтобы он узнал то, что не готов услышать.

Яркий солнечный свет слепил глаза. Я прищурилась, и поправила свои солнечные очки, откидываясь на спинку кресла и поднимая лицо к интенсивному летнему солнцу. Вытягивая перед собой ноги, я купалась в позитиве, который просачивался под мою кожу.

Меган пила свой ледяной кофе около меня.

— Здесь я потею как собака, Эли.

Я усмехнулась. Ее светлые волосы спутались, и были беспорядочно собраны на макушке, пока она обдувала рукой заднюю часть шеи.

— Ты такая зануда. — Я подняла лицо к небу. — Ты когда-нибудь привыкнешь к жаре, или мне судьбой уготовано слушать жалобы всю оставшуюся жизнь?

— Хм, ага, тебе, вероятно, придется слушать мои жалобы всю оставшуюся жизнь. Невозможно вырасти Род-Айленд из моих костей, так же как Феникс из твоих.

— Туше?, — усмехнулась я, и она рассмеялась, прежде чем поставить локти на маленький столик между нами.

— Я чувствую, как будто не тусовалась с тобой вечность. Я соскучилась по тебе, — сказала Меган. Она глотнула свой напиток, и я пошла за своим. Мы сидели на улице в маленьком кафе, наблюдая за людьми, которые шли по оживленной улице. Это был первый день с той ночи, когда моя жизнь отклонилась от своей оси.

Как будто ее прямо-таки отбросили. Я больше не знала, где я находилась.

Меган и я перекинулись несколькими смсками, но наши рабочие графики все никак не совпадали, и мы не могли встретиться в течение трех недель.

— Я знаю. Это смешно, что я не говорила с тобой так долго. — Мои брови приподнялись, и я повернулась к ней. — Итак, как там дела с Сэмом?

Она пожала плечами и возилась с соломинкой. В ее вздохе слышна печаль.

— Я всегда обещала сама себе, что никогда не буду девушкой... которая сделает все что угодно, чтобы парень обратил на нее свое внимание. — Она горько усмехнулась. В этом было немного злости и много разочарования. Она выразительно улыбнулась мне. — Это не работает, Эли. — Она порывисто выдохнула. — Я должна была послушать тебя. Теперь это выглядит, как будто я ожидаю что-то... ну хоть что-нибудь. Иногда кажется, как будто он запал на меня, а потом как

будто его абсолютно не заботит, существую ли я. — Она покачала головой. — Так глупо.

Я повернулась к ней и облокотилась на стол. Я не могла смотреть на ее страдания. Вина скрутила меня, потому что я должна была понять, что что-то произошло по ее смскам. Я должна была быть рядом с ней.

Она прикусила губу.

— Ты ведь понимаешь, что это не я?

— Меган. — Я нахмурилась и придвинулась ближе. — Я не буду судить тебя. Ты ведь знаешь меня. Мы никогда не знаем, как все пойдет, и, что более важно, мы не можем отказаться от своих чувств.

Она кивнула, но в легких кивках ее головы чувствовался стыд.

— Но ты всегда такая сильная. Ты никогда не позволяешь себе стать уязвимой. Я имею в виду, иногда я беспокоюсь из-за этого и боюсь, что ты не найдешь свою любовь, потому что ты не разрешишь любить себя. Но в основном, я просто восхищаюсь тобой.

Еще один укол вины, я всегда была уязвима. Я просто никогда не была достаточно честной, чтобы позволить ей увидеть это.

— Я думаю, что нужен правильный парень, Меган. Все мы находим их в разное время и по-разному.

Только я нашла своего в четырнадцать. Воспоминания всплыли во мне, улыбка юного Джареда навсегда запечатлелась в моей памяти. Правда, я знаю его всю свою жизнь. Я нахожу его почти в каждом моем воспоминание.

Меган сморщила лоб.

— Как мы узнаем, что этот будет правильным?

Сморщив губы, я рискую сказать то, что я знаю, было моей собственной правдой.

— Я думаю, мы просто поймем это.

Она застонала, и опустила лоб на стол.

— Но это чувствуется так правильно... и так абсолютно неправильно.

Я тихонько засмеялась.

— Ты влюблена по уши, Меган.

Она ухмыльнулась на меня со своего спокойного местечка за столом.

— Я вызываю жалость, да?

— Нет. — Я покачала головой. — Это не стоило бы того, если хоть немного не причиняло боль.

Она ожила, как будто это были самые важные слова, которые я когда-либо говорила.

Или, возможно, самые глупые.

— Так, что насчет тебя? Ты виделась с Гейбом?

Молча, я обдумывала что сказать, прежде чем ответить.

— Нет. Я была занята на работе и дома.

Догадываясь, она приподняла брови, и я поняла, что сейчас будут вопросы:

— Занята дома, да? Это имеет какое-либо отношение к тому таинственному гостю, который появился несколько недель назад? О котором я даже не слышала прежде? Хммм? — она выпытывала это намеками. Меган старалась изо всех сил выглядеть обиженной. Я думаю, что она была слишком невинно красива, чтобы подобное сработало.

— Он просто старый друг, Меган, — сказала я, слегка защищаясь. Не нужно вызывать больших подозрений, чем уже были.

— И не достаточно важен, что ты не подумала упомянуть о нем при мне?

Нет. Все было в точности наоборот. Он был настолько важен, что казалось невозможным произнести его имя.

— Это не так, Меган, — сказала я. — Мы правда были хорошими друзьями в детстве... Мы росли вместе. Для нас с Кристофером он был лучшим другом. Понимаешь?

Я смотрела на нее и думала, могла ли она понять. Выражение ее лица говорило, что, возможно, могла бы. Печаль омрачила мой голос:

— Однажды, он потерял все, Меган.

— Что произошло?

— Произошел несчастный случай... — я покачала головой. — Он никак не мог принять то, что случилось, и он сделал действительно неправильный выбор. На наших глазах он распался на части, и мы не могли ничего сделать. Все закончилось тем, что его арестовали. — Я смиренно подняла оно плечо. — Это был последний раз, когда я видела его.

— Так значит, он тот единственный, — размышляла она

— О чем ты говоришь?

— Только потому, что ты хранишь секреты, Эли, не значит, что я не знаю, что они у тебя есть.

Я ничего не могла сказать. Горло вдруг пересохло.

— Ты очень переживаешь о нем, верно?

— Ага, — призналась я. — Я не знаю, как долго он пробудет здесь, так что я провожу с ним так много времени, как только могу, — я не упомянула, что буду опустошена, когда он уедет.

С тех пор, как мы смотрели фильм, пытаюсь заглушить новое завоевание Кристофера, Джаред пробирался в мою комнату каждую ночь. Прошло две недели с тех пор, как он первый раз прикоснулся рукой к моему лицу, Пробуждая что-то глубоко внутри меня. Каждую ночь он

приходил ко мне, стуча костяшками пальцев по двери, прежде чем тихо шагнуть в полумрак моей комнаты. Он всегда приходил поздно, через час или два, после того как я говорила ему и Кристоферу, что пошла спать.

Я говорила спокойной ночи и лежала с открытыми глазами в своей комнате, слушая, как квартира погружается в тишину. Когда я ждала, за мгновение до того, как он постучится, едва различимое напряжение заполняло комнату. Я действительно не знала, почему он приходил каждую ночь. Но казалось, что он тоже не понимал этого. Время, которое мы проводили вместе, ощущалось как какая-то наша общая тайна. Я ждала его так же, как он, казалось, ждал меня, и между нами медленно начинало строиться доверие.

Мы говорили часами ни о чем и обо всем. Я скользила по берегу его печали, опуская лишь пальцы ног, чтобы попробовать воду, но не ныряла в поток, где я знала, Джаред продолжал тонуть. Во рту все время было сухо, когда я открывала его, чтобы задать вопросы, на которые я отчаянно хотела получить ответы.

Но я боялась, и не хотела тушить это слабый огонек, который горел. Если бы я вытолкнула его из зоны комфорта, я уверена, что он потушил бы огонь так же быстро, как и зажег его.

Хуже всего была боль, которая росла во мне с каждой ночью. Я хотела его, больше чем что бы то ни было в своей жизни. Не помогало и то, что он постоянно гладил пальцами мое лицо, пропускал сквозь них мои волосы, сильнее смущая меня.

Но за этим ничего не следовало.

Меган наклонила голову, допытываясь, тень усмешки появилась на ее губах.

— Он горяч?

— Меган, — возмутилась я, прежде чем рассмеяться и покачать головой. Но глядя на нее, я сдалась: — Невероятно.

Отлично ощущалось признать это. К черту все подозрения.

Она фыркнула, и откинулась на спинку стула.

— Я не думаю, что видела, как ты краснеешь, Эли Мур.

— Я не покраснела, — настаивала я, хотя чувствовала жар на щеках. Проклятье. — Тут просто жарко.

— Ну конечно. — Ее ухмылка стала шире, прежде чем превратилась в улыбку. — Я рада, что твой лучший друг вернулся, Эли... даже если он посягает на мою дружескую территорию, — дразнилась она, хотя не было даже доли ревности в ее словах.

Было не трудно понять, почему она стала моей лучшей подругой.

Меган и я обнялись перед нашими машинами.

— Увидимся, — сказала я, прежде чем сесть в машину и отправиться домой. Ожидание подгоняло меня вперед. Возвращение в квартиру стало тем, что я с нетерпением ждала.

Это было смешно, что я так сильно хотела вновь увидеть Джареда?

Может быть.

Но как я и сказала Меган, я не знала, как долго он пробудет здесь, и сколько времени в моем распоряжении.

Я хотела каждую секунду, которую могла получить.

Въезжая в ворота нашего комплекса, я проехала через них и припарковалась на своем месте. Легко шагая, пересекла тротуар. Солнце было низко на горизонте, обещая приближение скорой темноты. Розовые лучи рассекали небо, каждое облако окрашивалось в розовый, голубой и оранжевый. Кромка облаков была освещена горящим ободком пламени, прежде чем их проглотит приближающаяся ночь.

Великолепно.

Я быстро поднялась по ступенькам и вошла в квартиру. Кристофер был на кухне. Готовил ужин. Я замялась, останавливаясь, озадаченная. Медленная улыбка растянулась на моем лице. Что здесь происходит?

Джаред сидел за стойкой, зацепившись пятками ботинок за барный стул, и попивал пиво. Боже, как он красив.

Он поднял взгляд, когда я вошла, эта радостная улыбка, которая появилась на его лице, тронула меня.

— Привет, — сказал он.

Кристофер посмотрел на меня через плечо.

— Эли! Где ты была? Я думал, у тебя выходной сегодня.

Я бросила сумку на пол и положила на нее ключи.

— Так и есть. Я просто встречалась с Меган днем.

— Я беспокоился. Я приготовил ужин.

Я послала Джареду обеспокоенный взгляд и повернулась обратно к Кристоферу.

— Ты приготовил ужин, да? Мне пора волноваться?

Он засмеялся.

— Нет причин волноваться. Ведь ты постоянно готовишь нам. И я понял, что теперь моя очередь. — Кристофер наклонился и вдохнул аромат из кастрюли — И это будет обалденно вкусно. Просто подожди. — Он ухмыльнулся мне. — Видишь, не о чем беспокоиться, сестренка.

Пройдя по кухне, я взяла содовую из холодильника. Я закрыла дверь бедром и прислонилась к холодному металлу. Джаред сидел прямо напротив меня, что-то заиграло в уголках его губ. Он покачал головой, прежде чем поднял бутылку, чтобы осушить ее, выставляя напоказ свою мускулистую шею. Все, что я хотела — это прижать свой рот к его шее.

Я задалась вопросом, что бы он подумал, если бы прочел мои мысли. И увидел то, что происходит в моей голове. Хотел ли он этого так же, как и я? Думал ли он обо мне, когда

покидал мою комнату и лег на диван, пока я лежала в кровати, желая, чтобы он делил ее со мной?

Он поставил бутылку, внимательно глядя на меня.

Я надеялась, так и было.

Когда я почувствовала, что Кристофер наблюдает за мной, то переключила свое внимание на пол. Независимо от того, что он подумал, он выкинул это из головы, и схватил несколько тарелок из шкафа.

— Эй, вы двое, все готово.

Я подошла сзади к Кристоферу и обняла его за талию.

— Спасибо. Это было очень мило с твоей стороны.

Ухмыляясь, он вручил мне тарелку.

— Не привыкай к этому.

Я положила руку на сердце.

— Не посмею.

Мы сели за стол как семья, которой мы когда-то были, и ели тушеное мясо, которое приготовил Кристофер. Удовлетворение встряхнуло мои внутренности. Я посмотрела на Джареда, когда откусывала кусочек мяса, и все внутри меня сжалось.

Мое сердце сильно хотело, чтобы он остался.

Но все внутри меня знало, что такого не будет.

Когда мы закончили, я собрала наши тарелки, чтобы помыть их. Кристофер взял несколько бутылок пива, но я отказалась. Они пошли к дивану, Кристофер включил телевизор, и они вернулись к игре.

Закончив мыть посуду, отправилась в свою комнату, взяла книгу и вышла на балкон. Я устроилась в кресле. Маленькая лампа, прикрепленная к стене, проливала приглушенный свет на слова, напечатанные на страницах. Этим вечером казалось невозможным сосредоточиться на них. Вместо этого, я наблюдала за молнией вдалеке, собирающимися кучевыми облаками, как они поднимались высоко и зловеще в ночном небе. Ничто не могло сравниться по красоте с хорошей грозой.

Я потерялась в этом.

Я подпрыгнула, когда балконная дверь открылась. Мое лицо вспыхнуло, встретившись с улыбкой Джареда.

— Что ты делаешь тут в одиночестве? — спросил он, выходя на балкон.

— Просто отдыхаю. — Я подняла ноги на кресло и обняла колени, притянув их к груди. — Здесь так красиво.

Джаред скользнул вниз по стене так, как он всегда делал, согнув колени, а его ноги стояли на бетоне. Он наклонил голову на бок, зажигая сигарету. Дым клубился вокруг его лица, создавая ему завуалированный ореол. Он глубоко вдохнул, как будто весь груз спал с его плеч, а затем выдохнул в небо и спокойно сказал:

— Это мое любимое время года.

— И мое тоже. — Я обняла себя крепче. — Мне нравится чувствовать, когда приходит муссон... как он создается.

Удобная тишина окутала нас, как будто мы оба потерялись в воспоминаниях тех лет, которые давно разделили. Они были так легки и приятны.

— Ты помнишь ту бурю, в которой мы застряли? — спросил он, прежде чем сделать еще затяжку, кладя свои предплечья на колени:

— Когда мы были в домике на дереве, и гроза действительно приблизилась? — слегка смутившись, я улыбнулась одним уголком рта. — Да.

Смех Джареда был теплым, низким гулом, который раздавался из глубин его горла.

— Боже, ты была самым милым гребаным ребенком, которого я когда-либо встречал. Всегда старалась действовать смело, чтобы зависать с нами. Но когда молния во второй раз ударила в поле, ты замерла. — Он захихикал, и дым повалил из его открытого рта, когда он поднял лицо к ночному небу.

И я видела это. Яркую вспышку энергии, которая рассекала воздух, когда молния ударила всего на расстояние примерно в сто ярдов.

Успокоившись, Джаред продолжил:

— Кристофер удрал оттуда, и не было никакого способа спустить тебя с дерева. Боже, это было, самое плохое место, где можно было бы находиться в грозу.

Мой голос смягчился, когда я плавала на волнах его воспоминаний.

— Ты сидел со мной на дереве в течение часа, пока лил дождь. — Даже тогда его руки были теплыми, когда он защищал меня от холода. Мне было комфортно. И он обещал, что никогда не оставит меня.

Теплота плескалась в его голубых глазах.

— У нас было столько проблем, когда мы вернулись домой. Твоя мама была рассержена на меня. Сказала, что я должен был понимать и не пускать тебя в такую погоду. Моя мама наказала меня, когда твоя мама отправила меня домой. Я был наказан где-то на неделю. — Он замолчал, и опустил голову, его пальцы беспокойно дергались.

Я подняла лицо, чтобы посмотреть на него:

— И ты никогда не говорил, что это я просила тебя остаться. — Я засомневалась, вздохнула, потом сказала: — Ты был моим лучшим другом, Джаред.

Задумчивая улыбка изогнула его прекрасные губы. Потом он избавился от нее и потушил сигарету

— Здесь жарко. Я пошел внутрь.

Я кивнула. Думаю, в этот раз я запустила пальчики слишком глубоко.

— Хорошо, — пробормотала я, возвращая свое внимание на горизонт, когда Джаред встал на ноги, и зашел внутрь.

Прошел час, прежде чем я зашла внутрь. Я открыла дверь и увидела Джареда с Кристофером на диване, играющими в игру. Комната была темной, освещенная только картинками из игры с экрана. Кристофер, казалось, поглощен игрой, в то время как Джаред, казался, отстраненным.

Я не знала, что это было, но волна храбрости нахлынула на меня. Я решила рискнуть. Я прошла рядом со спинкой дивана и пропустила свои дрожащие пальцы сквозь волосы Джареда. Это было легкое касание. Очень легкое. Он вздрогнул от моего прикосновения. Я подавила огромную потребность, прижать нос к его шее и вдохнуть. Вдохнуть его. Вместо этого, я обошла диван и сказала:

— Я пошла спать. Увидимся утром.

Кристофер, казалось, едва заметил меня, и бросил мне:

— Спокойной. — Не обращая внимания на то, что происходило между мной и Джаредом.

— Приятных снов, — прошептал Джаред, он провожал меня взглядом, когда я остановилась, чтобы взглянуть на него из-за моей двери. Выражение его лица ясно дало понять, что он обращал на все это внимание.

Это заняло у него час, но, наконец, я услышала легкие шаги, которые отдавались в ушах, и ускоряли мой пульс, прежде чем дверь открылась. Полоска света из коридора проскочила внутрь, когда Джаред зашел в мою темную комнату.

Я лежала в своей кровати, ожидая.

Хихикая, Джаред пересек комнату.

— Кристофер ушел. Сказал, что у него есть какая-то девочка, с которой у него встреча. Не думаю, что я достаточно интересен для него.

Джаред лег на кровать рядом со мной. Он, не колеблясь, накрутил на свой палец мой локон, как будто так должно быть, не скрывая глубокий вздох, который вырвался из легких. Он лег так близко, что я была уверена, он ощущал, как быстро бьется мое сердце.

— Разве ты еще это не понял? — по-прежнему прошептала я, сама не знаю почему.

Хриплый смех отрикошетил от моих стен.

— Ага... Я, возможно, заметил. Что с ним все-таки произошло? Счастлив ли он? — Джаред немного повернулся, моргая в потолок. — Такое ощущение, будто он ищет что-то, и не может это найти.

— Разве не все мы ищем что-то?

Морщины углубились на лбу Джареда, хмурый взгляд появился на его лице.

— Я не знаю, Эли.

Я немного подвинулась. В маленьком пространстве, разделяющем нас, я ощущала тепло его тела. Мои руки легли на его покрытую футболкой грудь. Я все еще боялась коснуться его кожи, в которой я хотела бы раствориться.

— Я думаю, он счастлив, Джаред, но он изменился, когда ты уехал.

Джаред напрягся рядом со мной, потому что я впервые рискнула. Я была готова погрузиться в опасные воды, которые держали Джареда. Слишком долго я обходила их.

И честно сказала:

— Я думаю это страх... страх потерять кого-то, кто для него важен. — Я никогда не забуду глаза Кристофера в ту ночь, когда мы стояли лицом к лицу в коридоре, и слушали, как наша мама рыдала в своей комнате. Ярко-зеленый цвет потускнел в его глазах, когда он потерял последнюю часть детства, его наивность сменилась болью. Терзаниями. Не было другого способа описать это. Когда я думала о том, что увидела в его глазах в тот день, мне иногда становилось интересно, что он видел в моих.

— Он расстался с Самантой через неделю. — Кристофер встречался с ней год. Я была уверена, что они были друг у друга первыми. Она была опустошена, а Кристофер просто казался оцепенелым к ее боли, так же как и ко всему остальному. — Он начал постоянно где-то зависать. — Я медленно продолжала, понимая, что ступаю на опасную землю. — Зависал со случайными девочками. А сейчас я не могу сказать привычка ли это или игра, или он подсознательно охраняет себя от чего-то, что он не хочет чувствовать.

Губы Джареда вытянулись в тонкую линию, как будто его опасения подтвердились.

— Он говорит, что все это бессмысленно, — сказала я тихо, застенчиво водя пальцами по футболке Джареда. — Мне не нравится, что эти девушки для него ничего не значат... этот секс ничего не значит. — Я подняла лицо и встретилась с его взглядом. Мой рот открылся и закрылся, когда я боролась с желанием сказать. Так же сильно, как я не хотела знать, я не смогла остановить себя от вопроса: — Что насчет тебя? Ты когда-нибудь влюблялся?

Джаред отвернул от меня лицо, как будто не хотел, чтобы я видела его признания. Он вздрогнул, прежде чем заговорил:

— Секс как драка для меня, Эли. Это освобождение, ничего большего. Я использую девушек так же бесстыдно, как Кристофер. Возможно по-другому. Я не знаю, но в итоге это то же самое... Это ничего не значит.

Я вздрогнула. Ревность была неприятной эмоцией. Но она поразила меня. Я привыкла к этому месту, что оно стало нашим, и мне было легко представить, что мы оба знали только это... просто тишину моей комнаты и устойчивые удары наших сердец.

Здесь, а больше ничего не существовало.

Но Джаред познал так много — так много боли, так много потерь.

Он познал девушек, и ощущения, когда к тебе прикасаются.

Разве плохо, что я тоже хотела этого?

Выходя за наши границы, я позволила своим пальчикам взобраться вверх по его груди к плечу. Жилистая мышца подпрыгнула под моими руками, маня меня вперед и противостоя моему исследованию.

Я задержала дыхание, когда дотронулась до голой кожи на его шее. Каждый дюйм моего тела вспыхнул, огонь растекся по моим венам и вспыхнул в животе. Мурашки побежали по моей коже.

Как такое возможно, что один человек может волновать меня вот так?

Я посмотрела на его лицо. Беспokoйные голубые глаза уставились на меня. В них я ощущала диапазон эмоций, предупреждение и просьбу. Гнев и желание. Ярче всего я видела страх.

Неуверенно я опустила взгляд и посмотрела, как мои пальцы путешествовали вниз по его плечу и проследили татуировки на его левой руке. Эта рука была покрыта черными и серыми, скрученными формами и лицами, которые кричали в ужасе. На внутренней части его запястья было написано: «Чтобы я не забыл».

Джаред дрожал, как будто прикосновение причиняли ему физическую боль. Но он не отстранился, продолжая неуверенно дышать около моего лица.

— Ты был напуган, когда они увезли тебя? — я задала вопрос так тихо, что думала, возможно, он прозвучал только в моей голове.

Тем не менее, этот вопрос высосал весь воздух из комнаты.

Застыв, Джаред оставался неподвижным, миллион эмоций двигались потоком из его молчания, прежде чем он заговорил:

— Я был рассержен, Эли. — Он хмыкнул. — Это не должно было получиться вот так. Я думал, что наконец нашел способ заплатить за то, что сделал, но мне удалось испортить и это.

Холодок пополз по моей коже. Джаред просто подтвердил мой самый большой страх. Все эти годы, я пыталась убедить себя, что другого выхода не было, или Джаред попытался бы покончить с собой. Спрашивала себя, смог бы он? Убеждала себя, что просто неправильно все поняла, потому что в это невозможно было поверить.

И знать, что он был рассержен, потому что ему не удалось?

Замешательство, боль и страх наполнили мою душу, потому что я не могла не беспокоиться, что он не попытается вновь.

Я попытался проглотить комок, который застрял в горле.

— Возможно, все вышло так, как должно было.

Жесткий смешок сотряс его грудь.

— Ничего не вышло так, как должно было, Эли. И даже если так, я только разрушу все. Тебе нужно запомнить это. Я предупреждаю тебя, что ты пожалеешь об этом... — его пальцы глубже зарылись в моих волосах, а ладонь второй руки он положил ладонь на мою шею и сжал, делая акцент на нашей дружбе, так сильно, почти больно. Но это в моем сердце было больно.

— Как я могу сожалеть? — я поднесла руки к его лицу, удерживала их там, давая теплу,

опалить мою кожу. — Я скучала по тебе, Джаред. Так сильно. Они увезли тебя, и я думала, что никогда не увижу тебя. Ты представляешь, как это больно?

Но я понимала, что он правда не догадывался.

Разве он мог?

— Я думала о тебе каждый день, — призналась я, зарываясь головой глубже в кровать, в его тепло. Мы замерли на грани объятий, его руки на моем лице, мои на его, но пространство между нами такое большое, что я не уверена, что мы сможем пересечь его. — Как это было? — спросила я, поднимая свое лицо к нему.

Он молчал, его дыхание заполняло комнату.

— Я не знаю, Эли. Думаю, отстойно. Люди всегда говорили нам, что можно делать, а что нельзя, все называли это реабилитационным центром. Там было несколько хороших ребят, которые наделали ошибок. Я всегда надеялся, что это было отчасти полезно. Большинство из нас были безнадежны. Не было никакого способа это исправить.

Безнадежный. Я моргнула, пытаюсь понять, распознать тон его голоса.

— Ты таким себя чувствовал?

Печаль наполнила комнату, ее плотность заставила мою кожу покрыться мурашками.

— Они выпустили меня, когда мне исполнилось восемнадцать, Эли. Восемнадцать. — Его голос надломился. — Думаешь это весело? Разве я заплатил свою цену? Я провел два года своего жалкого существования за решеткой, и это компенсировало то, что я сделал?

Гнев промчался по нему, волны злости накатывали и боролись с моей душой. Тело Джареда дернулось, и я почувствовала, что он пытался сдержать это, удержать внутри. Его лицо исказилось, как будто он пытался заблокировать все это.

— Что это за ерунда, а? Она достойна намного больше, чем это.

— Джаред...

Моментально, он подпрыгнул и встал на ноги

Я была шокирована, когда повернувшись, встретилась лицом к лицу с мужчиной, стоящим посреди моей комнаты. Возбуждение бурлило в нем, подергивая его мускулы. Мое дыхание стало тяжелым и сильным, смешанным с враждебностью, исходящей из пор Джареда.

Запустив руки в волосы, он уставился вниз на меня, его глаза взбешенные.

— Просто не делай этого, Эли. — Он коснулся груди сжатой в кулак рукой, затем убрал ее. — Пожалуйста не говори пустых, шаблонных слов. — Он зажмурился. — Пожалуйста. Только не ты.

Открыв глаза, я увидела, как рухнули его защитные барьеры, обнажая для меня все.

Опустошение.

Это было единственное, что я видела.

Мое сердце сжалось, эта боль, разрушала мое сердце, резала по тому месту, где были фантазии о Джаред. Там я представляла себе, что он так или иначе цел, и не такой, каким я вижу его сейчас — путаница из нескольких искореженных осколков, вот что осталось после его разрушений.

— Джаред, — прошептала я, моя рука, потянулась к нему, молча умоляя его, принять ее. Видеть его вот таким убивало меня. Это напоминало мне те месяцы, когда я могла просто наблюдать, как он исчезает. Какая-то часть меня держалась за надежду, что время исцелит его.

Сейчас я была уверена, что этого не произошло.

Он наткнулся спиной на дверь, понимание вспыхнуло в его глазах.

— Ты не справишь меня, Эли.

Я вздрогнула и подняла подбородок, скрывая свои эмоции, чтобы он не мог прочесть их.

— Я знаю это, — прошептала я.

— Тогда и не пытайся.

Глава 11

Джаред

Бл*дь.

Я прислонился спиной к ее двери, пытаюсь прокрутить события вечера. Мои руки сжали волосы в кулаки, и безмолвный крик заблокировал мое горло.

Я не мог дышать.

Потому что я, черт возьми, не знал как.

Мое нахождение рядом с Эли доказало это.

Как я позволил всему этому выйти из-под контроля?

Эли.

Проклятье. Чертов спусковой крючок.

Она медленно сводила меня с ума. Делала безрассудным. Постоянно толкала меня на стену, через которую не было шанса прорваться, пробралась в мои мысли и мой разум, вторглась туда, куда не надо.

Тем не менее ей удалось проникнуть своими пальчиками мне под кожу.

Сильное желание ударило в меня сильнее, чем за все годы.

Привычка была такой сухой. Независимо от того, сколько времени прошло, это никогда не позволяло мне забыть временное спасение, которое она давала. Момент эйфории. Единственное место, где я мог забыться. Ну, не забыться. Я цепенел и не мог чувствовать.

Пересекая комнату, стянул пижамные штаны, и надел джинсы, в которых был ранее. Запихнул ноги в ботинки, схватил ключи с кофейного столика и пошел вниз по лестнице. Я завел байк и послышался громкий рев мотора. Мощь вибрировала под моими руками и ногами. Я убрал подножку, переключил скорость. Медленно объехал комплекс и выскользнул из ворот.

Выскочив на улицу, я полетел. Жар опалял лицо. Ресницы жгло, яростный воздух ударялся в мою футболку и трепал мои волосы. Я не представлял куда еду, не было места назначения.

Долбаная история моей жизни.

Но я не мог оставаться там с ее милыми глазками и нежными ручками. Не мог позволить себе проскользнуть в ее ложный комфорт, устроиться в ее тепле.

Боже, я хотел этого.

Жаждал этого

Жаждал ее.

Она делала то, что я не мог позволить. Черт, я даже позволил ей прикасаться ко мне, ее пальчики как огонь, когда они путешествовали по, отмеченной моими грехами, коже. Она проследила все эти линии, как будто она рисовала их на страницах своих альбомов. Я открыл рот и позволил свободно вытекать словам, которые никогда не произносил прежде.

Я позволил ей взять немного того, чего не готов был отдать.

Я выжимал газ на полную. Улицы проплывали мимо меня, и я дрожал от скорости, дрожал от гнева.

Глупец.

Она призналась, что думала обо мне. Скучала по мне.

В каком-то плане, я тоже скучал по ней, сильно. Слишком сильно, чтобы сознаться в этом.

Но этот план больше не существовал, стал просто пустым местом, которое эхом отражало радость, которая у меня однажды была, и, возможно, могла быть. Испорченное место, в котором она поселилась, казалось, было создано для нее.

Не было потребности отрицать это. Я заботился о ней. Но я не мог заботиться о ней так, как хочет она. Не мог любить ее так, как она заслуживает.

Я отказывался полюбить вновь.

Я разрушал вещи, которые были важны для меня. Это слишком больно, когда они исчезают.

Горький смех покинул мой искривленный рот, когда я заметил куда прибыл.

Конечно же. В старый квартал.

Потрясающе.

Меня тянуло сюда так же сильно, как и тянуло вернуться в Феникс. Просто пустая боль, зовущая меня. Которая насмеялась надо мной. Я откатился в тупик и остановил байк на

обочине прямо напротив места, которое было моим всем, и где я попытался покончить со всем этим.

Поле раньше было открытым. Там был только деревянный забор, отделявший его от старого квартала, который оставался справа. Пространство пустой земли, когда-то казалось бесконечным, хотя дальше слева был еще один квартал. Но для нас эти пустые земли были пристанищем. Мы играли здесь часами, как будто это единственное место в мире.

Теперь новый забор возвышался над улицей, закрытая территория. «ВХОД ВОСПРЕЩЕН» было напечатано на черном знаке. Несомненно, этот знак был повешен туда из-за меня.

Я просто смотрел, пригвожденный к байку, мои руки сжимали руль. Воспоминания ударили в меня, как самые больные удары, которые были в моей жизни, избивали меня. Это чертовски больно, потому что слишком многие из них были приятными.

На моих губах появилась непроизвольная улыбка, я едва мог разглядеть на этом расстоянии наше дерево. Я хотел подойти к нему, но не мог заставить себя двинуться. Когда-то оно казалось таким высоким, на нем мы строили домик, своими руками, используя воображение.

Так много времени было проведено здесь.

То место во мне расширилось, растянулось, как будто боролось за свободу со своими границами.

Дерьмо.

Я надавил руками на глаза, как будто это уничтожит те картинки, которые появлялись в моей голове. На секунду я просто хотел забыть. Но это было моей жизнью.

Я бы умер за это, несомненно.

Но я жил как бы в наказание за то, что сделал.

Глава 12

Элина

На следующее утро, когда на рассвете я выглянула из комнаты, его место на диване пустовало. Но я уже знала это. Я слышала, как Джаред ушел сразу после того, как покинул мою комнату, и не слышала, чтобы он возвращался.

Я не спала всю ночь. Все, что я могла делать, так это задаваться вопросом, куда он ушел, и беспокоиться все ли с ним хорошо.

Я надавила на него слишком сильно. Слишком быстро.

Работа проходила в полубессознательном тумане. Мое зрение, казалось, то ухудшалось, то прояснялось, и я едва слышно бормотала, приближаясь к каждому столу, в ступоре перемещаясь в течение дня.

Мысли о том, что я могу больше не увидеть Джареда, убивали меня. О том, что он уехал. От этих мыслей острая боль резанула меня. Я облокотилась на стену для поддержки и сильно зажмурила глаза.

Карина легонько прикоснулась к моей спине, повернувшись, я посмотрела на своего босса. Она была старше, но ее макушка была на уровне моих плеч. Ее лицо было обеспокоенным:

— Эли, ты сегодня неважно выглядишь. Ты хорошо себя чувствуешь?

Я покачала головой.

— У меня немного болит живот.

Это было ложью.

Она оглядела комнату. Маленькие круглые буфетные столики, заполняющие пространство, были усеяны посетителями, но не слишком сильно. Был поздний вечер, клиенты расположились вдоль изогнутой линии окон, которые выходили на улицу. Они пили кофе и наслаждались вкусным десертом.

— Я думаю, мы справимся без тебя оставшуюся часть вечера. Почему бы тебе не пойти домой и не отдохнуть?

Она погладила меня по плечу, и я признательно ей улыбнулась. Карина всегда была отличным боссом. Открыв ресторан много лет тому назад, она собственными руками сделала его успешным. Она всегда рассматривала своих сотрудников как семью.

— Спасибо, Карина. Я думаю, до завтра все пройдет.

Я подразумевала, что буду опустошена или перестану страдать. Но с чем бы я ни столкнулась, я знала, что мне надо вернуться домой.

Облегчение накрыло меня, когда я подъехала к нашему дому и увидела байк Джаред в конце парковки.

Припарковавшись на своем месте, я секунду собиралась с мыслями. Выйдя из машины, я пересекла парковку и на трясущихся ногах поднималась по лестнице в нашу квартиру. Я чувствовала, что волнение, скопившееся в воздухе, росло и переплеталось с моим сердцем.

Определенно, когда я открыла дверь, то почувствовала, что внутри было еще больше напряженности. Джаред был здесь, но подсознательно, я знала, что все изменилось. Он сидел на диване и смотрел телевизор. Когда я вошла в комнату, Джаред едва глянул в мою сторону. Я слышала, как Кристофер чем-то шуршал в своей комнате. Несколько секунд спустя, он вышел и промчался по коридору.

— Эй, Джаред, как насчет, сходить куда-нибудь сегодня? — спросил он, пробегая руками по своим спутанным темным волосам.

Глядя на него Джаред состроил гримасу.

— Не, чувак. Сегодня у меня был тяжелый день на работе. Думаю, я просто останусь здесь и отдохну.

— Эх, очень жаль.

Кристофер засунул кошелек в задний карман джинсов и взял ключи.

— Ты хорошо поработала, Эли? — спросил он с легкой улыбкой, продолжая собирать свои вещи.

Казалось, что он не замечал изменений, произошедших в отношениях между ней и Джаредом.

— Ага, все в порядке, — сказала я.

— Круто. Ну, тогда я пошел. Позвони, если что-то понадобится. — Затем, не раздумывая, захлопнул за собой дверь.

Джаред едва обратил на меня внимание, когда я сказала, что собираюсь принять душ, только слегка качнул головой, возвращаясь к телевизору.

Я включила воду в душе такую горячую, какая только была. Пар заполнил маленькую комнатку, струи обжигающей воды попали на тело. Кожа покраснела, и мне было жаль, что горячий душ не мог смыть вопросы в моей голове, так же как смывал усталость с моего тела. Но эти вопросы остались запертыми в парне, сидящем на диване.

Завернувшись в полотенце, я открыла дверь ванной, и мой взгляд упал на затемненную гостиную в конце коридора. Телевизионные вспышки освещали диван, и я чувствовала, что он там, как будто знала, что он тоже чувствует меня. Хотя не ощутила движения или какого-то намека на его присутствие.

Из уважения, я оставила его там, потому что не знала, что сказать. Как я могла возвернуть прошлую ночь? Это было мое сердце. Он был моим сердцем. Я не сожалела о том, что попросила его открыться мне. Я сожалела только о его реакции.

В своей комнате, я скинула полотенце на пол и натянула шорты для сна и майку, потом свернулась на своей стороне кровати, чтобы уставиться в открытое окно. Даже при том, что луна убывала, она все еще достаточно ярко освещала мою комнату. Мой альбом для рисования лежал на полу рядом с кроватью, но сегодня у меня не было желания рисовать. Это всегда было моей терапией, способ выпускать мысли, страхи, и желания. Способ, показать мою любовь.

Но сегодня вечером я цеплялась за мысли, позволяла им кружиться в моей голове. Я лежала на кровати спиной к двери в тусклом свете Луны. Глядя в открытое окно я едва могла разобрать несколько самых ярких звезд. Время шло слишком медленно и слишком быстро одновременно, потому что я жаждала его и в тоже время была напугана тем, что скрывалось внутри него. Я влюбилась в него давным-давно, крепко держась за остатки воспоминаний, которые отпечатались в моей памяти. Тогда это было глупо, но безопасно, потому что это была просто иллюзия. Я отдала ему себя, в то время как его никогда у меня не было.

Сейчас мое тело дрожало от реальности.

Я не знала, придет ли он, и прошло много времени, прежде чем он пришел.

Сегодня Джаред не стучал. Я напряглась, когда открываясь, скрипнула дверь и тихо захлопнулась за ним. Он молчал, когда медленно подходил ко мне сзади. Я ощущала колебание в его шагах и тяжелое дыхание.

Через секунду он оказался около меня, и я чувствовала, как его глаза прожигают мое тело. Потом рядом со мной прогнулась кровать.

Я успокаивала себя, пока он устраивался, и его вес, распределился по кровати. От него исходило сильное напряжение, от которого у меня пересохло во рту.

Джаред выдохнул, а его рука прижалась к моему позвоночнику. Могла представить себе, как он лежит на спине и смотрит в пустоту. Я ждала. Ждала, сама не знала чего. Не знала, чего он хочет. Все, что я знала — это то, что я хотела, чтобы он хотел меня.

Я больше не могла этого вынести.

Медленно, я повернулась. Его рука впиалась в мои ребра, пока я устраивалась около него. Сегодня я стерла физическое пространство, которое всегда оставалось между нами, но я знала, что расстояние от того, что я хотела, и до того в чем я нуждалась никогда не было большим. Я зарылась носом в его шею и вдохнула его запах. В эту секунду он сдался и притянул меня в свои объятия. Одна моя рука обернулась вокруг его шеи, а вторая зарылась под спину.

Мое тело пылало, мои мышцы напряглись, когда я вцепилась в него, стараясь быть как можно ближе к нему.

Ничто никогда не ощущалось лучше, чем находиться в объятиях Джареда.

Ничто.

Под моей рукой его сердце быстро билось, и медленно убрав пальцы с его футболки, я проскользнула ладонью под нее, чтобы ощутить биение своей кожей. Мой желудок сделал сальто, объединяясь с желанием, потребностью и любовью, которую я так долго хранила для него.

Я хотела рассказать ему, как много он значит для меня, но знала, что если скажу — это еще сильнее оттолкнет его.

Джаред задержал дыхание, и, подняв правую руку, положил поверх моей. Он прижал мою ладонь сильнее к своей груди, как будто он тоже не мог выдержать мысль о том, что я уйду. Его голос был скрипучим, низким и таким невероятно печальным:

— Что мы делаем, Эли?

— Я не знаю, — ответила я, ртом, прижатым к ткани его футболки. Я любила его запах, его футболка пахла свежей стиркой, смешанной с его собственным запахом, который всегда окружал его — мята и сигареты. Это была аура мужчины, который каждую секунду впитывал мою душу глубоко в себя.

Пальцы со спины поднялись к моим волосам. Осторожно потянули, как он делал это прежде, только в этот раз это была прядь волос.

— Знаешь, Кристофер был прав. Ты всегда была моей любимицей. — Слова были произнесены шепотом, его лицо сфокусировалось на потолке, в то время как пальцы гладили мою голову.

Покалывание распространилось по шее, затем вниз по позвоночнику.

— Я не знаю, что это было, — продолжил он, шепотом. — Думаю, мне нравилось, что ты ходила за нами. Нравилось, что не могла быть с нами наравне, и мне надо было заботиться о тебе. Нравилось поддерживать тебя. Защищать. Нравилось, как ты смотрела на меня, будто я действительно много значил для тебя. Мне нравилось, что когда я вспоминал о тебе и Кристофере, после своего отъезда, я думал о хороших временах своей жизни. — Он притянул меня ближе и прижался губами к моей макушке.

— Но я не понимал, что это, Эли.

Я придвинулась, чтобы положить щеку ему на грудь. Печаль накатила на меня сокрушительной волной. Я знала, но ничего не могла сказать, чтобы повлиять на него или переубедить. Он уже говорил об этом прошлой ночью. Вместо этого, я просто ухватилась за него, говоря ему через прикосновения, как много он значит для меня, и что он заслуживает счастья, найдет ли он его со мной или с кем-то другим.

— Черт возьми, я разрушаю все, к чему прикасаюсь, Эли, и я не хочу разрушать тебя. — Его захват усилился. — Черт, — простонал он шепотом, наклоняя свое лицо к моему, печаль огнем горела в его глазах. — Я даже не должен находиться здесь с тобой. — Он погладил мою спину. — Проводить с тобой время — это самый эгоистичный поступок, который я сделал за долгое время. — Он сделал вдох. — Я не могу больше продолжать делать это... все эти дружеские штучки. Я чувствую, это произойдет, Эли, что-то плохое случится, и я сделаю тебе больно, а я отказываюсь делать это.

— Ты никогда не причинишь мне боль, — сказала я. На сей раз я не смогла удержаться и опровергла его слова.

Сдержанный смех заполнил комнату.

— Ты права... потому что я никогда не позволю этому зайти слишком далеко.

Мое сердце сжалось. Я была неправа. Он может сделать мне больно. Он уже сделал — больно мне и самому себе.

Но я думаю, что лучше всего у него получалось — причинять боль себе.

Я переплела наши пальцы и подняла их так, чтобы наши руки светились в тусклом свете. Моя кожа казалась такой бледной по сравнению с его загорелой. У него на пальцах набит год его рождения: 1990. Жизнь.

Я сжала руку, желая удержать его.

Он поднес наши руки к своему рту и оставил нежный поцелуй на моих пальцах. Он прикоснулся губами к тыльной стороне моей руки, прошелся по шрамам на внешней части моего большого пальца. Горло сжалось, и я изо всех сил старалась сдержать слезы.

— Мне нужно идти, Эли.

Я запаниковала и сжала его сильнее.

— Пожалуйста, — умоляла я, пытаюсь притянуть его ближе, — просто полежи со мной. Только сегодня ночью.

Его вздох был тяжелым и полным печали. Но он сдался. Его руки напряглись вокруг меня, и он прижался губами к моему лбу. Его теплое дыхание проникало в меня, обнимало меня и баюкало. Я вздрогнула, когда полностью растворилась в его объятиях.

Может, если я буду лежать с открытыми глазами, то буду в состоянии держаться за него вечно.

И я пыталась. Но неизбежно мои веки отяжелели и закрылись, потому что не было более безопасного, более удобного места, чем отдых в руках Джареда.

Утром, я проснулась в пустой постели.

Я не ожидала ничего другого. Но это не означало, что это не больно. На несколько секунд, я закрыла глаза, потому что не хотела столкнуться с событиями, которые произошли между мной и Джаредом прошлой ночью.

Перекатившись на бок, я натянула одеяло, пытаюсь найти хоть какой-то комфорт. Что-то смялось на моей подушке, когда я двинулась.

Я подняла голову. На подушке лежал свернутый листок. Горло сдавило, и я перевернулась на живот, смотря на скомканный кусочек бумаги, одна сторона изодрана из-за того, что его отрывали из тетрадки. Мои пальцы дрожали, когда протянула руку, чтобы взять его. Медленно я развернула его.

Слезы хлынули из глаз, когда я увидела простое словосочетание, написанное четким почерком.

Спящая красавица.

Повернувшись на спину, я прижала записку к груди, лелея слова, которые Джаред не знал, как иначе сказать.

Прошло две недели с тех пор, как Джаред покинул мою комнату. Он стал отстраненным. Замкнутым. Редко бывал в квартире. Я слышала, как очень поздно ночью он прокрадывался в квартиру, и уходил, прежде чем я встану, как будто не мог выдержать моего присутствия.

И я скучала по нему.

Самым сложным было находиться вместе в квартире и ловить на себе его взгляды.

Он смотрел на меня так, будто скучал по мне так же сильно, как я по нему.

И так же быстро он отводил взгляд, опускал глаза и притворялся, что все эти ночи, которые он провел, лежа со мной в моей комнате, были просто плодом моего воображения.

Как будто они ничего не значили.

Как будто они не изменили то, кем мы были.

Но я не подталкивала его. В прошлый раз это плохо закончилось. Он запаниковал и возвел непроницаемую стену между нами.

Каким-то образом я знала, что если подтолкну его дальше, то никогда не увижу его вновь.

Вздохнув, я вытащила себя из кровати. Я была истощена. Мне не хватало спокойного сна последние две недели. Всегда была надежда, небольшой трепет ожидания, что, возможно, он вернется, проскользнет в мою комнату, обнимет меня и прошепчет, что совершил ошибку.

Но этого не произошло.

Это не значит, что я не провела большинство ночей без сна, желая, чтобы это случилось.

Сейчас я выползла в коридор. Остановилась и замерла, когда увидела Джареда, сидящего в тишине за стойкой, пьющего кофе.

Не двигаясь, я упивалась его красотой, пока он не подозревал, что за ним наблюдают. Он был одет в джинсы и белую футболку с V-образным вырезом. Его босые ноги располагались на подножке, локти упирались в мраморную столешницу. Он казался поглощенным своими мыслями, находился на миллион миль и на столетия в прошлом. Его волосы были в беспорядке, и из-за грубой щетины, покрывавшей его сильную челюсть, казалось, что он не брился, по крайней мере, три дня.

Мои пальцы дернулись.

Я хотела протянуть руку и провести по его лицу. Прошептать о его красоте ему на ушко. Рассказать, что я отчетливо вижу, что все это по-настоящему, так понятно по его словам и глазам.

Вместо этого, проходя мимо него, пробормотала:

— Доброе утро.

Я едва могла различить, как слегка дернулись его мышцы, но это было. Я застала его врасплох.

Он пробормотал в чашку с кофе:

— Доброе утро.

Подойдя к холодильнику, я взяла апельсиновый сок и налила в стакан. Стоя спиной к нему, заговорила. Это было сложно сделать, но я не хотела, чтобы эта неловкость мучила нас.

— Ты не работаешь сегодня?

Он заворчал:

— Четвертое июля... босс закрыл сегодня магазин.

Четвертое июля — День независимости

Точно.

Я даже не узнала дату.

Думаю, я была сосредоточена на чем-то другом.

Я прислонилась к столешнице, к которой Джаред прижал меня несколько недель тому назад, когда впервые столкнулся со мной, и задумалась об этом дне. Это было забавно, с каким нетерпением я раньше ждала этот праздник, день, заполненный летней жарой, весельем на нашем поле, пока мы играли до заката. Как возрастало волнение с заходом солнца, и наши семьи собирались, чтобы посмотреть на небо и насладиться красотой фейерверка.

Это всегда внушало мне благоговейный страх.

Я помню, как сильно это впечатляло и Джареда.

Я уставилась в пол. Справа от меня, его присутствие высасывало мою душу, как будто она была прикована цепью к нему, напряжение ранило мое сознание и замораживало воздух между нами.

Я сомневалась, что мы могли этого избежать.

Кристофер внезапно разрушил напряжение, окутавшее комнату, пробегая по коридору.

— Доброе утро, — сказал он, хлопая Джареда по спине, и обойдя барную стойку, прошел на кухню. Он быстро чмокнул меня в щеку. — И тебе доброе утро, сестренка.

— Доброе утро, — ответила я, озадаченная чрезмерно взбудораженным парнем, практически танцующим по кухне.

— Есть молоко? — спросил он.

Я почти засмеялась, когда Кристофер копался в холодильнике. Он никогда не просыпался так рано.

— Должно быть, — сказал я, ухмыляясь ему в спину.

Он выпрямился и сверкнул улыбкой.

— В честь чего такое хорошее настроение? — вопросительно нахмурилась я.

— Сегодня День независимости. Почему у меня не может быть хорошего настроения? — Кристофер слегка кивнул в сторону Джареда. — Мы давно не праздновали его вместе, а Тимоти устраивает свою ежегодную вечеринку в честь Дня независимости. — Он пожал плечом. — Вот и подумал, что будет классно провести ночь вместе со всеми.

Кристофер упоминал об этой вечеринке несколько недель назад. Я бывала на домашних вечеринках у Тимоти. Они всегда переполнены, кишат огромным количеством тел, поэтому я обычно оказывалась на заднем дворе, пытаюсь вдохнуть свежего воздуха.

Уголкем глаза, я увидела, как Джаред качал головой.

— Неа, думаю, что я просто побуду здесь или, может, покатаюсь на байке или что-нибудь еще.

— О чем, черт побери, ты говоришь? Это исключено. Я всю неделю с нетерпением ждал этой вечеринки. И мы так долго не зависали вместе. — Кристофер повернулся ко мне. — Ты ведь пойдешь, да?

На самом деле это не было вопросом. Я знала, что он вынудил бы меня пойти, даже если бы я подумала отказаться.

— Да. Я буду там. Не против, если я приглашу Меган? Мы давно с ней не виделись.

— Конечно. Тимоти не будет против.

Я кивнула, прежде чем Кристофер вернул свое внимание Джареду, сверля его пристальным взглядом, который говорил, что не принимает «нет» за ответ.

Джаред спокойно отхлебнул из кружки.

— Я действительно не хожу на вечеринки.

— Правда? — спросил Кристофер, абсолютно не веря. — Ты помнишь, что я забрал тебя из бара?

Джаред ухмыльнулся и поставил кружку на столешницу, и прежняя игривость заполнила его глаза, когда он поддразнил моего брата:

— Ты забрал меня из бара, да? — спросил он с намеком.

Вот это были мои друзья.

Мы с Кристофером рассмеялись.

— Да пошел ты, придурок. — Кристофер указал на него пальцем. — Ты пойдешь.

Джаред тихо хихикал, потом посмотрев в мою сторону, опомнился. Я знала, что ему было интересно, хочу ли я, чтобы он был там, или он уже достаточно обидел меня, что я не хотела, чтобы он был где-то поблизости.

Я послала ему легкую улыбку, как бы говоря, что по-прежнему приму все, что он даст мне. Я могу быть его другом. Могу отодвинуть чувства в сторону, запереть их в то месте, которое всегда хранилось для него. Могла притвориться, что не жажду его прикосновений на своем лице, притвориться, что он не говорил тех вещей, о которых он рассказывал мне, притвориться, что эта связь, которую мы разделили, была просто плодом моего воображения.

Я успешно прятала свои чувства так много лет. Что изменилось?

Я сопротивлялась желанию закатить глаза сама на себя.

Это изменение в настоящий момент сидело за барной стойкой в моей квартире, его выражение лица сдержанное, но в то же время очень нежное. Мог бы кто-то из нас забыть эту связь, которую мы создали, забыть те прекрасные часы, проведенные в моей комнате?

Нет. Не я.

Но я могла притвориться.

Смирившись, Джаред ответил Кристоферу:

— Ладно. Я пойду.

Он бросил осторожный взгляд в мою сторону. Его веки дрожали, пока его взгляд ласкал мое лицо. Потом он отвел взгляд к своей полупустой кружке.

Было глупым то, что я волновалась, что он пойдет? Глупо, что это был первый День независимости, который я с нетерпением ждала за все эти годы, его отсутствия, потому что этот праздник всегда был нашим?

Я рискнула поднять лицо и увидела, что его глаза опечалены, а лицо закрывают, свисающие волосы.

Да. Я думаю, вероятно, так и было.

Глава 13

4 июля 2002

Было жарко. Солнце светило, опалая все вокруг, а небо такое яркое, что больно взглянуть. Пот

выступил капельками на шее Эли, и она смахнула свисающую на лоб челку. Казалось, как будто в миллионный раз, она погружает лопатку в застывшую грязь, едва сделав вмятину.

— Если мы хотим хоть чуточку продвинуться, нам нужно как можно больше грязи, Эли, — сказал Кристофер, нахмурившись.

— Но это сложно. — Эли запыхалась, и мозоль угрожала появиться на ладони правой руки. Она весь день помогала Джареду и Кристоферу строить их глупую велосипедную дорожку, она не думала, что сможет продолжать работать. Но если она перестанет помогать, то Кристофер попытается отправить ее домой. Даже несмотря на то, что ей десять, он по-прежнему постоянно пытался управлять ею. Только теперь она повзрослела и не слушала его все время.

— Кристофер, Эли, Джаред, — светлая голова ее мамы появилась поверх забора их заднего двора, когда она звала их. — Домой! Мы готовы выезжать.

Спасибо, боже.

Кристофер, бросив свои инструменты, прыгнул на велосипед Джареда и помчался через участок по дорожке, которую они только что сделали, смеясь над ними, когда он оставлял их.

— Ты всегда должен быть таким придурком, Кристофер? — крикнул Джаред ему в след, бросая свою лопату на землю: — Проклятье, — ругался он, пиная грязь. Потом его внимание переключилось на нее. — Иногда я хочу надрать твоему брату задницу.

Эли прикусила губу и почувствовала, как ее щеки покраснели. Джареду попадет, если его мама услышит, что он такое говорит. Но Эли была слишком уставшей, чтобы напомнить ему. Она положила руки на коленки, наклонилась и попыталась отдышаться.

— Ты устала, Киса Эли? — спросил Джаред, его гнев из-за украденного велосипеда почти исчез. Кристофер и Джаред никогда надолго не ссорились. Ее мама говорила, что они должны были быть братьями, потому что они ссорились и помирились в одну секунду.

Она вытолкнула воздух из легких.

— Я думаю, что упаду в обморок. — На самом деле она так не думала, но ей нравилось, как выглядело лицо Джареда, когда он думал, что с ней что-то не так.

— Давай, Киса Эли. Залезай мне на спину. — Он наклонился, чтобы она смогла залезть.

Не колеблясь, она вскарабкалась ему на спину, обернула ноги вокруг талии, а руки вокруг шеи.

Подтолкнув, Джаред поднял ее повыше, и, засмеявшись, помчался по полю. Он держал ее под коленки, когда она отчаянно цеплялась за его шею и подпрыгивала, пока он бежал.

— Держись крепче, Киса Эли. — Он присел, крутанулся и громко засмеялся, когда они взлетели.

Для Эли не было лучшего звука.

— Даже не думай уронить меня, Джаред Холт, — кричала Эли, когда он мчался через участок, нагибаясь, чтобы пропустить ветки деревьев, которые появлялись на его пути.

— Я не уроню тебя, глупенькая.

Но, по правде, она уже знала это. Джаред никогда не причинит ей боль.

Он подтянул ее повыше, и Эли прижалась сильнее. Когда они были вдвоем, как сейчас, она чувствовала себя слегка взволнованно и немного испугано, но инстинктивно понимала, что об этом никто не должен знать. В первую очередь Джаред.

Она не хотела, чтобы он смеялся над ней.

Он опустил ее на ноги около щели в заборе.

— Наперегонки до твоего дома, — бросил вызов Джаред, прежде чем побежал.

Эли бежала почти наравне, ее усталость была почти забыта. У нее были длинные ноги, и ростом она была почти с Кристофера. Ее мама говорила, что так не будет всегда, что мальчики вытягиваются чуть попозже. Еще она говорила Кристоферу, чтобы он не беспокоился, сестренка не перерастет его.

Эли и Джаред ввалились в дом, они толкались, пытаясь опередить друг друга. Входная дверь громко ударила об стену.

— Эй, вы двое, — крикнула мама Эли из кухни: — успокойтесь, пока что-нибудь не сломали.

Мама Джареда, Элен, кричала еще громче:

— Джаред! Что я говорила тебе о буйных играх в доме? Они все для улицы.

Но Элен улыбалась, когда они вошли на кухню. Нежно она взъерошила волосы Джареда, когда он подошел, а потом вернулась к укладыванию контейнеров с едой в корзину для пикника.

На кухне царил хаос. Папа Эли, Дэйв, вытаскивал складные стулья с заднего двора, а мамы складывали, все, что понадобится в бумажные пакеты, крича на мальчиков, чтобы они собирали свои вещи. Джаред, Кристофер и Август заполняли фейерверками и бенгальскими огнями свои карманы.

Эли любила гул возбуждения в воздухе.

День независимости был ее любимым праздником.

— Джаред, не мог бы ты мне помочь? — спросила Элен, стаскивая корзину со столешницы и передавая ему.

— Конечно, мам, — ухмыляясь, он подошел к ней, когда взял ручки корзинки в свои руки.

— Удержишь? — спросила она, готовая помочь ему, удобнее взять корзину, если потребуется.

— Да.

— Спасибо, медвежонок, — сказала она с нежной улыбкой. Элена повернулась к младшей сестренке Джареда, Кортни, и взяла за руку, а другой рукой бумажный пакет.

Папа Джареда, Нил, поднял с пола переносной холодильник и прижал его к животу.

— Все готовы? Мы должны поторопиться, если хотим занять хорошее место.

— Готовы, — сказали все почти в унисон.

Они вышли через входную дверь и уселись в старый минивэн мамы Эли. Все дети уселись на заднем сиденье, рука Джареда сильно прижалась к Эли.

— Рада? — спросил он, глядя на нее.

Она подпрыгивала от волнения.

— Обожаю фейерверки.

Джаред нежно улыбнулся:

— Я тоже Киса Эли. Я тоже.

Глава 14

Джаред

Сумерки распространились по всему двору. Оранжевые, красные и золотые лучи поднялись и пробились с дальнего края горизонта, растянувшись по небу, сталкиваясь с тускнеющим синим. Несколько ярких звезд начинали виднеться на чернильном небосводе.

Было очень жарко. По-настоящему, чертовски невыносимо жарко.

Пытаясь хоть как-то охладиться, я оттянул воротник своей футболки, прижимая к щеке холодную бутылку пива.

Голоса были слишком громкими и беззаботными, все смеялись и болтали. Непрерывный поток людей медленно, но верно заполнял задний двор дома Тимоти, больше, чем тот мог вместить.

Я спрятался в самом дальнем углу двора, и топил свой дискомфорт в бутылке пива, стараясь изо всех сил игнорировать постоянное желание сбежать. Мое подсознание подсказывало, что нужно поскорее собрать все свое дерьмо и свалить отсюда.

А сейчас оно просто кричало.

Встряхнув головой, я запустил руку в волосы и потер напряженные мышцы у основания шеи. Если еще есть место на этой земле, где я могу чувствовать себя комфортно — это определенно не здесь. Я находился на какой-то вечеринке с друзьями Эли и Кристофера. Казалось, что все друг друга знают. Все громко смеялись и разговаривали, будто знакомы много лет. Они познакомились с этими людьми после того, как я исчез из их жизни.

Но какого черта я не смог сказать «нет»? Я пытался отказаться, придумать оправдание, чтобы убедить Кристофера, что это плохая идея, но он настаивал.

А правда была в том, что я чертовски сильно скучал по ней. Так сильно, что это стало сокрушительной тяжестью для моего сердца и тяжким бременем для моих плеч.

Все казалось неправильным, но быть без нее, значит чувствовать себя не в своей тарелке. Две недели, которые я провел, скрываясь за ее дверью, были лучшими в моей жизни. Я практически чувствовал, будто нахожусь на своем месте.

Практически.

Это была проблема... настоящая. Мне было так комфортно, все ощущалось так непринужденно, и я позволил, чтобы так много глупых слов вылетело из моего рта.

Худшим было то, что мне довелось узнать, как это невероятно приятно, когда она лежит рядом.

Я хотел этого. Я нуждался в этом. И это было неправильно. Это было безумием и глупостью, все закутанное в одно — в чрезмерный эгоизм. Но я хотел ее. Боже, я хотел ее. Так сильно, что игнорировал свою совесть и пробирался в ее комнату каждую ночь, погружался в ее комфорт, и брал это все от девушки, которая была такой хорошей и доброй. Эли так радовалась, что я лежал в ее кровати, будто это было именно то место, где я должен был находиться. Она доверяла мне.

Мне стало интересно, что бы она подумала, если бы смогла заглянуть внутрь темных уголков моего разума, если бы она смогла стать свидетелем фантазий о ней, которые я скрываю. Если бы смогла увидеть, какой я на самом деле испорченный. Как я могу лежать рядом с ней и притворяться, что мы друзья, и в то же время слышать ее хриплый смех и представлять, как разложу ее на столе, и заберу все? Похороню себя в ней — в ее плоти, поту, сладости и каждой капельке удовольствия, которую знаю, что нашел бы в ее нежных прикосновениях. Я зашел так далеко, представляя точный путь ее губ и выражение, которое должно быть в ее ярких зеленых глазах.

Я встряхнул головой, прогоняя видения, вторгшиеся в мой разум.

Я разрушу её.

Осматривая двор, я сканировал группы друзей, кишаших в пространстве. Вода плескалась в бассейне и выливалась в разные стороны от движения тел, и это спасало от жары. Все были в купальниках, шортах и шлепках, а я сидел в джинсах и ботинках.

Меня не заботило мнение окружающих. Кристофер представил меня большей части, таская вокруг двора и расхваливая меня. Многие ребята наверняка были классными. У него, скорее всего, были собственные проблемы, но он определенно держал меня в неведении. Большинство людей смотрели на меня с безразличием или с легким интересом. Несколько девчонок подходили ко мне за последний час, но я продолжал сидеть в одиночестве. Ни одна из них не была причиной, по которой я подверг себя этой пытке.

Но я нашел ее в тени дерева. Она была в той же одежде, в которой я увидел ее в первую ночь: красная майка, зеленые бретельки ее бикини обвивали шею и коротенькие белые шортики. Девушка была олицетворением совершенства. Каждый сантиметр. Каждый изгиб. Она смеялась и разговаривала с Меган, одной из ее подруг, которую она представила мне ранее.

Я вглядывался в лицо Эли. Она наслаждалась заходом солнца с непринужденной легкостью. Возможно, именно это привлекало меня в ней больше всего, факт того, что она была искренней, без всей этой поверхностной фигни, которая была в большинстве девушек, заполняющих задний двор. Она была веселой, легко улыбалась. Не говоря уже, что она, несомненно, была самой сексуальной девушкой, которую я когда-либо видел.

Она откинула голову назад, когда засмеялась, выставляя напоказ свою сливочную шею. Темные волосы спадали над одним оголенным плечом и спускались вниз по спине.

Желание зародилось в моем животе и окрепло в моем подсознании.

Боже.

Я опустил взгляд на грязь под ногами.

Она забралась так глубоко мне под кожу, что я не мог ясно мыслить. По крайней мере, у меня есть силы остановить те мучительные ночи, потому что они нифига не хорошие. Что я должен сделать, чтобы это все закончилось? Собрать свои вещи и покинуть это место до того, как я почувствую неминуемую гибель. Я чувствовал, как это зарождается. Разрушение. Я никогда не убегу от этого. Это преследует меня, куда бы я ни пошел. Но последние две недели, пока я избегал ее, так долго, как только мог, и между тем желал быть рядом с ней — сделало невозможным мой уход.

Поэтому я должен держаться подальше.

Я снова посмотрел на нее, она не знала, что я был здесь, следил за ней сквозь свои пальцы, и ненавидел себя немного больше.

Я был худшим видом труса, потому что остался, когда знал, что должен уйти.

Хриплый смех разразился на весь двор, отчетливо напоминая о ее присутствии. Мои локти стояли на коленях, я слегка приподнял голову и бросил еще один взгляд в ее сторону. Из-под своей челки, я наблюдал за ней, болтающей с группой людей, которая разрасталась вокруг нее.

Мое внимание переключилось на одного парня, которого я никогда не видел прежде, он вошел через большие раздвижные двери. Я смотрел в ту сторону, когда этот мудака сзади подкрался к ней и, схватив, поднял ее.

Она выпустила маленький удивленный визг, а ее обнаженные ноги болтались в воздухе. Он засмеялся и что-то сказал ей на ушко. Кретин едва поставил ее на ноги, тут же повернул ее и задушил в своих чертовых объятиях.

Бессознательно мои руки сжались в кулаки, скрежет зубов отдавался в ушах. Что-то сжалось в груди, и это были самые, черт побери, неприятные ощущения, которые я когда-либо испытывал.

Кто, черт возьми, этот парень?

Ради меня... или него... она высвободилась из объятий, потому что я был близок к тому, чтобы потерять контроль.

Чертов Кристофер, заставляет меня пройти через это дерьмо. Я должен был понимать, что у Эли есть жизнь вне того времени, которое мы проводили в ее спальне.

Нуждаясь в передышке, я отвернулся и попытался сфокусироваться на чем-нибудь менее мучительном, чем сцена, которая развернулась передо мной. Во дворе я нашел Кристофера, присматривающегося к его новой цели — это маленькая брюнетка с большими сиськами и упругой задницей. Слабый смешок сорвался с моих губ. Он был неумолим. Я наблюдал, как он заигрывает с ней, пробегая своими пальцами по ее подбородку, заставляя ее улыбаться. Я вынужден признать, парень был хорош.

Но отвлечение не могло продолжаться вечно. Возясь с острыми краями от пивной крышки, я наконец-то собрался и вернул свое внимание назад к Эли. Этот мудака подошел к ней и прилип, как будто он какая-то дополнительная часть тела. Его пальцы скользили по ее спине. Даже с расстояния, я знал, что делали его руки.

Я допил остатки пива. Моя внутренняя система предупреждения, ревела. Настало время уйти. Мне не нужны, слоняющиеся вокруг, свидетели моего дерьма.

Встав, я бросил свою бутылку в переполненную урну и повернулся, чтобы уйти. Я замер, когда увидел Эли, которая прокладывала путь сквозь толпу ко мне. Что-то было в ее выражении, что-то абсолютно печальное, серьезное и слишком сексуальное, что вызывало у меня непреодолимое желание и раздражение. Моя челюсть напряглась, когда она подошла, и я захотел наброситься на нее, что было совершенно непривычно для меня.

— Привет, — сказала она, останавливаясь в футах от меня. Подняв подбородок, она всматривалась в мое лицо. Свет с крыльца отражался в ее изумрудных глазах. Дискомфорт сменялся теплом, она переминалась с ноги на ногу. Эли знала, что я наблюдал за ней.

— Что ты здесь делаешь, скрываясь ото всех?

Я хотел казаться отстраненным и безразлично пожал плечами.

— Ничего. Просто собираюсь уйти.

Разочарование мелькнуло в ее глазах.

— Что? — она медленно шагнула вперед, вторгаясь в мое личное пространство своим мягким ароматом кокоса, свежести и преимущественно девушки — все, от чего я пытался избавиться свой мозг последние две недели.

— Ты не можешь сейчас уйти, — утверждала она. — Фейерверк должен начаться через десять минут. Джаред, — ее голос был тихим. — Я хотела посмотреть его вместе с тобой. — Нежные руки поднялись и схватили мои. Практически шепотом, ее полные губы двигались медленно, когда она говорила, как будто это был наш самый большой секрет. — Это же наше любимое. Помнишь?

Черт.

От волнения я высвободил свои руки и провел ими по волосам, посмотрел за ее плечом на группу людей, в глаза кретина, который пялился на ее задницу.

Она, должно быть, видела, что я пытаюсь найти какое-нибудь оправдание, потому что неожиданно сжала мою руку.

— Пожалуйста, Джаред. Я знаю все, что происходит между нами это странно, но я действительно хочу провести эту ночь с тобой. Даже если это только ради былых времен. — Ее щеки покраснели, как будто ее выходка смущала ее. Но она продолжала говорить. — Это очень много значит для меня.

— Эли... — сказал я тихо на выдохе.

— Пожалуйста, — прошептала она. Затем улыбнулась и сделала шаг назад. — Позволь мне принести тебе еще бутылку пива.

Она не дождалась моего ответа, моего согласия, что я захочу остаться, потому что она всегда знала, что это так.

У нее всегда была такая власть надо мной? Блеск улыбки, движение ее руки, и девушка

получает все, что хочет? Воспоминания закружились в моей голове как вихрь, которым она была, маленькая девочка, которой стоит едва посмотреть на меня, и я уже знаю, что она хочет или что ей нужно. Мама однажды сказала мне, что Эли обводит меня вокруг своих маленьких пальчиков. Она ошибалась. Эли держит меня в своей ладони.

— Отлично, — пробормотал я, когда она отошла. Эли подошла к холодильнику, расположенному под патио. Поднимая крышку, она наклонилась вниз. Затем она закрыла ее, и что-то внутри меня вспорхнуло, когда она улыбнулась мне через двор, вернувшись в поле моего зрения. Открыла крышку и бросила ее в корзину, поманив меня пальчиком, чтобы я к ней присоединился.

Вздыхая, я сдался, потому что не имел никакого понятия, как сказать этой девчонке «нет».

Медленно, я пересек пространство, не поднимая взгляда, даже когда подошел, я просто взял предложенное пиво, которое она протянула мне.

— Спасибо, — сказал я.

— Пожалуйста, — она открыла свою бутылку и ударила своим горлышком о горлышко моей бутылки. — За былые времена.

Вздохнув, я засмеялся и сказал,

— За былые времена, — в тех временах была огромная часть меня, но не было и доли этих чувств. Тогда я не ощущал такого, будто хочу укутать ее и спрятать подальше ото всех. Это не заставляло мою кровь стучать в ушах или хотеть сбить эту довольную улыбку с лица кретина, когда он глазел на нее.

Хорошо, возможно, это не совсем правда.

Защищать ее — всегда было моей работой.

Но сейчас, это желание возникло по другой причине.

Он начал говорить с кем-то еще, но продолжал держать в поле зрения ее изящные передвижения, рассчитывал и прикидывал каждое свое движение, как бы оценивая, когда он сможет сделать свой ход.

Чувство собственности поднялось волной и разлилось по всему телу. Да, возможно, Эли была права. Я не должен был уходить. Это то место, где я должен быть.

— Иди сюда, я хочу, чтобы ты познакомился с моими друзьями, — Эли взяла меня за руку и подвела к группе людей, с которыми стояла прежде.

От ее прикосновения, жар прошел по моему телу.

Брови мудака поползли вверх, когда он увидел, что мы шли к нему, рука об руку. Эли представила меня нескольким друзьям, которые только что прибыли, нескольким девушкам, которые слишком сильно старались кокетничать, и какому-то чуваку по имени Сэм. Я едва замечал их, потому что чувствовал на себе пристальный, оценивающий взгляд мудака. Я чувствовал, как он рассматривал меня, критиковал, осуждал.

Ничто не злило меня больше, чем люди, делающие поспешные выводы, они не имели права

этого делать.

Эли повернулась к нему и представила нас.

— Гейб, это Джаред. Мы с ним вместе выросли и были лучшими друзьями.

Она нерешительно посмотрела на меня.

— Джаред, это Гейб.

Гейб. Конечно, мудака был Гейбом. Тот же самый парень, который попытался заставить ее приехать, чтобы «зависнуть» с ним посреди ночи.

Я протянул ему свою руку.

— Рад с тобой познакомиться, Гейб.

Он с силой пожал мою руку.

Предупреждение.

— Аналогично, — сказал он, грубым голосом.

Мне захотелось рассмеяться. Он, черт побери, издевался надо мной. Он предупреждал меня?

Смотря на него сверху вниз, я сжал его руку, обещая про себя, что сделаю все, чтобы защитить Эли. Защитить от него, от себя, от любого, кто хоть на минуту попробует подойти к ней. Ведь очевидно, что этот кретин не заслуживает ее, ничуть не больше, чем я. Я мог видеть это в нем, все было написано на его самодовольном лице, в его глазах, этот симпатичный парень был хорошим игроком. Прекрасно.

Непроизвольно моя рука сжала его, когда я представил их с Эли, и видения поплыли в моей голове, как какой-то чертов фильм ужасов, который ты на самом деле не хочешь смотреть, но не можешь оторвать взгляд, где кровь, кишки, и никто не останется в живых. Когда я был ребенком, такие фильмы всегда вызывали кошмары, до тех пор, пока причина моих кошмаров не стала реальной и совершенно невыносимой.

Когда подумал о ней с ним, я почувствовал себя почти так же.

Я отошел от него, и Эли снова взяла мою руку.

— Пойдем, найдем хорошее место, чтобы посмотреть фейерверк.

Её голос прогнал плохие мысли, я повернулся и нежно ей улыбнулся, игнорируя парня, который с явной ненавистью прожигал мне затылок.

Вместо этого я сфокусировался на ее словах, которые звучали так чертовски мило, как раньше, когда мы сломя голову искали лучшее место в парке. Мы были так близко, что каждый грохот от фейерверка проходил через наши тела, и мы пытались увернуться от кусочков пепла, которые падали с неба.

Она привела меня на лежак, который находился на открытом пространстве. Толкнув меня в бок, усмехнулась.

— Садись.

Подняв брови, я ухмыльнулся, но сделал, как мне сказали. Я сел сбоку, ноги оставил на земле. Эли устроилась на траве и инстинктивно мои колени раздвинулись, освобождая место для нее. Она расположилась между моих ног, потом немного придвинулась и положила голову на внутреннюю сторону моего бедра. Затем она выпустила хриплый вздох, как будто это единственное место, где ей бы хотелось сейчас быть, и шёпотом сказала:

— Я так рада, что ты здесь, Джаред.

Желание стремительно пронеслось по каждому сантиметру моей кожи и отдалось внизу живота. Я ничего не мог сделать, чтобы как-то это остановить, я сразу стал твердым, от ее прикосновения, от хриплого вздоха, от запаха ее волос, который окончательно запечатлелся в моей голове.

Ночь опускалась, распространяясь по небу, и темнота укутала Эли и меня в кокон. Жара пошла на спад, тепло дня начало рассеиваться в ночи.

Многие во дворе успокоились и уселись на свои места, ожидая шоу, которое должно вот-вот начаться. Все вокруг погружалось во мрак, и в тот момент остались только мы вдвоем.

С первым взрывом Эли подпрыгнула. Одинокое гроыхание дошло до поверхности земли, вибрируя под ногами, и долгий свист раздался после взрыва цветов в небе.

Она тихо вздохнула, как делала это раньше. Прекрасные воспоминания, внезапно всплыли в моей голове. Как кончики ее нежных пальчиков взлетели ко рту, наблюдая с восторгом.

Я был бессильным и не понимал, что делаю, запутывая пальцы в ее волосах, привязывая себя к ней еще больше, даже если это был всего лишь на миг. Я не мог оторвать себя от нее и отпустить — это было невозможно.

Красные, голубые, белые линии струились по небу, освещая тьму над нами, увеличивая напряжение, затем падали до появления новой волны.

Кровь неслась по моим венам. Так много времени прошло с тех пор, как я был так близок с кем-то. Часть меня боролась с этим, зная, что я должен оттолкнуть ее. Но большая часть меня хотела остаться, даже если это на какое-то время. Я был одинок так долго. Это было неправильным, хранить все эти воспоминания, удерживать где-то, пока я превращался в ничтожество.

Пошевелившись, Эли прижалась ближе ко мне. Ее тело горело, как и мое, голова вжалась в мое бедро. Она запрокинула голову и посмотрела на меня задумчивым взглядом, с добротой, с жаждой, с тем как все было раньше и с тем, чего никогда не будет.

Я смотрел на нее.

И я знал, что это неправильно, что только ухудшаю положение, продлеваю неизбежное, но сейчас мне все равно.

Задумчивая улыбка коснулась ее губ, до того как она повернулась обратно к шоу. Она прижалась ближе, плечо опустилось под мою ногу, так что шея расположилась на моем бедре. Ее рука слегка коснулась моего колена и спустилась ниже по ноге, потом она обвила руку вокруг моей голени. Она сжала ее сильнее, а мои пальцы нашли путь к ее затылку, закручивая

шикарные волосы и щекоча кожу. Маленький стон сорвался с ее губ, когда я стал массировать пальцами основание шеи, пробегая к ушам и обратно вниз.

Как будто это не было так мучительно, хотеть больше всего на свете, то, что сейчас в моих руках и знать, что она находится в полной недосыгаемости.

Неприкасаемая.

Но сейчас она была моей. Поэтому я сдался и взял немного больше, наклонился вперед и зарылся носом в ее волосах, с чертовски изумительным запахом кокоса. Вдохнул жизнь, совершенство и все, что было в Эли.

Я хотел запомнить.

Ее пальчики сжались на моей ноге, отчаянно умоляя так же, как и мое тело молило о ее, оно было напряжено и измотано. Мне было больно, но я нуждался в этом и чувствовал, что еще чуть-чуть и потеряю рассудок.

Фейерверк заполнял небо, постоянный шквал освещал ночь. Я их больше чувствовал, нежели видел, они связывались с напряжением, исходившим от Эли; ощущения которые я никогда не испытывал, пробежали по моим венам. Над головой ожили последние залпы, проскользнули под мою кожу, заставляя ее гореть.

Я крепче обнял ее, мой нос оказался за ее ухом, я хотел взять от нее все.

— Эли, — прошептал я

Озноб прошел по ее спине, ощутимой волной.

Фейерверк выстреливал и трескался, стремительно сменяя залпы и потоки огня, крики «ура!» разразились по переполненному двору.

Кто-то позади нас свистел и хлопал, и буквально на секунду, я сжал Эли крепче.

Последний фейерверк мигнул над темнотой, прорезая небо. Огни патио включились. Люди поднялись и, болтая, начали расходиться.

Этого было достаточно, чтобы чары Эли распались. Я сел назад, когда она разомкнула свои пальчики. Выпрямляясь, она устала вперед, пораженная не меньше меня, а я старался восстановить хоть какое-то хладнокровие.

Так как внутри я был разбит вдребезги.

Мне пришлось удерживать себя, чтобы не подпрыгнуть, когда увидел, что Меган стоит перед нами и протягивает руку Эли. Вопросы были написаны на ее лице, взгляд метался между нами с Эли. Прежде чем спросить, она заколебалась:

— Не хочешь пойти поплавать со мной?

Замешательство появилось на лице Эли, сковывая движения, прежде чем она приняла руку подруги.

— Конечно.

Меган потянула Эли, помогая встать, хотя ее взгляд был прикован ко мне.

Эли отряхнула свои шорты, потом она посмотрела на меня, и я увидел в ее взгляде настороженность. В ее глазах застыл вопрос.

Что это такое?

Я моргнул в тусклом свете, потому что уже ничего не понимал. Когда она ушла, я почувствовал, как будто от меня что-то оторвали.

Эли шла за Меган по краю бассейна. Друзья Меган потянули ее за сарафан и, смеясь, она прыгнула в бассейн. Её голова торчала из воды.

— Ты собираешься залезать или как? — зазывала она Эли.

— Да, да... — Нервный смех вырвался изо рта Эли. — Ты же знаешь, мне нужно немного времени.

Меган засмеялась.

— Ты как ребенок. Давай залезай.

Я чувствовал себя придурком, потому что не смог отвести взгляд, когда пальчики Эли схватили край майки и стянули ее, показывая кремовую кожу. Я наблюдал, как она расстегнула шорты, давая им возможность скользнуть на землю. Переступила через них и носком отбросила в сторону.

Черт.

Эли была... невероятной. С красивыми изгибами, стройной, гибкой, и в то же время сильной, изящной, как картинка, дух захватывало только оттого, что я смотрел на нее.

Она обмакнула пальчики в воде, и длинные ноги медленно начали погружаться по ступенькам в бассейн. Вода, выглядела темной, и только свет, переливаясь, отражался рябью. Длинные волосы Эли казались черными, когда она погрузилась в воду. Разговаривая со своими друзьями, голос ее был мягким, Меган слегка обрызгала ее, и Эли ответила тем же.

Было мило смотреть, как эти двое понимают друг друга. Эли говорила мне про нее несколько раз, и это здорово, наконец, встретить девушку, которую так любила Эли.

Потом кретин начал двигаться в их сторону. Он прыгнул в бассейн и погрузил Эли под воду. Секунду спустя, она выпрыгнула из воды, отбрасывая волосы с лица.

— Гейб! — закричала она и ударила его по плечу, а он рассмеялся. — Ты такой козел.

Он пихнул ее и дернул за мокрые волосы, которые запутались на ее спине, и я мог чувствовать, как он заявляет на нее свои права. Она пихнула его в отместку.

Ненависть вскипела во мне и каждый мускул моего тела напрягся.

Если через десять секунд этот мудака не перестанет трогать ее, я разорву его на куски.

Худшим было то, что с ним она была игривой и легкой.

«Мы общаемся пару месяцев. Он мне нравится, мне с ним хорошо».

Вот чем она довольствуется? Ей «хорошо»?

Она плескалась с ним и Меган, смеялась, в то время как я сгорал изнутри. Мои руки сжались в кулаки. Я хотел вырвать свои глаза, потому что не мог отвести взгляд.

Она хоть представляет себе, что делает со мной?

Я знаю, что именно я был тем, кто начал эту игру, сказав, что чтобы не случилось между нами – закончится, хотя мы и обозначили это как дружбу. Мы сами попались в эту ловушку, глупцы. Мы знали, что все становится намного глубже, чем дружба, для этого были основания.

Вздыхнув, смешок сорвался с моих губ. И кто теперь дурак? Я сижу здесь и чувствую, как теряю свой разум из-за чертовщины, которая произошла между нами во время фейерверка, наблюдаю за ней с ним, и чувствую, как будто кто-то ударил меня в живот.

Что она значит для меня?

Черт. Я вцепился в свои волосы, желая закричать, что она нужна мне, потому что никто не знает меня как она. Только Эли смогла найти способ проникнуть мне под кожу. Сделала это так легко. Сейчас я ненавижу ее за это.

Гейб нырнул под воду и появился перед ней. Он двигался, дразня оттащить ее в сторону, приблизился к ней так, будто знал ее.

Злость бушевала во мне, просилась обрушить ее на лицо придурка, потому что я не мог стоять и смотреть на него, находящегося так близко к ней. Драки всегда были освобождением. Здесь было по-другому, но было необходимо.

Ревность разрывала меня на части, и мои ноги подняли меня до того, как я осознал, что делаю. Я остановился, когда увидел, как Эли пробормотала ему что-то и исчезла под водой. Она появилась у ступенек и начала подниматься. Вода стекала по всему ее телу. Она схватила свои вещи с земли и завернулась в полотенце. Осторожно взглянула на меня с печалью в глазах и направилась внутрь, как будто знала, как пыталась меня последние десять минут.

Это было чертовски жестоко, и она даже не представляла, как сильно задела меня.

Я наблюдал, как она уходила через раздвижную дверь.

О чем я думал, когда позволял моим ногам двигаться? Но они двигались, мои тяжелые шаги проходили через лужайку и группу людей, собравшихся в круг у патио.

Сохраняя дистанцию, я проследовал за ней внутрь. Музыка гремела из гостиной, свет был приглушенным, комната была забита людьми. Лица и тела двигались, но я не хотел принимать в этом участие.

Я просто хотел Эли.

Потребность в ней — ослепляла, это все, что я мог видеть.

Когда я нашел ее голову в толпе, она повернулась и умчалась по коридору, исчезая за дверью справа. Последовав за ней, я остановился перед закрытой дверью. Расхаживая в темноте, я испытывал возбуждение, которое не сравнится ни с чем. Я знал, это была она, ей удалось

разблокировать что-то внутри меня, что никогда не должно было быть выпущено. За дверью бежала вода, и слышался шорох одежды.

Все, о чем я думал — это Эли за дверью, с мокрым телом и печальными глазами. Все что я мог — это сконцентрироваться на бушующем сердце и безумстве, которое пронеслось через мой разум, благодаря ей.

Дверь открылась, и Эли выпрямилась от шока, когда увидела меня. Смущенная улыбка появилась на ее губах, и она прошептала:

— Джаред... — мое имя замерло на ее губах, она не понимала выражение моего лица. Переминаясь с ноги на ногу, она моргнула, и сомнение появилось в ее зеленых глазах.

Контроль ускользал от меня, глядя на эту девушку.

Это было глупо, так глупо и эгоистично, но я не смог устоять. Я приподнял ее за талию, развернул и прижал бедрами к противоположной стене.

Эли ахнула.

Как я и представлял это, увидев ее в первый раз месяц назад, эти прекрасные ноги обернулись вокруг моей талии. Мой нос пробежался по ее подбородку и зарылся в выемке ее шеи. Я громко застонал, потому что даже через одежду, я никогда не чувствовал ничего более прекрасного, чем тело Эли прижатое к моему.

Она застонала и запустила пальцы в мои волосы.

Я провел ладонью по ее бедру, и мое сердце забилось так чертовски сильно, что я был уверен — оно выпрыгнет из груди.

Мой рот нашел ее, жестко и требовательно. Ее губы были мягкими и податливыми. Я углубил поцелуй, потому что знал, что нуждался в ней. Желание росло, разливалось, и каждый сантиметр моего тела стал твердым. Оборвав вздох, я прошептал ее имя.

— Джаред, — вырвалось из ее рта. Восхитительные глаза смотрели на меня, когда она посасывала мою нижнюю губу. Ее нежный язык дразнил мою кожу. Вернувшись к поцелую, я накрыл ее рот своим.

Она подтянула свои ноги на моей талии, от нее исходило отчаяние, она попыталась притянуть меня ближе, голод был в ее глазах, а нетерпение в прикосновениях.

— Джаред... пожалуйста.

Ее пальцы сжали мои плечи.

Голова закружилась, пульс подскочил, и я отчаянно жаждал каждый сантиметр ее тела. Я был крайне возбужден, моим чувствам требовалась перезагрузка — я был переполнен — все вокруг ускорялось, замедлялось и усиливалось.

Реальность обрушилась на меня.

Нет.

Я оторвал свой рот от нее, тяжело дыша, обезумевшие глаза бродили по ее лицу.

Она вжимала свои пальцы в мою кожу, умоляя.

Нет.

Я отстранился, освобождая ее ноги. Они затряслись, когда коснулись пола.

Я поддержал ее, потом положил руки ей на плечи и заставил себя отойти.

Её пальцы взлетели к губам, как это было после первого взрыва фейерверка в небе.

— Джаред? — прошептала она в темноту холла.

— Дерьмо! — пробормотал я.

Был огромный соблазн вернуться к девчонке, которая имела столько власти надо мной и затмила мой разум.

Я не заслуживаю ее.

Я никогда не заслужу, и неважно насколько сильно она нужна мне.

Боль сломала ее пополам, настолько сильная, что она обхватила себя руками, защищаясь.

Что я наделал?

— Мне так жаль, Эли, — отступая, я покачал головой.

Повернувшись, я бросился вниз по коридору, проталкиваясь через толпу тел, и вырвался к входной двери, задыхаясь от горячего ночного воздуха.

Боль ударила со всей силы, так явно, что если я закрою глаза, то проживу все это снова, день, когда я разрушил все, день, когда она умерла, и забрала мою душу с собой.

Я не заслужил этого.

Следующей ночью в 23.17, я вставил ключ в замок и повернул его. Я не был в квартире с прошлого вечера. Было невыносимо видеть ее после всего, что сделал, и я знал, что надо делать. Другого пути нет. Я, бл*дь, все время так делаю, и теперь пришло время платить.

Невыносимая боль бушевала в моей груди, когда я стоял за дверью, и слабый свет пробивался под ней. Освещение исходило от маленькой лампочки над плитой в кухне. Это был последний раз, когда я туда заходил.

И честно сказать, мне было чертовски грустно, потому как последний месяц я чувствовал, будто не просто существую, а живу ради какой-то цели.

Все что я делал — это обманывал себя, и всегда знал, что приду к этому.

Это было очень больно, потому что я буду скучать по ней.

Закрыв дверь, я ощутил тишину в пустой комнате. В конце коридора была пустая комната Кристофера с открытой дверью. И только звуки проносились через тонкие стены из ванной Эли. Шум душа, говорил, что она стоит под парами воды.

Я потерял грудь от болезненных ощущений. Мда. Это невероятно, как сильно я буду скучать по ней.

Я не переставал задаваться вопросом, о чем она думает. Обиделась ли она, после того что я сделал? После того, как я оставил ее смущенной? Использованной? Потому что так и должно быть.

Моя потребность чувствовать ее рядом, заполняла чертову пустоту в груди, как только она вошла в нее. Мой самообман на пару секунд — это норма.

Но это была Эли. Моя Эли. И я использовал ее, потому что хотел так сильно, и ничего не ощущалось так приятно, как она. Ее присутствие было бальзамом успокоения в невыносимой ночи.

И как ублюдок, я брал это от нее.

Я закрыл руками глаза. Дерьмо. Я всегда только беру, бл*дь.

Вина поглощала меня всю ночь и день. Я не должен был трогать ее, а она меня. Память о ее поцелуях сохранилась на моих губах.

Непреодолимо. Пьяняще. Это слишком.

Худшая часть меня хотела большего. Я должен убраться из квартиры, из города, до того как это дерьмо обрушится на нас, до того как мы взорвемся, и от нас ничего не останется.

Вода перестала литься, когда ее выключили, и заскрипели металлические кольца занавески.

Слава Богу, Кристофера не было дома. Я не уверен, что смог бы спокойно сидеть рядом с ним, притворяясь, что все нормально после всего дерьма, что произошло. Когда я прижал его маленькую сестренку к стене, и мои руки были на ней. Он, должно быть, убьет меня, если узнает, что было прошлой ночью, и это будет правильно. Я надеялся, что будет. Я это заслуживал.

Я должен извиниться перед ней сейчас, попытаться объяснить свою позицию.

Самой сложной частью было, что ни одна причина или объяснение не подходило к тому, что было между нами. Я тяжело вздохнул, через сжатые губы и запихнул свои опасные мысли подальше. Без сомнения — это невозможно, я только все порчу.

Я должен извиниться, это лучшее, что можно сделать. Пообещать ей собрать свое дерьмо, и больше она никогда не увидит мою задницу вновь.

Шорох доносился из ее ванной комнаты. Ящики открывались и закрывались, хлопнула дверца шкафа. Я представил, как она стоит перед зеркалом, вытирается, затем проскальзывает в свои пижамные шортики, которые постоянно носит. Насколько правильно было то, что я надеялся на это? Что больше всего я хотел еще раз взглянуть на Эли?

Это будет последнее, что я возьму с собой — память о ее милом лице и теле. Комбинация из двух вещей, которые делают ее опасной для меня, и я должен положить этому конец.

Я остановился перед дверью в ванную и прижался к ней лбом, слушал едва уловимые движения с другой стороны, и желал, чтобы все было по-другому, не так как сейчас.

То, что я собирался сделать, будет хуже, чем любое сознательное решение, которое я когда-либо делал.

Я хотел смеяться, потому что внезапно вспомнил фразы, которые они использовали, между занятиями, когда я находился в колонии для несовершеннолетних, куда они отправляли всех наркоманов. Я подумал обо всей этой чуши, ведь они не знали меня. Они говорили о выводах, которые мы должны сделать после этого опыта, что нам будет легче это сделать, пока мы в тюрьме, подальше от всех соблазнов. Они предупреждали нас, что когда мы выйдем на свободу, мы должны быть осторожны, твердо стоять на ногах, вести себя безупречно, держать «спусковой крючок» под контролем.

Две недели назад, я принял решение подпустить свой «спусковой крючок» слишком близко. Эли была великолепным соблазном, поэтому я принял решение притвориться, что убрать себя из ее комнаты будет достаточно. Видеть ее каждый день изматывало меня. Я должен был знать, что могу ускользнуть.

Я был атакован фантазиями. Эли прижата к стене моими бедрами, я чувствовал ее тело и вкус ее кожи.

Я ускользнул, все хорошо.

Провалился.

Я выдохнул, развернулся, пересек коридор и вошел в тишину ее комнаты. Я не понимал, какого черта делал, когда вошел без ее разрешения, но чувствовал, что это прощание должно произойти здесь. В месте, где она так глубоко затронула меня. Свет был выключен, жалюзи натянуты, и освещение со стоянки рассеивалось по полу.

Её кровать была как после борьбы, простыни смяты, и я представил, как она прошлой ночью ворочалась, не могла уснуть, желая меня.

И я понимал, что она хотела меня. Чувствовал это по ее прикосновениям. Она хотела меня так же сильно, как я ее.

Эти простыни выглядели так чертовки манящими. Они призывали схватить их, прижать к носу, вдохнуть все, пока я не ушел.

Ага, было бы очень умно не приближаться к ее постели.

Я вытащил стул из-под ее туалетного столика и повернул к комнате. Затем осторожно сел на тяжелый, деревянный стул. Я нервничал, находясь в ее пространстве, дергал край футболки. Все здесь напоминало Эли. Комфорт. Правильность.

Один из ее альбомов с эскизами лежал на полу. Боже, я так сильно хотел знать, что хранится внутри, чтобы проникнуть в ее голову, мельком увидеть ее душу. Я мог так легко пересечь ее комнату и посмотреть, что там, но инстинктивно понимал, что бы там ни было — это личное, как и мои слова в дневнике. Я все еще находился в шоке от своего импульса, что разрешил ей слегка заглянуть в меня, оставив слова на ее подушке. Мне хотелось показать ей, что я не чувствовал радости, но все еще видел красоту. Та ночь, когда я лежал без сна, а она спала в моих объятиях, все, что я мог видеть — это красоту.

Я оторвал свое внимание от альбома, потому что уважал ее личную жизнь, и мои глаза начали разглядывать книжные полки, фотографии на ее стенах, напоминая, что это ее комната.

Если б я смог когда-нибудь все это забыть.

Волнение отдалось в моих коленях, с каждой секундой становясь все мучительней. Я не знал, что должен сказать ей, чтобы не быть трусом и исчезнуть без объяснений. Даже если прощание, убьет меня.

Я замер, когда услышал, как дверь ванной открылась.

Вот оно.

Ручка в ее комнату скрипнула, начала поворачиваться и в поле моего зрения появилась Эли, я тяжело сглотнул. Она открыла дверь. Прошла вперед, но увидев меня, сидящего в тени, отступила назад. Ее волосы были мокрыми, и очевидно, что их расчесали. Длинные, глубоко черного цвета, беспорядочные локоны прилипли к ее плечам. На ней те же крошечные розовые шорты, которые оголяли ее длинные ноги, и соответствующая майка, через которую открывался прекрасный вид на ее полную грудь.

Я мгновенно стал твердым.

Быстро вскочив, я боролся с сильным желанием сбежать или, возможно, повторить прошлую ночь.

Чертов спусковой крючок.

Дрожащей рукой я взъерошил свой волос, а Эли остановилась в дверях как вкопанная. Я не мог сказать, была ли она зла, спокойна или смущена. Обеспокоенные зеленые глаза пробежались по моему лицу, выискивая какую-нибудь подсказку.

Моя челюсть тряслась, а она просто смотрела на меня.

Какого черта я должен сказать, когда она стоит и так смотрит на меня? Ее грудь поднималась, дыхание участилось, глаза полны удивления, рот приоткрылся.

— Джаред, — наконец то, очень тихо произнесла она.

Это прозвучало как утверждение или, возможно, как вопрос.

Она удивилась, то ли тому, что я вернулся, то ли, что я сейчас здесь. О боже, я не хотел уходить.

Её взгляд смягчился, но выражение лица оставалось напряженным, подбородок поднялся, она шагнула вперед и ухватила за дверь. Потянулась за нее, вслепую повернув замок. Маленький щелчок оглушительно прозвучал в тишине комнаты, как очевидное предупреждение, что побега сегодня не будет.

Но побег, это определенно то, что сейчас нужно.

Эли направила всю силу своего взгляда на меня, напряжение приковало меня к тяжелому деревянному стулу.

Я чувствовал себя не в своей тарелке, не мог найти слов, потому что не хотел ничего говорить. Все что я хотел — это остаться. Наклоняясь вперед, оперся локтями на ноги, и переплел пальцы, опустив голову, пока собирался с мыслями. Затем поднял лицо и посмотрел на нее.

— Эли, мне так жаль, — прошептал я.

— Ты уезжаешь, — сказала она, это не был вопрос, скорее обвинение.

Выпрямляясь, я застонал и потер ладонями лицо, бросил руки обратно на колени и посмотрел на нее.

— Что еще я могу сделать? Эли, мне так жаль. Я так чертовски сожалею. Не знаю, что нашло на меня прошлой ночью...

Это все нахлынуло на меня, слова устремились, но так и не вышли из моего рта. Я должен был их сказать, чтобы уйти. Не мог быть так близко к ней, ее аромат, улыбка и вся Эли — это была единственной в мире, которую я хотел.

— То есть, черт, я не знаю. Я так взбесился, потому что этот кретин все время тебя трогал. — Резко пробежал руками по голове, вниз к шее, надеясь, что это успокоит мои чувства, которые начинали вновь бурлить. К ней у меня были собственнические чувства, как яд, который я должен как-то вывести.

— Я лишился рассудка, и я все испортил. Мне так жаль, Эли, что я все разрушил, но я предупреждал, что могу.

Моя голова наклонилась набок, глаза смотрели в упор на нее, я хотел, чтобы она поняла.

— Я говорил тебе, что ты будешь сожалеть, знал, это случится...

Мои слова застыли на языке, когда выражение ее лица изменилось на что-то, что я не мог разобрать. Мне хотелось, чтобы она злилась на меня, но вместо этого она смотрела так, как я делал это последний месяц. Взгляд нежный, губы приоткрылись, и что-то произошло и высосало весь воздух из комнаты.

— Эли... — я прерывисто дышал.

Не надо.

Я покачал головой.

Медленно Эли начала приближаться, а я вжался в стул, мои колени громко подпрыгнули, когда она застенчиво двигалась передо мной. Движения были медленными, гипнотизирующими, и я не мог перестать смотреть на ее ноги. Мой взгляд опустился к ее рукам. Она провела большими пальцами по кончикам остальных, пытаясь найти, возможно, уверенность. Мой взгляд дернулся, чтобы встретиться с ее. Цвет, который я не понимал, затемнил ее глаза. Глядя в сторону, она пересекла комнату, и моя голова продолжила наклоняться назад, смотреть на нее, я потерялся в этом месте, где точно знаю, что не должен быть.

Она остановилась в сантиметре от меня.

Мои руки слабо упали по сторонам.

Все становилось сложным. Мои пальцы дернулись, и я заставил себя вдохнуть и выдохнуть.

Я клянусь, что слышал биение сердца Эли, когда она остановилась в сантиметре, застыв в сомнении. Моргнув, она поежилась, а потом решительно посмотрела на меня.

— Джаред, я не хочу, чтобы ты уезжал.

— Эли... я...

Что я должен был сказать? Потому что я не хотел уезжать.

Но должен.

Стирая последнее пространство между нами, Эли позволила дотронуться моим коленям до ее ног и застонала, как если бы контакт опалил ее. Она дрогнула, потом протянула руку, чтобы пробежаться тыльной стороной ладони по моему лицу, соблазняя меня.

Я перестал дышать, когда она медленно села на мои колени.

— Пожалуйста... не оставляй меня, — прошептала она около моего уха.

Черт.

Это было плохо, действительно чертовски плохо. И я знал, что должен оттолкнуть ее, заставить остановиться, потому что ее действия подводили нас ближе к грани. Она схватилась руками за спинку стула, позади меня, ее теплое тело вжималось в моё. Не было никакого шанса, что она не почувствовала, как сильно я ее хотел.

— Эли, что ты делаешь?

Мои руки потянулись к ее стройным бедрам с намерением снять ее с моих коленей. Но вместо этого мои пальцы погрузились в ее мягкую кожу.

Дрожь пробежала по моему позвоночнику, когда она вздрогнула.

Облизнув свои губы, я попытался отодвинуть ее назад, но удалось только придвинуть еще сильнее. Выражение ее лица было решительным, но мягким, движения робкие, но точные. Она рассматривала мое лицо, ее взгляд выжигал тропинку, оставляя меня уязвимым. Я мог вдохнуть ее запах, вспомнить какая она на вкус, как она ощущается, переполняя все мои чувства. Ей даже не надо двигаться, потому как она все равно затрагивает меня везде.

— Ты хотел поцеловать меня прошлой ночью? — сглотнув, наконец, спросила она.

— Эли, прошлая ночь была ошибкой, я...

Её руки погладили мое лицо и задержались, заставляя меня смотреть на нее.

— Я не спрашиваю, была ошибкой или нет. Я спрашиваю, хотел ли ты?

Разочарованный звук сам вырвался из моего горла, я сдвинулся, что только приблизило ее. Да, знаю, это не то, что я должен был делать, но ничего в мире не имело значения, только то, как она ощущалась, прижатая ко мне. Мои пальцы двигались дальше к ее бедрам, мы были нос к носу, руки Эли решительно удерживали мое лицо. Я понял, что мы двигаемся, наши тела слегка покачивались.

Я застонал.

— Эли, я хотел поцеловать тебя каждую минуту каждого дня, с того момента как открыл глаза и увидел, как ты стоишь надо мной. Но я не должен хотеть этого. Я всегда говорил тебе... ты

заслуживаешь кого-то, кто сможет полюбить тебя, кого-то, кто будет достоин тебя, и ты знаешь — это не я. — Мой голос дрогнул.

Я надеялся, что она слушала причины, но вместо этого она вжала свою грудь в мою и откинула голову в сторону. Ее рот настойчиво прижался к моей шее, и она поцеловала чувствительное место под моей челюстью, это чуть не заставило меня выпрыгнуть из кожи, потому что ощущалось чертовски приятно. Она посасывала, двигалась, трогала и... черт.

Продвигаясь вверх по моей шее, она поцеловала всю челюсть и подняла свои мягкие губы к моим.

— Тогда скажи мне, что не хочешь меня, — прошептала она.

Удовольствие вспыхнуло в моем теле, когда она прикасалась ко мне. Рычание зародилось в моей груди и начало подниматься вверх по горлу.

— Эли...

Она сделала это снова, удерживала меня, как будто от этого зависела ее жизнь.

— Я сказала... скажи мне, что ты не хочешь меня.

— Ты знаешь, что это будет ложью.

Мои веки закрылись, признавая то, что я не должен был говорить.

— Господи, я так сильно хочу тебя, Эли. Так сильно.

Я мог чувствовать страсть в ее прикосновениях, медленно ее руки скользнули вниз к моей груди и дальше к моему животу. Зеленые глаза не отпускали мои, когда она слегка отодвинулась назад и схватила низ майки. Медленно стянула ее, сантиметр за мучительным сантиметром. И я замер, все кроме моих глаз, которые следили за ее движениями, уставились на превосходное тело, которое она открыла.

Эли не носила лифчик, и где-то в подсознании — я знал это, но... это шокировало, даже очень. Я сделал вздох, потому что не имел понятия, как смогу избавиться от этого.

Да, я и не хотел.

Волосы Эли рассыпались в беспорядке вокруг ее плеч, когда она подняла майку над головой и бросила на пол.

Я задрожал, мое тело потеряло контроль, все внимание металось между ее лицом и полной грудью.

Какого черта она делает со мной? Это было очень жестоко заставлять меня смотреть на нее плескающуюся с придурком в этом чертовом бассейне. Хотя ничего не было бездушным в ее движениях, ничего не означало предательства, и сегодня это было ясно, что одна и та же потребность блуждала в ней и во мне.

— Дотронься до меня, — скомандовала она, тихим голосом.

И это было как-то требовательно, но со скрытой застенчивостью, что только подтверждало ее совершенство, которое я обнаружил в ней.

— Эли... черт... ты должна остановиться.

— Пожалуйста, — просила она.

Мои пальцы устремились дальше по ее бедрам, Эли оперлась руками о мои плечи. Это девчонка была настолько великолепной, ее кожа кремового цвета, казалось, сияла в тусклом свете. Такая мягкая. Идеальная.

Мои пальцы двигались, медленно скользили с каждой стороны, слегка надавливая между ее ребрами.

— Элина, — ее имя как молитва, тихо выскользнуло из моего рта.

От моих прикосновений по ее коже побежали мурашки, а розовые соски напряглись. Голова наклонилась в сторону, судорожно дыша, темные волосы падали на плечи и тихое хныканье слышалось с ее дрожащих губ.

— Эли, я...

Я смотрел на нее и не мог понять, как она может хотеть отдаться такому как я.

— Тссс, — просила она. — Нет, Джаред. Ты мне нужен... я хочу тебя. Мне все равно, что творится за моей дверью. Здесь, только ты и я.

Нежные пальцы пробежались вниз к моей груди, дразнили по краю футболки. Теплые ладони прижались к моей обнаженной коже, и она медленно скользнула к моему животу, поднимая футболку, вжимаясь сильнее ладонями в мои ребра. Она широко развела пальцы, когда двинулась к моим плечам.

Я был бессилен и отдал ей контроль. Я сдался, поднял руки, чтобы она могла стянуть мою футболку и бросить ее на пол к своей.

Эли отклонилась, захватив меня с собой. Она видела меня без футболки раньше, и я разрешал ей трогать себя. Но никогда в своей жизни, не чувствовал себя таким обнаженным, как сейчас. Ее пальчики спустилось вдоль рисунков моих грехов, лаская каждую ошибку, которую я сделал, как будто она нашла какую-то красоту в них. Она изучала, ласкала грудь, поднимаясь обратно к моим плечам.

Она должна была оттолкнуть меня, потому что каждый раз, когда я смотрел на себя в зеркало, я хотел сделать это.

Она пристально смотрела на меня, прикоснулась, будто действительно осознавала, что не ублажает меня из жалости. Она наклонилась и поцеловала увядающую розу на моей груди.

Дрожь пробежала по телу.

Я знал, это не было притворством. Я это чувствовал. Эли понимала меня.

И снова я подумал, что возможно, мы подходим друг другу. Она такая чертовски идеальная, хорошая, красивая, а я испорченный, грязный, злой и, возможно, если свести двух противоположных людей вместе, то что-то и получится.

Это только болезненное заблуждение. Но сейчас — мне все равно. Я буду счастлив, умереть в этом обмане.

— Ты такой красивый, — пробормотала Эли.

Она потянулась к моему лицу, и в ее словах была искренность, я знал — она будет счастлива, жить в этой иллюзии.

Встав со стула, я обнял ее руками за талию и поднял. Эли тут же обняла своими ногами мои бедра, вглядываясь в меня, и я поцеловал ее, пока нес к кровати. Она взяла мое лицо в ладони, улыбнулась напротив моих губ, страстно поцеловала, затем легкими, как перышко поцелуями прошлась по моему подбородку, щекам, носу.

Что-то большее, чем наслаждение, поднялось внутри и снова толкнуло меня в ребра.

Еще один обман, но я принял его.

Потому что прямо сейчас, принять — было правильно.

Я осторожно усадил ее на скрученные простыни, освободился из ее хватки на моей шее и талии. Вставал и посмотрел на девушку, от которой нужно было бежать.

Она лежала на кровати, и на ней были только крошечные пижамные шортики, ровные ноги были согнуты в коленях и раздвинуты. Ее грудь вздымалась, когда она смотрела на меня. Слабая улыбка тронула ее губы, пока она продолжала изучать каждый сантиметр моего тела.

Впервые за долгие годы, я ничего не имел против.

— Джаред, пожалуйста, — сказала она. Она взмахнула рукой, призывая меня присоединиться к ней.

Я наклонился и расшнуровал свои ботинки, наблюдая за ней, а она за мной. Отпихнул их и медленно начал расстегивать пуговицу на своих джинсах.

Часть меня молилась, чтобы она остановила меня, чтобы осознала реальность и увидела меня настоящего. Остальная часть кричала. Я чувствовал, как она погружается мне под кожу, скользит по венам, удерживает.

Мгновенно страх пронзил мое сердце.

Нет. Я не должен получить это.

Я задвинул чувства подальше.

Стянул джинсы, отбросил их в сторону и в одних трусах опустился на край кровати, впитывая каждый сантиметр девушки, которая безумно владела мной.

Из окна над ее головой в комнату проникал тусклый свет. Ее живот был плоским, грудь полной, ноги чертовски длинные, стройные и сильные. Она лежала с раскинутыми руками, которые слегка дрожали, как будто ей не терпелось потрогать меня, а мне ее. Мышцы на моей груди и руках дернулись и сжались, и я медленно заполз на кровать. Шире раздвинул ее ноги, на одной руке поддерживал свой вес и перекинул свою ногу через ее, затем дотронулся до ее лица и пробежался пальцами по волосам.

— Посмотри на себя, — сказал я и приподнялся к ее щеке. Мой взгляд устремился по ее лицу, подбородку, нежной шее, вниз по ее изгибам, линиям, которые я умирал, как хотел потрогать.

— Эли, ты так невероятно красива. Ты знаешь это? Ты вообще представляешь, как ты прекрасна?

Краска залила ее кожу. Она пожала плечами, прижалась своей грудью к моей и обняла меня руками за спину, как бы обнимая, встречая мое тело, душу, и я не мог даже представить, что был к кому-то ближе до этой секунды, когда она накрыла мой рот своим. Этот поцелуй был медленным, только нежная ласка ее губ и мягкое дыхание.

Она откинулась назад, многозначительно взглянув на меня.

— Я не идеальна, Джаред. Никто из нас.

Задумчивая улыбка появилась на моих губах, она обрушила на меня не заслуживающую доброту. Я хотел поспорить с ее заявлением, потому что для меня она была идеальна. Эта девушка встряхнула меня. Я хотел сказать, что она не права, потому что знал, внутри ее чистое сердце верит, что мы одинаковы.

Возможно, ее душа ярко светилась, и она не видела темноту моей.

Ее пальцы прокладывали путь по моему подбородку и теребили волосы на моем затылке.

— Что мы делаем, Эли? — сильно тряхнув головой, я задал вопрос, который интересовал меня последний месяц.

— Все, что ощущается приятно, — она прошептала около моего подбородка и усилила свои объятия.

Я выпустил воздух из легких, пожирая ее рот. Я посасывал ее нежную губу. Ее губы замедлились, и она полностью поддалась моему поцелую. Цвета мелькали в моих глазах, когда я прижал ее своим весом, грудь к груди, дыхание к дыханию. Она была в моей клетке, ее крошечное тело, прижатое к моему, когда наши рты столкнулись, отчаянно, сильно, требовательно.

Жар накрывал нас, вспыхивая, опаляя, требуя. Я никогда никого так не хотел, не хотел похоронить себя в ком-то. Мне хотелось потерять себя в ней, пропасть навсегда в блаженной иллюзии.

Эли тяжело дышала, когда я потянулся назад. Взял ее розовый сосок в рот, и, ахнув, она вцепилась в мои волосы

— О мой Бог... Джаред, — вздохнула она, ее слова выстрелили прямо в меня.

Извиваясь, она застонала, и я передвинул прижатые ладони выше по ее бокам. Выгнувшись мне навстречу, ее мышцы напряглись, пока я посасывал ее. Почти отчаянно, ее руки потянули мои волосы.

Я замедлился, нежно целуя линии под ее грудями, мой нос пробежался назад по чувствительной коже. Ее хватка ослабла, и она вздохнула, массируя пальчиками мой затылок. Мои поцелуи путешествовали по груди, и я схватил ртом другую грудь.

Её руки двигались в моих волосах. И в это время Эли попросила

— Пожалуйста.

Дерьмо.

И снова я спросил,

— Что мы делаем? — потому что я был тверд, и напряжен, и такой же была Эли, и все это казалось так чертовски безумно. Поскольку я хотел ее. Я хотел ее больше, чем что-либо в своей жизни, от этой всепоглощающей потребности кружилась голова, и бешено колотилось сердце.

Мои руки проскользнули под ее спину, затем опустились чуть ниже, чтобы взять ее идеальную попку в ладони и прижать ее чуть ближе ко мне.

Эли хныкала, в глубине ее зеленых глаз светилось отчаяние. Она раскачивалась напротив меня, намеренно и сильно.

— Пожалуйста.

Это было тем подтверждением, в котором я нуждался. Я начал стягивать те малюсенькие шортики и черные трусики, которые были спрятаны под ними, открывая каждый сантиметр этой красивой девочки. В моей груди было слишком тесно, а мой желудок сжался, когда я спустил их по ее бедрам.

Отодвинувшись, я присел на колени и потянул шорты вниз, освобождая ее ноги.

Полностью обнаженная, Эли уставилась на меня. Тени танцевали в глазах, и тихое мяуканье вырвалось из ее рта, когда она нервно сжала свои колени. В этом звуке я услышал так много разных вещей... стоны, крик, желание и что-то похожее на страх.

Лаская кожу, я медленно раздвинул ее ноги в стороны. Она дрожала от моих прикосновений. Когда ее полностью обнаженное тело предстало перед моим взором, ее колени затряслись. Никогда я не был свидетелем более совершенного вида.

— Черт... Эли... ты чертовски великолепна.

Может быть, это было грубым, но блин, это было так...

Я наблюдал, как кончик языка появился между влажных губ Эли, ее волосы рассыпались вокруг лица. Беспокойные зеленые глаза смотрели на меня. Их выражение было напряженным и застенчивым, перемешиваясь с желанием, тревогой и похотью.

Страх обрушился на меня снова. Сощурился, я сглотнул и боролся за контроль. Это было неправильно. Неправильно. Не открывая глаза, позволил своим рукам блуждать по ее ногам, мои ладони решительно пробежались вверх по внутренней стороне бедра. Я наклонился над ней и захватил ее рот.

Эли обняла меня ногами за талию.

Я потерялся об нее, бесстыдно и дерзко.

— Эли...

— Джаред... я хочу тебя.

Прикосновения Эли были быстрыми, поцелуи жадными. Отчаянные руки бродили по моей спине и вдруг схватили меня за задницу.

— Люби меня, Джаред. Люби меня

Мой рот открылся в беззвучном крике, и я уткнулся в местечко в изгибе ее шеи. Я хотел, чтобы я мог. Хотя знал, что это не то, что она имела в виду, но в течение одного мгновенья мечтал о том, чтобы я мог любить ее, и чтобы эта красивая девушка смогла любить меня.

Необузданный голод захлестнул нас волнами, пот украшал нашу кожу, когда наши тела слились друг с другом.

И я чувствовал себя бессильным, поглощенным, твердым.

Таким, черт побери, твердым.

Ошеломленный, я опустилс чуть ниже и бросился целовать ее мягкий живот. Эли резко вдохнула, и ее бедра дернулись. Затем она запутала свои пальцы в моих волосах и произнесла мое имя. Мои руки скользнули под ее согнутые ноги, и я прижался к ней ближе. Передвигаясь, наклонился вперед, положив одну руку на прикроватную тумбочку рядом с ее талией. Ее нога была зажата между моей рукой и боком, опалая кожу.

Я взглянул на нее. Эли наблюдала за мной беспокойными глазами, когда я поглаживал другой рукой ее живот, спускаясь вниз к бедрам, и затем пробежался тыльной стороной пальцев по голой коже к ее сердцевине.

Эли дрожала.

Я задержал дыхание, когда засунул два пальца в нее.

Она тяжело дышала и извивалась, ее руки сжимали в кулаках простыни. Она была горячей... такой горячей... и такой чертовски узкой...

Я любовался ею, слушал быстрый лепет противоречащих слов, которые срывались с ее губ.

Осознание резко ударило в меня.

— Почему, мать твою, ты девственница, Эли?

Эли просто приподняла бедра и молила меня о большем.

— Пожалуйста

Я продолжал смотреть на нее, угождать ей, прижимая большой палец к ее клитору, потом потянулся вперед и накрыл ее рот своим, требуя ответ поцелуем.

— Почему ты девственница?

Руки Эли поднялись к моему лицу и схватили его, ее искренние глаза смотрели на меня:

— Потому что я хочу, чтобы это что-то значило.

— Дерьмо... Эли.

Я сжал свои руки вокруг головы Эли и потерся щекой об ее.

Я ускорил движения своей руки, мои пальцы заполняли ее жестко и быстро.

Ее ногти впились в мои плечи, зарываясь глубоко в кожу, проникая в темную душу. Эли вытянулась, хрипкое дыхание исходило из ее легких и обдувало мое лицо.

— Джаред... я не... так хороша.

Я мог чувствовать, как она достигает пика удовольствия, когда начала содрогаться вокруг моей руки. Волнение пронеслось через мою грудь.

Нет.

— Джаред, пожалуйста, — она продолжала умолять, пытаюсь добраться до моих боксеров.

Я встал на колени между ее бедер, схватил руки и прижал их к кровати.

— Нет, Эли.

Может быть, я идиот, и должен только брать и брать, и брать, но не было шанса, что я так сделаю.

Я вглядывался в ее лицо, пытаюсь понять и сделать так, чтобы она поняла.

— Ты сказала, что хочешь, чтобы это что-то значило.

Печаль омрачила ее черты лица.

— Разве с тобой это было бы не так?

Сожаление скрутило живот, нельзя было позволять этому выйти из-под контроля. Но ведь это был я — человек, у которого проблемы с этим самым контролем, и это была Эли — девушка, которая удерживала меня.

И это имело значение. Для меня. Но это не имело бы гребаного значения в мире, потому что я никогда не мог быть тем, в ком она нуждалась. Никогда не мог быть тем, кого она заслуживала.

Я испортил бы то, что мы создали, погубил ее, разрушил бы эту красоту.

Я ослабил хватку на ее руках. Напряженность, которая охватывала меня, пошла на спад, и мое тело расслабилось, когда я положил локти на кровать, заключая в объятия ее плечи. Я убрал волосы с ее лица.

— Ты имеешь значение Эли. Ты всегда имела значение для меня. Но это...

Я накрутил прядь ее волос на палец.

— Я тебя предупреждаю, мы не можем сделать это, и ты продолжаешь подталкивать меня все дальше и дальше. Я не знаю, что именно ты думаешь, хочешь от меня... то, что ты думаешь, я могу тебе дать.

Эли нахмурилась.

— Я просто хочу, чтобы ты остался.

Она заставила это казаться настолько простым. Легким.

Стоп.

Пребывание здесь было еще одним нарушением, добавленным к множеству других. Другое пятно. Другая отметка. Тяжело выдохнув, я сдался.

Я уже, так или иначе, испортил все. В конце концов, что изменится, если я останусь чуть подольше? Несомненно, когда я, наконец, уеду, это причинит боль.

Я положил ладони на щеки ее доверчивого лица.

Не только мне будет от этого больно, но и Эли.

— Останься, — прошептала она снова, поднимая подбородок, чтобы оставить нежный поцелуй на моих губах.

Я повернулся на бок.

— Это сумасшествие.

Она пододвинулась ближе ко мне.

— Я знаю... но мне нравится это.

Я тихо засмеялся над невыносимо сложной простотой и погладил ее по голове.

— Тебе нравится, да?

Ее пальцы защекотали мой чувствительный живот.

— Да, нравится.

Я остановил ее и прижался губами к ее уху.

— Никакого секса, Эли. Ты ждала так долго... не испортить это.

И, мать вашу, мое тело по-прежнему желало ее. Но я имел в виду именно то, что сказал.

— Хорошо, — прошептала она серьезно, ее рука погладила мой торс и легла на грудь. Приподнявшись на локте, она закусилла нижнюю губу, стесняясь.

— Ты позволишь мне прикоснуться к тебе? — спросила она и оседлала меня.

Она не ждала ответа.

Тихий стон сорвался с моих губ, когда она освободила меня, дрожь пронеслась по телу, когда она взяла меня в свою руку. Я резко сел, схватил ее за голову руками, просунул пальцы в ее волосы и жестко поцеловал.

Ох, эта девушка. Эта девушка.

— Элина.

Почему она хотела такого как я?

— Джаред, — выдохнула она.

Ее нежная рука была обернута вокруг меня, ее яркие зеленые глаза встретились с моими, когда она начала двигаться. Сначала медленно, неуверенно.

— Так хорошо? — прошептала она.

Хорошо? Эта девушка просто понятия не имела, что она делала со мной.

— Черт Эли... это так хорошо. Ты даже не представляешь.

Легкая улыбка коснулась уголка ее рта, и язык прошелся по влажным губам, когда она увеличила темп. Она наклонилась, давая себе немного пространства, и положила одну руку на мою шею.

Мы были нос к носу, ее дыхание перемешалось с моим, удовольствие начало возрастать, хотя такое вообще было невозможно.

Я бормотал, мое тело чертовски напряглось, отчаянно нуждаясь все больше в ее прикосновениях.

— Эли... дерьмо.

Удовольствие разлилось через каждый нерв моего тела, когда я кончил.

Эли целовала меня, прошептала мое имя, возвращая меня к реальности.

Я притянул ее в свои объятия и зарылся лицом в ее груди, цепляясь за нее. Потому что, боже, я не хотел ее отпускать.

Эли слезла с моих коленей и прижала к себе. Она смотрела на меня нежными глазами, а ее руки теребили мои волосы.

— Спасибо тебе... за ночь... за то, что остался здесь со мной.

Я поцеловал ее в лоб, не в состоянии понять эту девушку.

— Ты прекрасна, Эли.

Она прижалась к моему боку, и я удерживал ее, слушал дыхание, которое замедлилось и стало ровным, ее сердцебиение стало спокойным, и она провалилась в сон. Я потерялся в этом. Это убаюкивало меня. Наконец я поддался и закрыл глаза.

Сон дразнил мой разум, окутывая дымкой. Цвета мелькали. Для защиты, я сжал глаза сильнее. Но неизбежное пришло. Беспомощно, я наблюдал за ручьями крови, которые спускались к одной части ее искаженного лица. Моя грудь дрожала, и я был уверен, это был огонь, который подбирался и опалил мое тело.

«Джаред», — пробормотала она.

Я так сильно хотел закричать, но ни одна слеза не появилась, как будто они оказались внутри запертых с болью и страхом.

Она смотрела с такой печалью. С печалью и страхом.

Но все еще старалась улыбаться.

Нежная рука вернулась к моему лицу и двинулась ниже к шее.

— Шшш, — прошептала Эли. — Просыпайся, Джаред. Ты дрожишь. Все хорошо. Я здесь. Все хорошо.

Мои глаза открылись, встречая черную как смоль темноту комнаты Эли. Пот заливал мое тело, и обрывистые вздохи доносились из моих легких.

Эли подтянулась ближе ко мне и поцеловала местечко чуть пониже моего уха.

— Все хорошо.

Я надавил на нее своей грудью, мое сердце бешено колотилось напротив ее. Ни хрена не было хорошо. Никогда не будет. Но на какое-то мгновение, я хотел притвориться, что так и было.

Мы лежали вместе, свернувшись клубочком как одно целое, и я снова провалился в сон и спал так, как давно этого не делал.

Слабый свет просачивался через окно, я проснулся и обнаружил Эли, спящей в моих объятиях. Ее волосы разметались вокруг нас, длинные пряди расплылись позади нее, а несколько непослушных спадали по моей груди. Я прижал свой нос к ее волосам и вдохнул. Одна рука была обернута вокруг моей груди, ее безупречная кожа разительно контрастировала на фоне моей поврежденной.

Непорочная и порочный.

Чувство вины разлилось по всему моему телу.

Я поцеловал ее голову и распутал наши объятия. Остановился у двери, прислушался к тишине с другой стороны и выскользнул в большую комнату. Дверь Кристофера была закрыта. Кто знает, в какое время он вернулся прошлой ночью? Я точно его не слышал.

Думаю, он мог бы поймать нас.

Я шлепнулся на диван. Путаница эмоций росла во мне. Главным образом, это была вина, но под ней кипело что-то, что ощущалось... приятно...

Действительно приятно.

Я боролся с улыбкой, когда думал об Эли, заснувшей в моих руках. Я жаждал вернуться к ней, окупиться в теплоту ее кровати и души, впитать и никогда не отпускать.

Вместо этого я схватил свой блокнот, пачку сигарет и пошел на балкон. Утро маячило на горизонте, и я сел на бетонный пол. Зажег сигарету, сделал затяжку и втянул дым глубоко в легкие, затем выпустил его к небу.

Качая головой, положил блокнот на колени и откинулся к стене. Страницы были толстыми, изодранными, слова нацарапаны в диком хаосе

За исключением нескольких страниц, где она жила, где в моих словах она была больше, чем просто фантазия, и я оживлял ее. Я перевернул страницы и потерялся там.

Два часа спустя я сидел на диване около Кристофера. Он играл в одну из видео игр, в которую мы играли раньше. Он вышел из своей комнаты приблизительно тридцать минут назад весь

взъерошенный, выглядел так, как я себя чувствовал. Было рано, и я понятия не имел, почему он бодрствовал, так как парень был склонен спать до обеда... Он проворчал

— Доброе утро, — потом резко упал на диван и включил телевизор.

После того что произошло вчера вечером, мои пальцы даже покалывало от стыда. Я приложил все усилия, чтобы вести себя нормально, но таким обманом было трудно управлять, потому что, то, что произошло между Эли и мной, было совсем ненормально.

Даже если я чувствовал себя хорошо.

Я потер рукой напряженную челюсть и услышал, как заработал душ в ванной комнате Эли.

Боже, девушка была опасна. Минуту назад она спокойно прошла через гостиную в ванную, стреляя в меня застенчивой улыбкой. Темно-красное лицо со смешным румянцем, ее волосы были в беспорядке, потому что мои пальцы были запутаны в них всю ночь. Она была одета в ту же самую майку и шорты, которые валялись на полу.

Мое колено подпрыгнуло, потому что я подумал об Эли, о том, как она сбрасывает их со своего тела, прежде чем забраться под горячий поток воды.

Закрывая глаза, я боролся, чтобы сдержаться.

Была суббота, которая не предвещала работы для меня, и я понятия не имел, что собираюсь делать с моей жалкой задницей целый день. Эли должна была работать. Насколько было жалким то, что я не хотел, чтобы она шла на работу?

Душ выключился, и несколько минут спустя Эли появилась из ванной, завернутая в полотенце. Она промчалась к своей комнате и захлопнула за собой дверь.

Соскочив с дивана, я пошел искать спасение в ванной. Я не думал, что мог продолжать дальше сидеть рядом с Кристофером, сохраняя тайну, которая казалась грузом в миллион тонн на моих плечах. Большая часть меня хотела закричать ему, закричать о том, что я дотронулся до красоты, что в течение нескольких минут я чувствовал больше, чем небытие, которое было моей жизнью. Годами я жил уединенно, и теперь, когда эмоции высвободились, трудно было вернуть над ними контроль.

Но инстинктивно я знал, надо держать рот на замке.

Когда уеду, я не оставляю Эли опозоренной, не может быть и речи, чтобы пролить свет на болезнь, которой я заражал ее. Это было бы нашей тайной, нашей фантазией, и только на какое-то время я согласился на это.

Пар заполнил небольшое пространство, зеркало запотело, скрывая меня в тумане. Я провел рукой по поверхности и посмотрел на свое отражение в запотевшем зеркале.

Ненависть сжимала мои внутренности и распространялась по рукам и ногам.

Что, черт побери, она видела?

Когда я услышал, что дверь ее спальни открылась, я быстро открыл дверь ванной, желая мельком увидеть ее, прежде чем она оставит меня на весь день. Притворившись равнодушным, я медленно прошел по коридору

Она стояла около стойки, складывая вещи.

— Работаешь сегодня, да? — спросил я. Будто не знал.

Она опустила лицо, выглядя застенчивой, невинной и прекрасной, а затем запихнула свой бумажник в сумку

— Да. Я отработаю короткую смену до ланча, и буду свободна где-то после часа дня, — она собрала свои темные волосы в хвостик. — Думаю, это будет не слишком плохо, — сказала она.

Она поглядела на меня с осведомленностью в глазах, как будто точно знала, о чем я думал: что не смогу выдержать ее отсутствие. Она знала, что я собирался считать часы до ее возвращения, еще она знала, насколько я ненавижу тот факт, что буду это делать. Взгляд Эли скрутил меня, будто она чувствовала то же самое, будто она умирала от желания прикоснуться своими пальчиками к моей коже.

Я сжал руки в кулаки. Мне нельзя было прижать ее к стене и начать страстно целовать.

Кристофер сидел на диване, играя в видео игры, я полагал, что это было действительно хреновой идеей.

— Уверена, еще увидимся, — сказала Эли, когда закинула свою смехотворно огромную сумку на плечо.

Я едва приподнял подбородок, небрежно и равнодушно.

— Конечно... осторожнее за рулем

Она повернулась, украдкой взглянув на меня, а затем пошла к выходу

— Увидимся после работы, Кристофер

Он неистово нажимал на свой пульт.

— Пока, — сказал он, будто ему нельзя было надолго отлучиться и заметить, что она была здесь.

Эли открыла дверь, и яркий взрыв солнечного света образовался вокруг нее, когда она выходила.

Я медленно прошел вперед до конца коридора. Я понял, что стоял, как идиот, наблюдая за тем, как она выходила и закрывала за собой дверь.

Дерьмо.

— Тебе лучше быть поосторожнее, чувак, — предупреждение исходило от Кристофера, его слова были пропитаны серьезностью.

Озадаченный, я моргнул и посмотрел туда, где он сидел, полностью заинтересованный ТВ. Я сглотнул ком в горле.

— О чем ты говоришь?

Послышался недоверчивый смех Кристофера, и он медленно покачал головой.

— Ты думаешь, что я не заметил, как ты смотрел на мою младшую сестру? — он посмотрел мне в глаза, тщательно рассматривая меня с нескрываемым отвращением, прежде чем вернул свой взгляд обратно к телевизору. — Я не шутил, когда говорил, что ее комната под запретом. Я не думал, что должен буду объяснять тебе это.

Я попытался обуздать панику. Вина сильно ударила меня, но недостаточно, чтобы держатся подальше от Эли... Мое тело все еще горело от ее прикосновений. Ничто не мешало мне возвратиться для большего.

Чтобы получить еще чуть больше.

Я покачал головой и натянул на себя хмурый взгляд, который мог говорить о моем собственном отвращении.

— Мы просто друзья, Кристофер. И всегда были. Ты знаешь это, — слова, которые я вытолкнул своим фальшивым безразличием, смешанным с клятвой. — Она мне как сестра.

Я просто собирался стоять здесь и лгать с серьезным видом моему лучшему другу?

Он возненавидит меня, прежде чем я уйду.

Он повернулся лицом ко мне, его зеленые глаза разглядывали меня.

Я ужасно волновался.

Потом он медленно кивнул.

— Извини, чувак... Я просто... мы уже говорили об Эли, что она отличается от других, от остальной части девушек. Я не могу выдержать мысль о том, что кто-то трахает ее.

— Я знаю это. — Тяжело вздохнул я. Она была прекрасна. Я тоже ненавидел мысль о том, что кто-то будет трахать ее. Особенно, если бы это был я.

Глава 15

Элина

Меня распирало от радости.

Сильная, всепоглощающая радость. Это такая разновидность радости, которая была наполнена страхом и удушающим сомнением. Я не была уверена, что Джаред понимал, что прошлая ночь значила для меня, как его прикосновения открыли для меня истину.

Раньше я никому не позволяла так до меня дотрагиваться.

Ни физически, ни эмоционально.

Меган была права. Я вообще не понимала этого. Все мои отношения, так или иначе, подсознательно обрывались. Я держалась недоступно, предотвращая все заранее, убирая с себя все эти блуждающие ручонки. Возможно, где-то внутри, я хранила себя для него, потому что часть меня всегда верила, что однажды он вернется.

Или, возможно, я ждала кого-то, кто даст мне возможность почувствовать себя так, как заставлял чувствовать он. Кого-то, кто заполнит пустоту после его исчезновения, когда Джаред

был так жестоко вырван из моей жизни. Кто-то, о ком я бы заботилась, скрывая свою печаль, которую испытывала из-за Джаред, и казалось, что боль никогда не исчезнет. Но никогда никого не было, так как всегда всем этим был Джаред. Никто не мог соответствовать ему.

И то, что я была готова отдать ему себя, шокировало.

Отдать ему себя.

Я была близка к тому, чтобы снова потерять его. В тот момент, когда я нашла его сидящим в своей комнате, я почувствовала его намерения и поняла — все или ничего. А я хотела все. Поцелуй на вечеринке потряс меня. Прошлая ночь сокрушила меня, и я никогда уже не буду прежней.

Нежность разлилась глубоко внутри, там, где я удерживала его, скрывая долгие годы. Я не хотела больше скрывать это, я знала — это то, что я должна сделать. Джаред был... изменчивым... иррациональным... пристыженным. Не из-за меня, а из-за себя. Я понимала, что он, вероятно, никогда не посмотрит на меня так, как я смотрела на него. Смогу ли я когда-нибудь убедить его? Я видела тускнеющий свет в его глазах, представляя, что он чувствовал ко мне, и это было как-то незаслуженно, порочно, с каким-то позором, стыдом.

Он никогда не признается, что его чувства реальны. Но я чувствовала это. Я ощущала в каждом прикосновении его рук. Я слышала в его словах, адресованных мне, которые он не смог сказать. Они были написаны на потрепанном листе, который он оставил ранее.

Сердце по-прежнему ускоряется, когда красавица награждает глупца.

Прошлой ночью я сгорала от желания высказаться и забрать все. Сказать, что причиной моей невинности был он, потому что своими прикосновениями, он всегда связывал себя со мной. Интуиция сдержала меня, предупреждая, что я уже оттолкнула его настолько далеко, насколько он едва мог вытерпеть.

Но я больше не наивная маленькая девочка. Я не могу его исправить, и знаю, что не смогу стереть его боль. Честно, я и не хочу. Попытаюсь только слегка уменьшить ее. Возможно, однажды он сможет отпустить часть вины. Если сможет избавиться от вины, он сможет исцелиться.

Я хочу быть частью этого. Даже если моя цель — это только дать ему искорку надежды.

Работа, как оказалось, была просто отвлечением, в котором я нуждалась. Пришло обеденное время, и посетители заполнили кафе. Мои руки были заняты работой, в то время как мое сознание оставалось с Джаредом. Мне так хотелось вернуться в его объятия.

Тем не менее, после окончания смены я поехала к своим родителям. Я не была уверена, что это было, но чувствовала, что должна ощутить под ногами твердую почву, и это должно придать мне уверенности, прежде чем я вернусь обратно в неизвестность.

Я постучала и затем открыла дверь.

— Мам, — позвала я. Но ответа не последовало, и я прошла через тихий дом. — Пап?

Через стеклянную дверь, я мельком увидела их. Они свернулись вместе на двойном шезлонге у бассейна. На секунду, я остановилась и наблюдала. На них были купальные костюмы и солнечные очки, а их лица были повернуты к летнему небу. Папа сидел повыше, рукой

аккуратно обнимая маму за шею, а пальцами бездумно играл с ее волосами.

Они всегда смотрелись вместе естественно. Им было комфортно друг с другом. Даже тогда, когда они ссорились.

Я покачала головой и вошла в открытую дверь.

Мама вскочила и поднялась с шезлонга. Ее рука упала на сердце.

— Боже мой, Эли, ты меня напугала.

— Я всегда пугаю тебя, мам. — Смеясь, я вышла во двор. — Ты подпрыгнула футов на десять.

Ничего тут удивительного.

Папа усмехнулся и потянул ее за волосы.

— Видишь? Даже Эли знает, какая ты нервная.

Мама игриво шлепнула его по груди.

— Я не нервная. Я бдительная. Это большая разница.

Папа приподнялся и сел. Он поднял очки с глаз и провел рукой по лицу, а затем повернулся ко мне.

— Как ты, дорогая?

— Хорошо... очень хорошо. Ты как?

— Ой, ты знаешь, так же, — ответил он рассеянно, чтобы не привлекать внимания к себе.

Я любила своего папу. Он был из тех людей, которые отчаянно защищают, кто охотно встанет перед движущимся поездом, если это может избавить кого-то от страдания.

Это также означало, что он никогда не поймет Джареда.

Черное и белое. Хорошее и плохое. Даже после всего, через что Джаред прошел, папа видел в нем только ребенка-панка, который причинил боль своей семье. За неделю до того, как Джаред был отослан, папа фактически запретил Кристоферу видеться с ним. Но Джаред сам не пытался связаться с Кристофером. В это время, он уже был мертв, душой и эмоционально. Просто... исчез.

Без вопросов, папа может рассмотреть в Джареде только угрозу. Для семьи. Для меня.

— Так что ты тут делаешь? — мама ловко маневрировала вокруг шезлонга, прыгая по горячему бетону голыми ногами. Она обняла меня, удерживая руками за плечи, и прижалась ко мне:

— Такое впечатление, что я не видела тебя вечность.

— Что ж, вот поэтому я здесь, — сказала я с иронией, посылая ей ухмылку, которая говорила о том, что я подшучиваю над ней. Любовь светилась в моих глазах. Я тоже сучала по ней.

Усмехнувшись, она нежно погладила меня по щеке и тихо сказала:

— Как моя маленькая девочка?

— Хорошо.

Мама улыбнулась и наклонила голову:

— Пойдем, давай найдем что-нибудь выпить, — она проскользнула в открытую дверь.

— Ты что-нибудь будешь, Дэйв? — крикнула она.

— Нет... не буду, — папа вернулся на шезлонг, складывая руки на груди.

Я подбежала к нему и поцеловала в щеку.

— Люблю тебя, пап.

— И я люблю тебя, милая.

Я пересекла двор и вошла в дом. Мама наливала два стакана холодного чая. Один протянула мне.

— Спасибо.

Она отпила чай, наблюдая за мной поверх стакана. Я приготовилась к инквизиции.

— Так значит, ты просто заехала, да? Учтывая, что я не видела тебя больше месяца, и ты не звонила, тогда думаю нам нужно устроить день шопинга. Полагаю что-то произошло... и судя по улыбке, которая расплзалась по твоему лицу, думаю дело в парне, — сказав последние слова, она пошевелила плечами.

Как бы я не старалась сдержаться, маленькое застенчивое хихиканье вырвалось из меня, и я почувствовала, как румянец за секунду залил мои щеки. Даже несмотря на то, что то, что мы с Джаредом разделили прошлой ночью, было очень сильным, он оставил эту тяжесть, которая отдавалась глубоко в моем сердце, но была и другая часть, которая ощущала свет.

Как будто я пережила свой первый поцелуй.

У мамы расширились глаза. Я никогда не обсуждала с ней парней, потому что нечего было сказать. Никто из них не был важен, за исключением одного, которого я прятала от нее. Но она была всем, о чем говорят девочки. Я помню, ее и Элен, как они проводили всю ночь с бутылкой вина, болтая и смеясь, теряясь друг в друге, в секретах и мечтах. Я задавалась вопросом, насколько сильно она скучала по этим дням.

— Я права? — подшучивая, спросила мама, хотя в ее взгляде была нежность. Мама знала, что для меня это было личным, потому что мне не хватало смелости рассказать ей.

Я была близка к тому, чтобы рассказать ей о той ночи. Напуганная и дрожащая, я была готова зайти так далеко, готова была довериться ей. Но я замерла, парализованная, когда представила ее плач, после этого рассказа, сердитый голос папы, который перекрикивал бы ее слёзы. После долгих минут, которые я даже не смогла бы сосчитать, я бы повернулась и увидела Кристофера, который пялился на меня в потрясенном неверии, будто все мы плыли по течению и не смогли бы справиться с чем-то подобным.

Никогда больше я не упомяну его имя. Так мы и делали до его возвращения.

— А разве бывает иначе? — я запрыгнула на стойку, размахивая ногами, так же как в детстве.

В уголках маминых глаз появились забавные морщинки.

— Нет. Чаще всего нет, — она подмигнула, — но изредка бывает, — и прислонилась к стойке рядом со мной.

— Так, расскажи мне о парне, который заставил блеснуть эти зеленые глазки.

Я сконфуженно пожала плечами и выпустила воздух из поджатых губ. Как можно описать Джареда простыми словами? Посмотрела на нее и снова почувствовала, как губы начинают дрожать:

— Он пугает меня, мам.

Она остановилась, осторожно поставила стакан и повернулась ко мне.

— Что ты имеешь в виду, он пугает тебя? Эли...

— Нет, не так как ты подумала мам, — с трудом произнесла слова, я отстранилась от нее. — Это... я забочусь о нем так сильно, что это ранит, — и так будет всегда, и я чувствовала себя так хорошо, что, наконец, произнесла это вслух.

— О мой Бог, Эли... ты любишь его? — она поймала мой взгляд.

Я не ответила.

— Как долго ты с ним? Я не знаю... Кто он? — казалось, что мама путается в своих мыслях. Ее задело то, что я только сейчас об этом сказала.

Вина прокатилась по мне. После стольких лет, я все еще держала его в секрете.

— Я даже не знаю кто мы, мам. Я беспокоюсь о нем, так сильно и когда мы вместе я... — нахмурившись, я моргнула и выпалила правду. — Я чувствую, что это самое лучшее, что происходило со мной.

Она встала передо мной и нежно погладила по волосам, на ее лице было задумчивое выражение.

— Любовь — это самое лучшая вещь, которая когда-либо произойдет с тобой, Эли.

Медленно я кивнула и позволила ее словам задержаться.

— Спасибо, мам. Ты даже не представляешь, как мне нужно было это услышать, — мой голос был хриплым.

— Вот для чего я здесь, — прошептала она. Затем вздрогнула, сделала шаг назад, и ее голос вернулся к нормальному.

— Так, когда я смогу встретиться с этим мистическим мужчиной? О, почему ты не привела его на обед? — сказала она, явно взволнованная предложением.

— Я не уверена, что мы готовы. Но как-нибудь, — я могла только надеяться.

Сомнение пробило маленькие трещины в моей вере. Джаред не давал мне обещаний. И это было правдой, я действительно не знала, кто мы друг для друга. У меня были только его обещания в прикосновениях, его взгляд, которым он смотрел на меня, такой же, как у меня. На это я опиралась, это наполняло меня верой.

Мама нахмурилась и оценивающе посмотрела на меня.

— Я знаю, ты выросла, Эли, но я бы очень хотела с ним встретиться.

Хлопнула входная дверь. Мама взяла свой стакан с чаем, когда мы услышали чьи-то тяжелые шаги.

Это было ужасно, но я благодарил Бога за вмешательство. Так как не знала, сколько еще продержусь, прежде чем все станет очевидным.

Августин вошел на кухню, стаскивая потную футболку через голову. Он был в баскетбольных шортах и теннисных ботинках, его загорелая кожа блестела от пота. Иногда я удивлялась, как мама и папа смогли вырастить такого спортсмена, поскольку Кристофер и я такими не были.

— Эли! Я так обрадовался, увидев твою машину перед домом. Как ты? — он широко улыбнулся.

— Действительно хорошо. Я очень скучала по тебе, — сказала я честно.

Без стеснения он сжал меня в медвежьих объятиях.

— Я тоже, — голос Августина был всегда грубым, глубоким, как у мужчины. Это заставило меня улыбнуться.

— Угадайте, что я узнал сегодня? — сказал он, отходя назад, гордо улыбаясь. — Вы смотрите на основного квотербека. Сегодня объявили результаты отбора.

— Правда? — я спрыгнула со стойки и снова обняла его. — Поздравляю.

Мама схватила его.

— Правда? Август, я так горжусь тобой!

Я запуталась в этих объятиях, и это было действительно здорово.

Когда Августин получил свои похлопывания, объятия и поздравления, он отступил назад. Мама указала на него.

— От тебя плохо пахнет. Тебе нужно принять душ.

Смеясь, он попятился назад.

— Вообще-то, я пойду поплаваю. Все равно папа там, и вообще он просил сказать ему первому.

Август прошел мимо меня и шепнул на ухо.

— Очень рад увидеть тебя, Эли.

Он вышел через стеклянные открытые двери и ухмыльнулся мне через плечо:

— Передавай привет Меган.

Мой рот открылся в притворном отвращении, а губами я прошептала: Фу.

Он засмеялся, и дверь захлопнулась за ним.

Я повернулась к маме.

— Думаю, мне пора домой.

Разочарование мелькнула на ее лице, и она тяжело вздохнула.

— Хорошо, но честно, Эли, не закрывайся от меня, ладно?

Я кивнула, неуверенная, что смогу сдержать обещание. Этого и не будет, потому что я этого не хотела. Боже, Кристофер сказал мне не упоминать, что Джаред остановился у нас, а Джаред определенно не хочет, чтобы Кристофер знал о нас. И я не уверена, что хочу этого. Но точно уверена, что Кристофер психанет. И нет сомнения, папа тоже. И зная их, они несомненно подтолкнут Джареда к краю.

— Люблю тебя, мам, — я сжала ее в объятиях, прикосновения были нежными, когда она погладила меня по спине.

— Я тоже люблю тебя, — она разомкнула объятия и взяла мое лицо в свои ладони. — Я очень рада за тебя ... кем бы он ни был.

Я закусила губу, потому что его имя крутилось на языке. Я осознала, как сильно хотела ей все рассказать.

— Скоро увидимся.

— Хорошо, — сказала она.

Я направилась к двери.

— Будь осторожна, — крикнула она мне.

Тряхнув головой, я улыбнулась и закрыла за собой дверь.

Снаружи было душно, небо над головой сияло насыщенным синим цветом. Сразу же на коже проступили капельки пота, и я прищурилась над ослепляющим Аризонским солнцем. Массивные кучевые облака собирались на юге, воздвигаясь и нагромождаясь, они тянулись и медленно вырастали над городом.

Начинался сезон дождей.

Заведя машину, я проехала по городу. Заехав в ворота и завернув за угол, волнение вызвало трепет бабочек в животе.

Джаред двигался впереди меня и помогал ногами, чтобы вернуть свой блестящий байк на место, где он обычно парковался. Увидев меня, он застыл на месте. Он расставил широко ноги так, чтобы удержать байк между ними. На нем были обычные темные потертые джинсы и темная майка, которая подчеркивала каждый мускул. Выделенные жирным шрифтом цифры на его костяшках были видны, когда он сжимал руль. Его великолепное лицо оставалось

мужественным, почти твердым, но его волосы были безумными, неукротимыми, потрепанные ветром.

Я перестала дышать.

Прошлой ночью, касаясь его лица, я говорила правду — эта грубая красота была чем-то пугающим, но в то же время чарующим.

Вылезая из машины, я пыталась побороть свою реакцию на него. Джаред перекинул ногу через байк и достал пару пакетов с продуктами из кожаного чехла, свисающего с каждой стороны длинного сиденья.

— Привет, — проговорила, приближаясь к нему. Я сильно сомневалась в своей способности сохранять спокойствие, когда он так на меня смотрит.

Когда я подошла к нему сзади, он повернулся и провел рукой по волосам, мои руки чесались от желания сделать это самой. Джаред медленно улыбнулся, и его взгляд пропутешествовал по мне с головы до пят, затем вернулся обратно.

— Привет, — сказал он с улыбкой на губах.

Как, черт возьми, мы собираемся справиться с этим? Потому что все чего я хотела, это броситься на него, прижать свои губы к его, желая узнать, будет ли чувствоваться все так же хорошо, как это было прошлой ночью.

Мой желудок сжался, уверена, это определенно было бы так. Воспоминания о его прикосновениях ударили по мне, щекоча все тело, и я покраснела от мысли, что не могу дождаться, когда это произойдет снова.

Его ухмылка росла, с тем, как краснело мое лицо.

Ух, парень мог читать мои мысли.

Я отвернулась и начала подниматься по ступенькам. Он был прямо за мной, его присутствие уничтожало. Мое сердце забилося сильнее.

Пальцы щекотали кожу моей шеи. Мурашки пробежали по позвоночнику. Около двери, он прижал свою грудь к моей спине, наклонился, задевая носом мою скулу, а потом прошептал мне в ухо:

— Тебя не было дольше, чем ты сказала. Ты заставляешь меня волноваться о тебя? — он говорил медленно, в его голосе звучали нотки обвинения, а его рука погладила мою и задержалась у плеча. — Я схожу с ума, когда нахожусь рядом с тобой, — он пробежался пальцами вниз к вырезу на моей футболке, дразня кожу. — Ты планировала свести меня с ума, когда ушла так надолго?

Я сделала неуверенный вдох.

— Я заезжала к родителям.

Его ладонь проскользнула, и удерживая меня за шею, слегка приподняла мой подбородок.

— Я ненавижу не знать, где ты... когда ты придешь, — его тон был строгим, и мой пульс запнулся. Джаред удерживал меня, его нос скользнул к основанию шеи, вдыхая мой запах. — Я

не представляю, какого черта мы делаем, Эли, но чтобы это ни было, я вряд ли могу остановить это.

Он резко отстранился, а я стояла и хватала ртом воздух. Желание затопило меня. Боже, я не знала, как справиться с желанием повернуться и раствориться в нем.

Облизнув губы, я поработала над нейтральным выражением лица. Открыла не запертую дверь и шагнула внутрь. Кристофер сидел на диване, на том же месте, где я оставила его сегодня утром.

Позади меня раздался голос Джареда, удивив меня:

— Посмотри, кого я привел.

Кристофер обратил свое внимание на нас, махнув в приветствии.

— Как работа?

Я заставила себя выглядеть нормально и бросила сумку на пол.

— Довольно хорошо, после работы заехала к маме с папой поздороваться. Август вошел в основной состав. Ты должен позвонить ему.

— Конечно, — сказал Кристофер, убирая с лица упавшие на глаза пряди. — Это действительно здорово. Я позвоню ему. Черт, я должен проводить больше времени с ним, — начал бормотать он, говоря больше с самим собой.

Я улыбнулась, когда проходила мимо него.

— Знаю, знаю... это так трудно выбрать пару часов из твоего изнурительного летнего расписания без учебы и работы, — поддразнила я его.

— Ха-ха, — закатил глаза Кристофер.

Я направилась в коридор.

— Пойду переоденусь.

Захлопнув дверь позади себя, я оказалась в убежище своей комнаты. Мой взгляд упал на смятые простыни на моей кровати, которые были как святыня, безопасное место, где Джаред и я были свободны, и наши губы шептали, а руки касались друг друга.

И я молилась в темноту, потому что не могла дождаться, когда он обнимет меня вновь.

Я потянула за тугую резинку, освобождая волосы, давая им упасть, и переделалась в шорты и чистую майку. Удовольствие распространилось по всему телу, и глубоко вздохнув, я отпустила весь стресс, которому позволила медленно расти и поражать, вторгаться и заражать все мои мысли.

В конце концов, все, что было важно — он был здесь.

Остаток дня мы провели, отдыхая перед телевизором. Я любила это ощущение, что все так и должно быть, только Джаред, Кристофер и я. Я лежала на полу, в то время как ребята сидели на диване. Периодически я ловила на себе взгляды Джареда, они были нежными, как будто он

ласкал мое тело. Это было так, будто он прикасался ко мне без рук. Я вздрогнула и обняла себя, желая ускорить время, потому что не могла дождаться, когда вернусь в его объятия.

Ночное небо стало серым, спокойствие парило в комнате, когда день подходил к концу. Джаред забрался глубже на диван и вытянул свои длинные ноги. Они находились по сторонам от моей головы, задевая меня, случайно, но близость грела мою душу. Я зевнула и уселась поудобнее.

Кристофер вскочил на ноги.

— Я не могу больше здесь находиться. Пойдем, поиграем в бильярд или еще что-нибудь.

— Ах, Кристофер, я почти засыпаю, — сказала я, потирая глаза ладонью.

Он указал на меня, когда направился в коридор.

— Вот именно, поэтому мы должны выбраться отсюда. Сейчас только девять часов, и я просидел на своей заднице весь день.

Осторожно, я взглянула на Джареда и нахмурилась.

Он только лениво улынулся и толкнул меня в плечо ногой:

— Вставай, ленивая девочка. Мы идем гулять.

«Чарли» было любимым подвальным баром Кристофера. У них была куча бильярдных столов, дешевая выпивка и разные группы играли почти всю ночь. Я припарковалась на переполненной стоянке, и мы вылезли из машины. Привлекательность этого места было легко понять. Наиболее соблазнительным для большинства городских правонарушителей был тот факт, что у заведения не было даже таблички на двери. Кристофер приходил сюда годами и таскал меня с собой, когда я переехала к нему.

Мы прошли через группу людей, которые ютились снаружи и вошли через двойные деревянные двери. Внутри было грязно, сыро и лампы отбрасывали слабый свет. Старые неоновые огни сверкали на стенах, паркет покрывал слой грязи. Прямо сзади находился большой бар окруженный, примерно, двадцатью стульями. Три или четыре официанта пытались справиться с разбушевавшимся постоянным клиентом, а официантки кружили между высокими, круглыми столами, которые заполняли пространство перед баром. Музыка гремела из верхних колонок и справа, на маленькой сцене, группа носилась по кругу, готовясь. Несколько пар двигались на танцполе перед сценой. Дальше слева, располагались ряды бильярдных столов. Старые стеклянные витражные лампы качались на балке, освещая потертые столы. Как и стоянка снаружи, бар был переполнен.

Кристофер толкнул локтем Джареда, привлекая его внимание.

— Я пойду возьму пару бутылок пива. Найдешь нам столик?

— Конечно.

Кристофер посмотрел на меня и спросил:

— Ты что-нибудь хочешь?

— Эм, возьмешь мне колы?

Ему не пришлось долго меня уговаривать, чтобы я была трезвым водителем.

Он усмехнулся, двигаясь задом наперед.

— Будет кола. — Он развернулся и исчез в толпе.

Внимание Джареда было приковано к Кристоферу, пока тот был в поле зрения. Как только он исчез, Джаред нашел мою руку, сжал и поднес к своему рту. Приглушенный вздох завибрировал напротив моей кожи. Его голубые глаза были теплыми, когда он смотрел на меня.

— Я часами умирал от желания, чтобы прикоснуться к тебе. Ты даже не представляешь, как сильно, да, Эли? — он прижал мою ладонь к своему носу. Когда отпустил ее, то прикусил свою нижнюю губу, и что-то похожее на смущение появилось в его выражении, а глаза блуждали по моему лицу. Улыбка вдруг коснулась его рта, он вложил мою руку в свою и потянул:

— Пойдем, найдем нам столик.

Моя улыбка была не управляемой, пока он тащил нас через толпу. Я любила это чувство, как будто мы были настоящими и так должно быть. Мы нашли свободный бильярдный стол в самом дальнем углу. Он взял кий и помог мне сделать то же самое, а я смотрела, как он наклоняется к стойке с шарами. Он вернул мне улыбку, хитрую и дерзкую.

Эта сторона Джареда была такой неожиданной, этот парень, который улыбался с легкостью, как будто на один момент его боль ушла и дала ему выходной. Я задумалась, заметил ли он неугомонную радость, которую я увидела в его глазах, или он только осознает темноту, которая насыщает его сердце и разум.

У меня появилось неожиданное желание, подойти к нему сзади, и это желание стало неожиданным для меня. Я хотела пробежать руками по спине, почувствовать его силу, мускулы под футболкой, это напомнило мне о том, что мы делали прошлой ночью. Я была другой с ним. Хорошей и плохой, слишком уверенной в себе и безумно наивной. Джаред заставил желать вещи, которых раньше я никогда не хотела. Это пугало, делало меня рассеянной и удовлетворенной. Полностью.

Джаред нахмурился и уловил замешательство в моих действиях. Застенчиво, я отвела взгляд и отвлекла себя мелком для кия. Группа начала петь, буквально оглушая всех. Кристофер вернулся с пивом и моей колой.

— Держи, чувак.

— Спасибо, — Джаред забрал свою бутылку, открыл ее и наклонил в сторону Кристофера, прежде чем сделал глоток. Тыльной стороной ладони он вытер губы.

— Я посмотрю первую игру, — предложила я, прислоняясь к стене и попивая колу через трубочку, — но сыграю с победителем.

— Что ж звучит так, словно ты будешь играть со мной, сестренка, — Кристофер схватил свой кий и усмехнулся.

Дразнящая улыбка появилась на губах Джареда, его голубые глаза сверкали весельем.

— Ахаха, звучит очень самоуверенно, Кристофер! Я думаю, нам нужно заключить маленькое

пари, — он вытащил двадцатку из своего кошелька и бросил ее на стол.

— Ох, ты прав, — Кристофер вытащил свой кошелек.

Они начали играть, пока я кружила рядом. Мы смеялись, ребята пили. Джаред был хорош, но Кристофер не уступал. Они сражались в постоянной агрессии, бросая легкомысленные шутки ниже пояса и грязные оскорбления друг другу, но не принимая это близко к сердцу.

К концу игры, Кристофер засунул двадцатку Джареда к себе в карман, все были счастливы.

— Джаред, когда ты уже поймешь, я всегда в конечном счете выигрываю!

Джаред прислонился к стене напротив, с легкой ухмылкой, когда я шагнула, чтобы начать игру. Как же это было бы здорово заявить о нем открыто, об этом красивом парне, подойти к нему, подняться на носочки и захватить своими губами его. На секунду, я задумалась, какая реакция была бы у него, или как Кристофер отреагировал бы на это.

Я взглянула на Кристофера, его темные непослушные волосы и пронизательные зеленые глаза. Без сомнения, это была действительно плохая идея.

Я выбросила эти мысли и притворилась уверенной в себе, когда приблизилась к брату.

— Ты влип в большие неприятности, — сказала я, поднимая свой подбородок в угрожающем вызове, сдерживая смех, который грозился вырваться на свободу. Всего один раз я обыграла Кристофера, когда он сам разрешил мне.

— Правда? — его брови изогнулись в удивлении, а зеленые глаза засверкали.

— Правда, — сказала я с решительным кивком.

Ему потребовалось около пяти секунд, чтобы уничтожить меня.

Джаред перетащил высокий стул для меня и поставил его около стены.

— Забирайся сюда, чтобы ты могла увидеть, как я надеру твоему брату задницу в следующей игре, — его улыбка исчезла, когда он жестом указал мне сесть. Он протянул руку, чтобы помочь залезть на стул. И я предположила, что всего несколько бутылок пива, которые он выпивал обычно, потребовались, чтобы разрушить его стены, потому что его прикосновения были нежными и задержались чуть дольше, чем следовало. Его рука легла мне на бок, а большим пальцем он поглаживал вдоль моего ребра.

Это легкое проявление нежности тронуло мое сердце. Потому что я хотела всего этого с ним. Я не скрывала страстного желания, когда смотрела на него, а его глаза были ласковыми, когда смотрели на меня. Я наблюдала за ним, как он сглотнул. Нехотя, он повернулся обратно к Кристоферу.

— Хорошо, мой друг, пришло время показать тебе настоящую игру.

Еще несколько часов прошли, а я сидела на стуле, медленно размахивая ногами, наблюдая за ребятами. Я полностью выпала из «добродушного» спора три игры назад, сказав, что для одной ночи унижений достаточно. Кристофер выиграл следующую игру, а Джаред остальные две. Они выпили еще несколько бутылок пива. Их смех и подколы росли, шуток было так много, как и должно быть. Гул удовольствия пульсировал во всех частях моего сознания.

Джаред остался, и я надеялась, что, возможно, он счастлив.

Кристофер явно очень хорошо проводил время. Возможно, даже немного больше, чем просто хорошо, его подколы были на грани оскорбительных. Это заставляло меня смеяться. Он поднял бутылку и допил, это была его седьмая бутылкой за ночь. С грохотом он поставил пустую бутылку на маленький столик, потом наклонился в попытке нелепого прыжка. Он вертел и стучал кием по карману.

— О дерьмо, — крикнул он сквозь хриплый смех, когда оступился. Он ударился об парня, который пытался сделать удар за своим столом. Кристофер резко обернулся, протянул парню руку которого задел. Вежливое извинение вырвалось из его рта: — Извини, чувак, — Кристофер широко улыбнулся.

Но другой парень был в бешенстве. Его рука сжала кий, он агрессивно фыркнул:

— Что за фигня, ты кусок ничтожества?

Он был ниже Кристофера, но мощнее, старше, грубее. Его голова была выбрита или просто лысая, я не мола сказать точно. Но могла видеть мысли в его темных глазах, огонь агрессии, когда он принял решение драться с моим братом. Парню это нравилось. Ненависть пробежала по его телу, и в ожидании он сделал один враждебный шаг.

Мое сердце забилося, а руки сжались вокруг стула, на котором я сидела. Я ненавидела драки, ненавидела, когда ночи означали возвращение в плохие воспоминания, потому что больные люди могут достаточно сильно ранить, если им позволить.

Поднимая ладони вверх, Кристофер сделал шаг назад. Осознание отрезвило его. В это время его улыбка стала явно натянутой, когда он направил весь свой гнев на ситуацию.

— Эй, чувак, я же сказал, что сожалею. Я не специально.

Кристофер, обычно, ладил со всеми. Он был таким человеком, с которым все хотели тусоваться. У него было обаяние, которое привлекало всех. И он знал это и использовал с выгодой, заманивая свою добычу или разряжая обстановку. Я только несколько раз видела его в драке, и всегда по необходимости, когда не было другого выбора. Кристофер может сдержаться, без вопросов, но этот парень? Я не уверена.

Я слезла со стула и проскользнула сзади Кристофера, намереваясь вытащить его отсюда. Никому из нас не нужна была драка, и я очень хотела домой, где безопасно.

— Кристофер, — сказала я спокойно, и медленно приближаясь к нему, надеясь привлечь его внимание, чтобы мы могли выбраться отсюда.

Рот Джареда, внезапно, оказался около моей щеки, его большая рука около моего лица, крепко сжимая голову, требуя моего внимания.

— Отойди Эли, я не хочу, чтобы ты находилась рядом с этим козлом, — предупреждающе произнес он мне в ухо.

Потом он толкнул меня, вытянул руки, удерживая на расстоянии. Шагнул вперед, занимая сторону Кристофера. Четко заявляя о союзе. Джаред опустил плечи, что позволяло контролировать его энергию, которая вибрировала в нем. Его кулаки сжимались и разжимались, агрессия проходила по мускулам его рук, струилась и собиралась, под залитой

чернилами кожей.

Страх скрутил мой желудок. Страх из-за парня, который уставился на моего брата и Джареда. Страх из-за агрессии, которая таилась под кожей Джареда, желая выбраться наружу. Я могла это чувствовать, эту злость, которая исходила от него, как что-то темное, что сорвали с привязи и дали свободу.

Я перевела свое внимание от Кристофера к Джареду, осознавая, где была действительная опасность и быстро положила руку на его лопатки.

— Джаред, пожалуйста, давай просто уйдем, — попросила я, так тихо, что не думаю, что кто-то мог услышать, их внимание полностью было на парне, который опасно ухмылялся.

Джаред дернулся и отмахнулся от меня, сжимая кулаки. В его голове, явно, готовился какой-то план.

Мы привлекли внимание. Сумасшедшие перешептывания и взгляды обрушились на нас, люди проявляли нездоровый интерес.

Паника ударила меня в грудь и скрутила живот. Мы должны выбираться отсюда.

Я проскользнула между Кристофером и Джаредом, оставаясь позади всех, решительно надеясь утихомирить гнев, который наполнял воздух. В этот раз я говорила немного громче и потянула Кристофера за край футболки.

— Джаред... Кристофер... пошли, давайте просто уйдем. Пожалуйста.

Лицо парня скривилось в дразнящей насмешке. Он смотрел прямо на Джареда.

— Почему ты не скажешь своей шлюхе, заткнуть ее чертов рот?

Услышав эти слова, Джаред сорвался. Он двигался так быстро, как я никогда не видела, устремившись к парню с возведенной рукой. Я с ужасом наблюдала, как кулак Джареда зверски ударил лицо парня. Удар сопровождался омерзительным стуком, который распространился эхом в моих ушах. Брызнула кровь, она хлестала из носа парня, обильно стекая вниз по лицу и капая с его подбородка.

При виде крови, казалось, Джаред окончательно потерял контроль. Он орал на парня с видом безумца. Кулаки летели в постоянном шквале, после атак Джареда появлялось все больше крови. Каждый удар был сильнее предыдущего. Парень пытался драться, но Джаред был на много шустрее и уворачивался от ударов.

Наконец, освоившись, парень взмахнул кием с оглушительным криком. Кий разрезал воздух, под углом нацеливаясь на голову Джареда.

Джаред увернулся. В этот же момент, он отобрал кий у другого парня. Захватив его в руки, он удерживал кий горизонтально, когда начал атаковать. Зубы Джареда были обнажены, сжаты, когда он врезался парню в грудь. Он наклонил его назад над бильярдным столом, прижав его кием. Парень извивался, прижатый к зеленому сукну, его ноги метались, когда он пытался вырваться.

Джаред наклонился ближе и зарычал ему в лицо, слова были хриплыми, когда вырывались из его горла:

— Что за херню ты сказал? Повтори, ублюдок. Ну, повтори.

Приподняв парня, Джаред снова, ударив, прижал его к столу.

— Повтори!

Люди толпились, наперебой пытаюсь найти лучшее место для обзора.

— Да, пошел ты, — простонал парень. Джаред лишил его любой другой формы защиты, поэтому парень плюнул ему в лицо.

Яростно Джаред закричал и поднял кий над головой парня.

Я осознала, что кричу, кричу имя Джареда:

— Джаред, стой! О боже, пожалуйста, остановись!

Кристофер отреагировал на ужас в моем голосе. Сзади, он выдернул кий из его рук. Джаред развернулся, опустил кулак, его глаза были безумными, он был готов к новому нападению.

Кристофер достаточно быстро отпрыгнул назад, и кулак бесцельно рассек воздух.

— Джаред, давай, чувак, посмотри на меня, — Кристофер приблизился к его лицу, руки Кристофера были на плечах Джареда. Джаред боролся, пытаюсь высвободиться.

— Давай, Джаред, оставь этого ублюдка. Этот козел не стоит того, и я гарантирую, что видел копов поблизости. Мы должны вывести Эли отсюда.

Охранники пробирались сквозь толпу, и в это же время на меня уставились дикие голубые глаза Джареда. Боль появилась на его лице, и он поднял свои окровавленные кулаки в каком-то измученном подчинении.

Кристофер приступил к действиям и дернул меня за руку.

— Пошли, мы должны выбираться отсюда.

Проталкиваясь сквозь толпу, Кристофер направился в сторону выхода. Толпа, казалось, разошлась, но в то же время поглотила нас полностью. Люди вжимались в нас, удерживая, затем толкая нас вперед. Я схватила руку Джареда, держась ближе к Кристоферу, который умело, прокладывая нам путь к выходу.

Мы выскочили через заднюю дверь. Еще больше людей собрались в беспорядочные группы и курили, стоя в густом ночном воздухе с нарастающим штормом. Над головой гроыхал гром, сверкали молнии, озаряя мрачное небо. Ветер дул сильными порывами, поднимая пыль и мусор, который находился внизу. Съежившись, я посмотрела на зловещее небо.

— Сюда, — скомандовал Кристофер. Он указал направо и усилил свою хватку на моей руке, вбегая в темноту, оставив позади небольшой торговый центр, который давно уже закрылся.

Моя хватка усилилась на руке Джареда, когда я тянула его за собой. Я отказывалась его отпускать.

Кристофер водил нас кругами. Надвигающийся шторм давил сверху. Грохот прорезал облака и мчался к земле. Молнии сверкали, и я украдкой, через плечо, взглянула на Джареда. Он

скрывал лицо, приковав взгляд к ногам, его рука была вялой.

Я хотела остановиться, взять его лицо в свои руки и умолять, сказать мне, что с ним все хорошо. Вместо этого я старалась удержаться за Кристофера, который мчался вперед. Отчаянно, я сжала руку Джаред, потянув его сильнее, надеясь, что он, наконец, поймет, что я беспокоюсь за него. Но он не реагировал.

Мы замедлили шаг, обогнули угол и крадучись обошли здания.

— Веди себя спокойно, Эли, — предупредил Кристофер.

Мы бродили по дороге, тусклые фонари освещали наш путь, теряясь во мгле от бури. Джаред выронил свою руку из моей и опустил ее на ногу. Я шла рука в руку с Кристофером, прижавшись к его боку с опущенной головой, наконец-то мы приближались к парковке бара.

Мы вернулись к началу.

Три полицейских машины находились в середине двора. Мигали красные и синие огни. Никто не заметил нас, когда мы приблизились. Все внимание было обращено на хаос, который, определенно, происходил внутри.

Безмолвно, мы проскользнули к моей машине, которая находилась в полной темноте, только тусклые лампочки от бара бросали тени на двор. Я разблокировала двери, и мы скользнули на наши места, Кристофер справа от меня, а Джаред позади.

Мы ничего не говорили, пока я возилась с ключом зажигания, давая возможность, напряжению распространиться между нами. Наконец, я вставила ключ и повернула его. Дрожа, я сдвинулась назад, переключив заднюю передачу, и медленно выехала на улицу.

В тишине мы чего-то ожидали... что что-то произойдет... какие-то последствия догонят нас. С опаской, я посмотрела в зеркало заднего вида на пустую улицу позади. Никто не преследовал нас. Затем я увидела Джаред, который сидел с опущенной головой. Его лицо закрывали окровавленные руки.

Кристофер развернулся на своем сиденье. Затем засмеялся.

— Ни хрена себе, чувак, — он широко и небрежно улыбнулся, когда посмотрел на Джаред, и шумно ударил его по коленке. — Это было чертовски круто. Ты выбил все дерьмо из этого уродца. Стоило ему только что-то сказать об Эли, я так и думал, что ты не оставишь это, — засмеялся он и провел рукой по взъерошенным волосам. — Ты всегда, защищал ее. Дерьмо, держу пари, ты надрал бы и мне задницу, если бы я сказал о ней что-нибудь плохое.

Смеясь, он наклонился ко мне, а затем повернулся к Джареду.

— Ты был, как какой-то ангел мести или типа того. Кто знает, чтобы произошло, если бы ты не вмешался сегодня? Либо моя задница попала в тюрьму, или я оказался бы на месте одного из этих мудаков. Парень был огромным, — сказал он, спокойно вспоминая о том, что произошло в баре. Кристофер не замечал страданий Джаред, его беспокойства, тревогу в его сомкнутых губах и дрожь мускулов.

Кристофер включил радио и начал петь какую-то ужасную, популярную песню, его голос был фальшивым и абсолютно не попадал в такт. Отпустив эту ситуацию, мой брат совершенно не понимал, что действительно произошло.

Я повернула у ворот нашего комплекса. Снова подняла лицо в поисках Джаред в зеркале. Я могла чувствовать его борьбу, его потрясение, пока он молча сидел позади меня. Наказывая себя за свои действия.

Защита — это я понимаю. На сто процентов. И я никогда бы его не критиковала за это. Возможно, только мы вдвоем осознаем это, двое из нас, кто чувствует его волнение из-за потери контроля.

Это напугало меня, и его тоже.

Поймав его взгляд в зеркале, я попыталась сообщить, что понимаю его. Стыдливо, он отвел взгляд.

Я заехала на свое парковочное место и заглушила двигатель. Кристофер и я вылезли из машины. Такое ощущение, что всего минута прошла, как наконец, открылась задняя дверь. С рукой на ручке, Джаред, казалось, колебался, прежде чем открыть дверь. Когда он медленно вышел из машины, Кристофер похлопал его по плечу, а потом повернул голову в сторону апартаментов. Джаред ничего не говорил, пока мы поднимались по лестнице. Пройдя пару ступеней впереди него, я взглянула назад, пытаюсь рассмотреть хоть что-нибудь, но он никак не реагировал. И снова я молча умоляла его не уезжать.

Всё, что я хотела — это, чтобы он остался.

Мы зашли в нашу квартиру, и я поняла, что хотела бы никогда ее не покидать.

Кристофер шумел на кухне, рылся в холодильнике, в поиске какой-нибудь еды. Я остановилась, и усталость внезапно отяготила мои руки, пока адреналин все еще скручивал живот. Я чувствовала себя взволнованно и неуверенно.

Джаред задел меня и направился к коридору. Осторожно, он остановился и посмотрел на меня с чем-то похожим на извинения, а затем исчез в ванной. Дверь тихо закрылась за ним и щелкнула, щелчок затвора был как выстрел в меня.

Я спряталась в своей комнате и прокричала из нее:

— Спокойной ночи.

Это было приглашение. Пожалуйста, приходи.

Я сменила свои джинсы и футболку на пижамные шорты с майкой, завязала волосы в неряшливый пучок. Сидя на кровати, наклонилась и подняла с пола свой альбом с зарисовками и положила его на колени. Перевернула на последнюю страницу, над которой работала и приступила к эскизу, освобождая свой разум.

Гром гремел так, что тряслись стены, а ветер проносился сквозь деревья и завывал.

Карандаш кружил над бумагой, вырисовывая прекрасный контур его лица. Я затемнила его глаза, потому что в них было так много боли. Каждый раз я думала, возможно, мы сможем прогнать боль, которая исходит от него, но это было только подтверждением, насколько эта боль глубока.

За пределами моей комнаты, я слышала, как бежит вода в ванной. Я представляла его, согнувшегося над раковиной, пытаюсь смыть ночь из своего сознания. Кровь стекает с его

кулака в кружащую воду, разукрашивая ее в розовый, пока не исчезнет в сливе. Но я знаю, даже если он стирает физические следы драки, Джаред все равно добавляет себе еще один шрам.

Я украдкой смотрела на свою дверь, желая, чтобы он пришел.

Приди ко мне.

Люби меня так, как любил прошлой ночью.

Или, возможно, просто полежи со мной, удерживая в своих объятиях, пока я удерживаю тебя в своих.

Прошло два часа, а он так и не пришел.

Я хотела пойти за ним. Успокоить его. Наконец, когда больше не смогла терпеть, я решила. Я встала с кровати, едва слышно наступая на пол. Быстро, как только смогла открыла дверь и посмотрела на пустой коридор. Темнота просачивалась через щель из-под двери ванной. Я вышла и была права, дверь Кристофера была закрыта. Тишина повисла в квартире, на цыпочках я прошла в гостиную. Диван был пуст, без Джареда, одеяла и подушки не было. В страхе мой пульс участился, затем я заметила его ключи, валяющиеся в куче на кофейном столике. Обойдя вокруг дивана, я взглянула на стеклянные двери.

Ночное небо было буйным. Широкие молнии разрезали небеса, воспламеняя мир в яркий всплеск света, а затем затихали. Ярость жестокого ветра колотила по тонким веткам пало верде [3], наклоняя их. Отчаянно, я искала мрачный балкон с доказательством того, что там сидит тот, кто всегда делает меня неуравновешенной, тот, кто поменял все нормы моих убеждений, потому что он единственный, кто может прикасаться ко мне так. Небо засверкало, отбросив на балкон мимолетный свет.

Джареда здесь не было.

Я сделала два шага назад. Сжала кулаки в разочаровании и обратила свое внимание в пустое пространство. Через секунду, я смотрела на дверь перед собой, сглотнула комок, который образовался в горле, и пыталась найти мужество войти в комнату. Медленно я открыла дверь.

Облегчение разлилось по мне, когда я нашла его сидящим на полу, а его спина подпирала стену рядом с дверью. Это облегчение столкнулось с болью, которая была ошеломляющим всплеском чувств, что накатывали и поднимались.

Как напарник бури, Джаред был возбужден и поднес сигарету ко рту. Его голая грудь расширялась, когда легкие заполнялись. Дым кружил над его головой. Пряди его блондинистых волос развивались от ветра, трепетали и путались. Агрессивно он затушил сигарету. На его губах появился оскал, согнув израненный кулак, он потирал им висок, как будто пытаюсь заглушить демона, который нашептывал ему на ухо.

Только сегодня, я хотела сделать так, чтобы все ушло.

В тот момент я поняла, он почувствовал мое присутствие. Его руки сильнее вжались в голову, а движения стали резкими. Его голос был хриплым, едва различимым сквозь завывающий ветер:

— Просто иди внутрь.

Он знал меня очень хорошо и знал, что нет ни единого шанса, что я развернусь и уйду. Я тоже знала его достаточно хорошо, и понимала, что он попытается меня остановить.

Разразился гром, а я погрузилась глубоко в себя, пытаюсь найти мужество, которое открыла в себе прошлой ночью. Двигаясь медленно, я встала перед ним на колени. Пока колени царапались о грубый бетонный пол, медленно я проползла между его ног и расположила свои руки у него на коленях.

Джаред откинул свою голову на стену с отлетающей штукатуркой. Он держал свои глаза закрытыми, защищая меня от боли, которую скрывал.

— Тебе не нужно здесь находиться, — сквозь зубы, сказал он.

— Почему, Джаред? — требовала я. — Почему ты думаешь, что должен проходить через все это один?

Открыв измученные голубые глаза, он скользнул взглядом по моему лицу, и это было похоже на болезненное прикосновение.

— Разве ты не видишь, Эли? Это то, о чем я тебя предупреждал, я чертов ублюдок.

Пытаясь дотянуться и потрогать мое лицо, его голова наклонилась на бок. Он искал понимания, когда его пальцы проложили путь вниз по моей щеке.

Пламя разгоралось от его прикосновений, открывая привязанность, которую я всегда испытывала к нему.

Неужели он думал, что как-то мог оттолкнуть меня, предупредить, если все, чего я хотела — это только большего?

— Я никогда не хотел, чтобы ты видела меня, таким как сегодня, — сказал он, — но это было неизбежно, все это. И я остался только потому, что ни хрена не знаю, как уйти от тебя. Прошлая ночь... — он провел дрожащими руками по волосам. — Черт, Эли, прошлой ночью было так хорошо, так я не чувствовал себя уже очень давно.

С его признанием, тепло затопило меня полностью. Мои руки стиснули его колени, а пальцы вжались в кожу.

Останься.

Обрушился свирепый шквал ветра, с пульсирующей энергией разжигая мою кровь, разжигая мое сердце.

Останься.

Находясь близко к его лицу и поймав его взгляд, я заговорила через сбивающую бурю:

— Все это неважно для меня, Джаред. И это была всего лишь драка. Ты защищал Кристофера. Защищал меня. Что плохого в этом?

Мои волосы развивались вокруг лица, и Джаред пропустил свои пальцы через них, слегка хватаясь за них, привязывая этим себя ко мне.

Засверкала молния, и раздался грохот грома.

Я втянула воздух, потеряв себя в его прикосновениях.

— Ты же знаешь, что это была не просто драка, — Джаред дернул головой, его глаза сузились, а рот открылся в признании. — Кристофер был прав, когда сказал, что я потерял контроль. Я потерял его, в ту же секунду, как этот придурок посмотрел на тебя. Я хотел... — раздумывая, сначала Джаред обратил свой взгляд в сторону, облизнул губы, а потом уставился на меня. — Я хотел причинить ему боль, хотел разорвать его. Только мысль о том, что кто-то обидит тебя, и все, я становлюсь сумасшедшим, — он моргнул, наматывая мои волосы себе на палец. — Ты сводишь меня с ума, Эли. Делаешь опасным. Все, что я хочу — это защитить тебя, даже если знаю, что причиню тебе боль. И о боже, это убивает меня — думать, что могу обидеть тебя.

Я обхватила его лицо руками.

— Тогда не надо.

Его рот накинута на мой, его руки лихорадочно и властно перебирали мои волосы. Он целовал и посасывал меня.

— Эли... — пробормотал он, вдыхая воздух. Джаред отстранился, но накручивал мои волосы на свои пальцы, держа при этом их широко растопыренными. Его глаза стали серьезными, когда он держал мою голову в руках. — Детка, я не хочу. Боже, я не хочу, — он привлек меня обратно, его губы были решительными, застав меня врасплох.

Я прижалась грудью к нему, чувствуя, как колотится его сердце. Большая часть меня хотела съесть его живьем во время поцелуя. Сначала, мои пальцы схватили его подбородок, потом обвилились вокруг его головы.

— Джаред, — молила я.

Когда я приподнялась, мои колени пронзила боль. Безнадежно борясь с желанием быть ближе, мое тело искало его.

Мне нужно чувствовать. Понимать его сердце в прикосновениях, а для него понимать мое.

Джаред поднял меня одним быстрым движением. Моя спина оказалась прижатой к двери, а его тело накрывало мое. Воздух покинул мои легкие. Я застонала и вцепилась в его широкие плечи, обезумев, притягивая ближе.

Он взял мое лицо в свои ладони, поднял его, всматриваясь в мои глаза. Безумство, что пылало между нами, заставляло медленно тлеть. Он застопорился, засомневался, прежде чем целомудренно поцеловал и прислонил свой лоб к моему.

— Эли, можем мы... просто полежи со мной, я просто хочу чувствовать тебя рядом.

Вздохнув и втянув нижнюю губу, я кивнула ему.

Осторожно он опустил меня на ноги, нащупал ручку и впустил нас в тишину темной квартиры. Он провел меня к моей комнате, тихо закрыл дверь и повернул замок. Перед кроватью снял футболку через голову, а потом стянул мою.

— Элина, ты такая красивая, — сказал он и пробежался взглядом по всему моему телу.

Элина.

Прошлой ночью, он произносил мое имя так, что у меня перехватывало дыхание, особенно, когда он бормотал его снова и снова. Это заставляло меня чувствовать себя красивой. Заставляло чувствовать себя любимой, даже если он не признавал, что любит, хотя именно это он и делает.

Засверкала молния, и в тот же момент раздался гром. Неожиданный ливень из порывистых капель ударял в окно. Я вздрогнула, и озноб прошелся по моей коже. Джаред потянулся приласкать меня, щекоча мою ключицу кончиками пальцев.

Когда мы остались в одном нижнем белье, он взял мою руку и повел к кровати. Привлек ближе к себе, руками обвил меня, а носом зарылся в волосах. Шторм бушевал вокруг нас, так же сильно, как мужчина, который удерживал меня в своих руках. Неистовый. Непредсказуемый.

Красивый.

Несколько часов спустя, я слушала, как дождь постукивал по оконному стеклу, а гром прокатился поблизости. Буря властвовала над городом.

Долгое время, я лежала рядом с ласковым мужчиной, который был абсолютно застывшим. Эти понятия было трудно соединить. Мы мало говорили, только обнимали друг друга, в умиротворении уходящего шторма. После сегодняшнего, я действительно знала, что нужно Джареду. Только понимание. Его сердце барабанило под моей щекой. Он укутал меня в своих объятиях, а его пальцы поглаживали мою голую спину. Уставившись в потолок, он потерялся в мыслях.

вернуться

3

Пало-верде - колючий древовидный кустарник с ярко—жёлтыми цветами

Я прижалась ближе, потому что думала никогда не смогу быть достаточно близко к нему. Его пальцы нашли путь к моим волосам и начали массажировать мой затылок. Удовольствие согревало меня, разливаясь по венам.

— Мне так хорошо, — тихий голос Джареда нарушил тишину.

— Очень хорошо, — подтвердила я и пробежала пальцами по его груди к плечам.

Я не хотела разрушать покой, который мы нашли друг в друге, но вопрос просто сидел у меня в голове с тех самых пор, когда мы утром встретились на кухне, а потом позже вечером он вернулся домой с разбитыми костяшками пальцев. Когда я увидела его сегодня в баре — это вернуло мое волнение, которое изводило и грызло меня изнутри.

— Могу я тебя спросить кое о чем, и это не обидит тебя? — я робко скользнула взглядом к увядающей розе над его сердцем. Я опустила голову, потому что не могла смотреть в его глаза.

Весело он усмехнулся и накрутил мои волосы, поднял большую прядь и отпустил ее, давая волосам волнами рассыпаться по моей спине.

— Звучит, как провокационный вопрос, Эли. Я думаю лучше, чтобы вопрос был без того, что может огорчить меня. Потому что не хочу лгать тебе, и я не уверен, что тебе понравится мой

ответ.

Я сглотнула.

— Это не так, мне просто стало интересно, и ты никогда не упоминал об этом.

Хорошо, я беспокоюсь из-за этого. Джаред был прав. Я не была точно уверена, готова ли к его ответу.

— Тогда хорошо, — он подтолкнул меня.

Я задумалась, пытаюсь подобрать слова, как лучше задать вопрос, чтобы не звучало, что я обвиняю его в чем-то, чего действительно не знаю. Потому что это не было обвинением. Мне просто нужно знать.

— Я слышала, что они нашли в твоём шкафчике, когда тебя исключили... — я сама видела. Мое сердце забилося чуть сильнее.

Джаред вздохнул с раздражением, но не казался удивленным или возмущенным.

— Ты хочешь знать, принимаю ли я по-прежнему наркотики? Зависимый ли я?

Я съежилась от резкости его слов.

Джаред снова вздохнул, но в этот раз было похоже на извинение.

— Эй, посмотри на меня, — я подняла голову, а он расположил свою теплую руку у меня на лице. Искренние голубые глаза встретились с моими. — Да, Эли, я зависимый, потому что никогда не забуду, как это легко погрузиться в забвение, и я никогда не перестану этого хотеть. Были дни, когда я думал, что схожу с ума, потому что хотел этого очень сильно, а были дни, когда я не думал об этом совсем. Но принимать наркотики — это очень легкий путь. Я попробовал этот путь, и это не заняло у меня много времени, чтобы понять — жизнь не становится легче. Я перестал принимать их с той ночи, как они забрали меня. Я понял, что у меня нет другого выхода.

— Джаред...

— Не надо Эли, — он погладил большим пальцем мою щеку. — Ты думаешь, я не чувствую этого? Как сильно ты хочешь тех вещей, которые я не смогу тебе дать. Вот почему это ранит меня, когда думаю об этом, потому что я предупреждал тебя. Но ты не сможешь изменить меня и не сможешь сказать что-то или сделать, что повлияет на мое решение или заполнит пустоту в моей душе.

В его словах не было злости. Только печаль.

Он сильнее обхватил мое лицо, и я прижалась ближе к нему, желая раствориться в нем, желая заполнить пустоту.

— Я знаю это. Я просто беспокоюсь за тебя, — прошептала я серьезно.

Печальная улыбка коснулась его губ, а глаза были нежными, и я знала, что он тоже беспокоится за меня.

— Да, конечно, Эли, — признался он, в то время как его голубые глаза потемнели. — Просто

будь осторожна в своем беспокойстве, не переусердствуй.

Я притянула его руку к своему лицу, поцеловала вокруг вытатуированной даты на израненном кулаке его левой руки: 2006. Смерть.

Год, когда он потерял все.

Я молилась, что когда-нибудь он сможет научиться жить снова.

На следующий день я должна была рано вставать, потому что запланировала работу, поменяв смену. Джаред ускользал из моей кровати иногда в очень ранние часы, но никогда не оставлял без маленького кусочка своих мыслей.

Испорченный портит красоту.

Его слова тронули и огорчили меня.

Я решила оставить нежный поцелуй около его уха. Он открыл заспанные глаза и улыбнулся, увидев меня. Ласковые слова сорвались с его губ:

— Привет, красавица.

И я почувствовала себя так хорошо. Живой. И, возможно, Джаред и я нашли какое-то понимание, шаткое, но понимание.

Я сдула челку со лба и начала вбивать следующий заказ в компьютер. Воскресенье всегда был тяжелым днем, но я это любила, так как, это означало, что время пройдет быстро. Взглянув на настенные часы, только полчаса отделяло меня от встречи с ним.

— Как дела, Эли? — спросила Карина, просовывая голову через раскрытую дверь.

— Я все сделала и почти готова свалить отсюда, — улыбнулась ей я.

— Похоже, ты торопишься. Почему бы тебе не обслужить свой последний столик, а потом можешь бежать, а?

— Спасибо, Карина.

— Без проблем. Дай мне знать, если еще что-нибудь понадобится.

— Хорошо.

Дверь за ней захлопнулась, и я вернула свое внимание к компьютеру, набирая свой последний заказ.

Две секунды спустя, дверь снова открылась. Я подняла глаза и увидела еще одну официантку. Клара стояла в дверях и вопросительно смотрела на меня.

Нахмурившись, я спрятала свой блокнот в фартук.

Ее голова настороженно склонилась набок. Она выглядела как девушка из двадцатых годов,

осветленная блондинка, много косметики и одна из самых трудолюбивых. Однажды она мне сказала, что быть матерью одиночкой — это значит, у нее есть вторая работа.

Она мне нравилась.

— Что? — спросила я, не в силах сдержаться, улыбка коснулась уголка моего рта.

Взглянув на нее, я схватила два стакана и наполнила их льдом.

Она облокотилась и скрестила руки на груди, ее выражение на лице сияло самодовольством.

— Итак, Эли, подружка, — продолжала допытываться она, — попробуй объяснить мне, почему этот безумно горячий и пугающий парень спрашивает о тебе?

Моя рука сжала стакан, который я наполняла.

Джаред.

Жар поднялся к моему лицу и спустился вниз, проходя через сердце. Он был здесь.

Смеясь, она подошла ко мне и, легонько толкнув меня своим бедром, начала наполнять стаканы льдом и чаем.

— Глядя на твое лицо я догадываюсь, что ты точно знаешь, о ком я говорю.

— Возможно, — закусив губу, буркнула я.

Усмехнувшись, она подняла подбородок, изучая мое лицо.

— Просто будь осторожна, хорошо? В нем есть что-то настораживающее.

Желание защитить его покалывало заднюю часть шеи, а уши начали гореть.

— Ты ничего о нем не знаешь. И на твоём месте, я бы подумала получше, прежде чем рассуждать, основываясь на нескольких татуировках. — Фраза получилось жестче, чем я рассчитывала.

— Прекрати, Эли, ты знаешь меня лучше, — дразнилась она. — Я не говорю о его татуировках. Я говорю о его глазах, — она отошла назад и серьезно посмотрела на меня. — Ты права, я ничего не знаю о нем, и это действительно не мое дело, — ее голос стал мягче. — Но ты мне нравишься, и поверь, я сталкивалась с таким раньше. Это всего лишь парень, который так разбит, что ты никогда не сможешь обуздать его, и в конечном итоге он сломает тебя, — раны прошлого собрались в уголках ее глаз. — Я не хочу видеть, как это может произойти с тобой.

Эти слова ранили, потому что были правдой. Сомнения появились в моем сознании, но я спрятала их подальше.

— Знаю, Клара, и я это ценю, но уже...

Она только понимающе улыбнулась, и наконец поняла то, что у меня никогда не хватит смелости сказать.

— Но уже очень поздно.

Очень поздно наступило много лет назад.

— Да, — негромко призналась я.

Она тихо выдохнула через нос.

— Что ж, почему бы тебе тогда не отдать мне свой последний столик? А ты сможешь свалить отсюда.

— Ты уверена?

Взмахнув рукой, она отмела мои сомнения:

— Ага, в любом случае, я смогу заработать деньги.

— Спасибо, Клара, — благодарность сорвалась с моих губ.

— Не волнуйся об этом.

Я вручила ей напитки для моего столика, и она поставила их на свой поднос.

Она прошла через кухню и подошла к приоткрытой двери. Выглянув в маленькую щель и игриво изогнув бровь, она посмотрела на меня.

— Боже, Эли. Я не виню тебя ни секунды, просто я тоже растерялась. Ты сказала несколько татуировок? Получи удовольствие, запоминая их.

Смеясь, я бросила в нее бумажное полотенце.

— Замолчи, — сказала я, не обидевшись, потому что Клара имела в виду только хорошее.

Конечно, я планировала запомнить все татуировки Джаред, но совершенно по другим причинам, не по тем, которые предполагала Клара. Я хотела изучить каждую, узнать, какую историю она скрывает, и понять, какие раны вдохновили его на это.

Она исчезла с моего пути и, улыбаясь, придержала дверь.

— Будь осторожна, — крикнула она, прежде чем за ней захлопнулась дверь.

Стащив фартук, я схватила свою сумочку и направилась в зал. Джаред стоял около стены прямо у входа, его руки были спрятаны в карманы. Мое сердце забило сильнее, пытаюсь удержать волнение, которое я испытывала, когда увидела его. Мне очень понравилось, что он искал меня. Джаред давал нам шанс, здесь в кафе, а не только, когда мы скрывались в моей комнате.

Как будто почувствовав мое присутствие, он поднял голову. Смущенно, он улыбнулся и провел рукой по волосам. Джаред нервничал, и я не переставала думать, что это была самая милая вещь, которую я видела.

Я ухмыльнулась, когда подошла к нему.

— Эй, что ты здесь делаешь?

Он улыбнулся шире и указал рукой на кухню.

— Я еще не ужинал и слышал, что здесь очень вкусно кормят.

— Правда? — спросила я, водя ногой по полу.

Он смущенно улыбнулся, дотянулся до меня, и его рука оказалась на моем затылке. Прижавшись своей щекой к моей, прошептал на ухо:

— Я чертовки скучал по тебе, понятно?

Мы нашли столик в задней части зала, около окон, которые выходили на улицу. Мы с Джаредом разговаривали, и он держал меня за руку под столом, вырисовывая круги своим большим пальцем на моей ладони, посылая уколы наслаждения по моему позвоночнику. Он нащупал и пробежался по всей длине грубого шрама на моей ладони, и ничего не заставило его оторваться.

Потому, что я была его.

— Как это произошло? — ненароком спросил он, пробегая пальцами по давно зажившей коже.

— Обожглась, — пожала я плечами.

Клара появилось около нашего стола, понимающе улыбаясь, и спросила, что мы желаем.

Мы сделали заказ. Вместе ужинали, Джаред улыбался, его слова были легкими и свободными. Мы смеялись, и это было настоящим, в точности, так как и должно быть.

Глава 16

Январь 2006

Эли ненавидела то, как развивались события. Они росли и отдалялись друг от друга.

Последние несколько недель было холодно, слишком холодно, чтобы найти спасение на их поле, не то чтобы они собирались, в любом случае.

В шутку папа называл ее сорванцом, потому что она всегда рвалась на улицу, играть в грязи и лазить по деревьям.

Но на самом деле, она просто хотела быть рядом с ним.

Эли остановилась, и, прислонившись спиной к стене, продолжила красться дальше по коридору. Она понимала, что подслушивать Джареда и Кристофера, которые болтали в комнате брата, было неправильно, но Эли не знала, как себя остановить. Казалось невозможным отгораживать себя от разговора за дверью, и ее просто тянуло. Как будто она должна была услышать. Должна была узнать.

Эли не верила, что услышанное может причинить ей столько боли.

Годами она представляла, как ей будет тринадцать, и она будет чувствовать себя зрелой. Взрослой. Эли изучала себя в зеркале, ее тело менялось, и она думала, что Джаред заинтересуется ей, так же, как и она им.

Но сейчас, когда оставалось несколько месяцев до четырнадцатилетия, она чувствовала себя маленькой, глупой девочкой.

Ступая босыми ногами по ковру на полу коридора, Эли двигалась дальше, приближаясь прямо к двери Кристофера. Тревога скрутила живот тугим узлом и стало трудно дышать. Или, может, это боль в груди не давала дышать. Она не могла сказать точно.

Эли знала только то, что это причиняет боль.

Она сглотнула комок, который образовался в ее горле, и попыталась успокоить трясущиеся руки.

Дверь Кристофера была приоткрыта, и она могла разглядеть затылок брата. Он сидел на полу в центре комнаты. Тетрадные листы и книги лежали перед ним. Каждые несколько секунд, Эли могла мельком уловить лицо Джаред, когда Кристофер наклонял голову.

Прячась, она приложила ухо к двери и прислушалась к приглушенным голосам.

— О, чувак, — сказал Кристофер, сдерживая завистливый смех. — В кровати ее родителей? Приятель, это ж ненормально.

Джаред усмехнулся, будто весь разговор был абсурдом. Эли увидела, как он прижал руки к лицу, а затем уронил их на колени.

— Я даже не знаю, что и думать. Это было необычно, но в любом случае... она мне больше не нравится.

— Она горячая, — указал на это Кристофер.

— Это точно, — смех сорвался с губ Джаред.

Живот скрутило еще сильнее, и Эли была уверена, что ее стошнит.

— Что насчет тебя и Саманты? — спросил Джаред, оторвавшись от книги, лежавшей на его коленях. — Эта девчонка такая серьезная, и я не знаю, как ты собираешься разобраться с этим.

Кристофер замотал головой, его густые волосы доставали до плеч.

— Да нет... Саманта клевая. Она хочет подождать до ее шестнадцатилетия... шесть недель, — засмеялся он, словно смутился и потер шею. — Она мне нравится очень, прям правда, очень.

Кристофер опустил голову, и Эли уловила любопытный взгляд Джаред.

— Да? — спросил он, без какой-либо насмешки.

— Да.

— Это здорово, чувак. Я тоже этого хочу когда-нибудь. — Джаред расплылся в широкой и дерзкой улыбке. — Но не в шестнадцать.

Кристофер оторвал кусочек бумаги и запустил его в голову Джареду.

— Пошел ты, — не сдерживаясь, засмеялся он. — Ты просто завидуешь, потому что я катаю твою задницу, и у меня есть офигенная подружка.

— Эй, чувак, две недели, и я сам по себе, — сказал Джаред с широкой улыбкой.

— Точно, и держу пари, что уже через секунду, как получишь машину от своих родителей, отымеешь Кэли на заднем сиденье.

Эли было очень плохо, и она не знала, что с этим делать. Это было похоже на болезнь, которая появилась в ее теле, она давила, проникала, держалась. Эли хотела смыть все эти ощущения с кожи, очистить свой разум.

Эли не была похожа на этих девчонок, и никогда не могла понять их, когда они собирались в туалете, пока одна из них плакала, потому что не нравилась парню, так как он ей. Конечно же, она влюблялась в нового парня на следующей неделе и внезапно все в мире, казалось, правильным.

Эли не думала о них плохо. Большинство из них были ее друзьями. Только она не понимала, как можно в считанные секунды переключить свое внимание с одного парня на другого, это как мимолетное увлечение, которое быстро проходит. Для нее парень, которого она хотела, был всегда одним и единственным. Дыхание участилось, и она попыталась прогнать пульсацию в голове.

Эли замерла, когда Джаред внезапно поднял лицо и поймал ее взгляд, в то время как она с открытым ртом смотрела на него через щелку в двери.

Он пнул Кристофера в подошву ботинка, привлекая его внимание.

— Шшш... — прошипел он предупреждающе. — Твоя маленькая сестренка здесь, — объявил он о ее присутствии, кивая в сторону двери подбородком.

Она шагнула назад, дрожа и ненавидя себя за то, что выставила себя полной дурой.

— Эли? — позвала ее мама из гостиной.

Она поспешила в конец коридора и только потом разрешила себе заговорить.

— Я здесь.

Ее мама одновременно улыбалась и хмурилась.

— Я думала ты побежала в свою комнату, чтобы найти рисунок. Элен безумно хочет увидеть, за что ты получила первое место.

Мама Джареда, Элен, развернулась и улыбнулась Эли через всю комнату.

— Я знала, что у тебя получится, Эли, детка. — Ее голубые глаза светились любовью, длинные, натуральные светлые волосы были перекинута на одну сторону и струились вниз по ее тонкому плечу. — Я никогда не видела никого, кто так любит рисовать... с того самого времени, как ты была маленькой девочкой, которая постоянно что-то рисует, — она улыбнулась маме Эли.

— Покажи его, милая, — сказала ее мама.

— Я не могу его найти, — соврала Эли, переступая с одной ноги на другую. Она была занята, шпионя за Кристофером и Джаредом. — Пойду еще поищу.

Эли бросилась в свою комнату, захлопнула дверь и облокотилась на нее спиной, борясь со слезами.

У Джареда был секс с какой-то девчонкой, пока она не могла мечтать о большем, чем об объятиях с парнем.

Она так ждала его.

Злость потянула узлы в ее животе, завязывая их туже. Эли зашагала по комнате, понимая, что действовала как ребенок, как одна из тех глупых девчонок в школе, с глупой влюбленностью, с бесполезными слезами, которые она не могла остановить. Они покатались по ее лицу. Все что она хотела — это свернуться на своей кровати и умереть.

Вместо этого, она схватила край футболки и яростно вытерла глаза.

Он обещал, что никогда не оставит ее.

Но оставил.

— Прекрати. Просто прекрати это, — ругала она себя, втягивая воздух через нос. — Прекрати быть душой, Эли. Ему уже почти шестнадцать.

А что она ожидала? Что он действительно хотел ее?

Она должна была взять себя в руки.

Эли упала на колени и вытащила портфолио из-под кровати, извлекая большой рисунок углем, за который ей присвоили первое место. Она чувствовала гордость, когда ей вручали победную ленту, гордилась, когда дали ей возможность воспользоваться им для поступления в колледж.

Это был пейзаж, горы простирались вверх, целуя горизонт, а солнце выглядывало позади гор, искажая, будто эти двое перетекали друг в друга.

Но этот рисунок не имел для нее никакой ценности.

Ее ценностью был эскиз лица, который она надежно прятала в альбоме для рисования и никогда никому не показывала.

Сейчас она знала почему. Она была права.

Джаред рассмеялся бы.

Проглотив обиду, Эли ринулась вниз по коридору. Возле гостиной она замедлилась, приближаясь к Элен. Мама Джареда была очень красивой, такой же красивой, как и ее, но это была другая красота, женщина, которая совмещала экзотическую и простую красоту. Эли не была точно уверена, как такое возможно, но она рисовала ее лицо так много раз, что знала, что оно реально.

Дрожащими руками, она передала Элен свой рисунок.

Элен тихо ахнула.

— Это потрясающе, Эли. Невероятно красиво. — Она улыбнулась, и слезы заблестели в ее глазах. — Это прекрасно, детка. Очень хорошо.

— Спасибо, — прошептала Эли, забирая свой рисунок из ее рук, чувствуя жар на щеках и тепло в груди.

— Что это?

Эли подпрыгнула, когда голос, который преследовал ее мысли, послышался прямо позади нее. Она дернулась, чтобы посмотреть через плечо и оказаться лицом к лицу с парнем, который украл ее дыхание. Ее желудок снова скрутило, но в этот раз уже по-другому. Во рту пересохло, разум опустел, остался только тот факт, что он остановился меньше, чем в шаге от нее.

— Ничего, — наконец выдавила она.

— Ничего?

Джаред дотронулся до ее плеча, осторожно разворачивая, и схватился за верх рисунка, пока она удерживала за низ. Долгое время, он ничего не говорил, только смотрел на плотную бумагу, разделяющую их, пока не поднял своего лица.

— Эли, это ты нарисовала?

Голубые глаза вглядывались в ее лицо, это ранило, задевало, убивало, снова захотелось плакать.

— Это всего лишь дурацкий художественный проект, который я делала для школы.

— Что в итоге принес победу на местном соревновании, — быстро добавила Элен. — Это действительно очень красиво, не правда ли Джаред?

Он не отвернулся от Эли.

— Да, действительно, — восторг наполнил его нежную улыбку. — Это один из тех рисунков, которые ты держишь в альбоме?

Эли сглотнула и замахала руками.

— Нет, — призналась она, зажмурив глаза.

— Могу я посмотреть некоторые из них? — спросил он.

Элен цокнула языком и улыбнулась.

— Джаред, это так же неприлично, как если бы ты, попросил девушку дать почитать ее дневник. Ты должен знать об этом.

Усмехнувшись, он сделал шаг назад.

— Наверное.

Таймер зазвенел на кухне. Мама Эли поднялась и исчезла через арку. Минутой позже она высунула голову.

— Хорошо, время обеда. Дети идите мыть руки.

Августин и Кортни бросили свой мультик, который смотрели в гостиной, и помчались вниз по коридору.

Их семьи, как всегда обедали вместе. Путаница из людей, метавшихся по комнате, их родители

за обеденным столом, Джаред, Кристофер и Эли в уголке и маленькие дети на стульях за стойкой.

Как только обед закончился, Джаред и Кристофер сказали, что уезжают.

— Будьте осторожны, — приказала мама Эли, грозя им двоим пальцем.

— Конечно, мам, — пообещал Кристофер, дребезжа своими ключами.

— Джаред Захари, я не хочу слышать никаких извинений из-за того, что ты опоздал на комендантский час, — предупредила Елена. — Ты должен быть сегодня вовремя.

Джаред только улыбнулся и кивнул, быстрее направляясь к двери.

— То, что тебе скоро исполнится шестнадцать, не значит, что ты уже очень взрослый, чтобы не подарить маме поцелуй перед уходом, — крикнула Елена.

Засмеявшись, Джаред подбежал к ней и крепко поцеловал ее в щеку.

— Люблю тебя мам.

— Будь хорошим мишкой, — сказала она с умилением.

Эли сосредоточилась на своей тарелке, когда Джаред прошел позади нее. Она почувствовала, как он дернул ее за волосы. Ее глаза закрылись, хотя это было не так долго. Тихо и приглушенно, его слова прозвучали позади нее.

— Я горжусь тобой, Киса Эли.

Сердце Эли вжалось в ребра.

Возможно, он все-таки ее не забудет.

Глава 17

Джаред

Я влип. Очень сильно влип.

Эли всем телом прижималась к моей спине, ее великолепное тепло окутывало меня, как будто так и должно быть. Словно она была создана для меня.

Солнце светило над головой. Горячий, сильный ветер трепал мои волосы.

Эли прижалась к моей спине, сцепив руки у меня на животе. Я прибавил газа, выезжая на шоссе. Двигатель взревел, когда я установил размеренный темп.

Я не желал осознавать, что уже начало августа, а драгоценные дни мчатся быстрее, чем мне хотелось. Мы находились в таком состоянии уже три недели, украдкой проводили вместе каждую секунду. Рабочие дни были беспощадны, потому что все, чего я хотел — это вернуться в ее комнату, в ее соблазнительные, и в то же время, мучительные объятия, которые давали комфорт. Моя прекрасная Сирена, хоть я и знал, что это закончится, но все равно продолжал проникать в ее комнату каждую ночь. Спал, свернувшись калачиком, искал убежище в ее прикосновениях. Мы не заходили дальше горячих поцелуев, иногда просто лежали с

переплетенными ногами, молча нос к носу, оставаясь вместе.

Не важно, какая была ночь — я хотел ее. Каждую чертову ночь, я хотел взять ее и закончить то, о чем молили наши тела. Простых прикосновений всегда было недостаточно.

Я хотел большего.

Мои мучения усилились, когда я съехал с автомагистрали и начал поворачивать к Саут-Маунтин.

Улыбка, которая появилась в уголке моего рта, была неудержимой. Я дотронулся до ее сжатых рук.

— У тебя все хорошо там сзади? — крикнул я, замедляясь и наклоняясь, входя в поворот.

— Все прекрасно, — прокричала Эли, сквозь сильный ветер.

Я заехал на стоянку и припарковался. Эли слезла, осторожно избегая выхлопной трубы. Прежде чем разрешить ей впервые сесть на байк, я миллион раз повторил, что труба горячее, чем ад, и оставит ожог на всю жизнь, если она ее заденет.

Она выглядела очаровательно, отстегивая свой белый шлем. Встряхнув волосами, она улыбнулась мне.

Эх, я, черт возьми, купил ей этот шлем.

Боже, я влип.

Я притянул ее ближе, приподняв подбородок большим пальцем, и быстро поцеловал. Она светилась. Какое-то чувство, похожее на радость, снова зародилась во мне.

Эти чувства пугали меня.

— Пошли, давай найдем тропинку, — взяв ее за руку, я медленно пошел вниз по узкой дороге. Каменная тропинка извивалась сквозь густые, заброшенные кустарники, редкие деревья и заросшие кактусы. Небо было ясным, и стояла такая жара, что горячие волны воздуха осели на утоптанной земле. Мы целую вечность шли вниз к маленькому навесу, который простирался над сводом города.

Притянув Эли к себе, я прижал ее спиной к своей груди. Скользнув руками вокруг талии, положил свой подбородок ей на плечо и прикоснулся своей щекой к ее. Удерживая так близко, как только мог.

Казалось, что это навсегда. Мы ничего не говорили, только наблюдали за красотой, что простиралась перед нами.

— Это великолепное место, — наконец прошептала она, вглядываясь в горизонт.

Я уткнулся носом в ее шею, потому что таким оно и было.

— Спасибо тебе, что привез меня сюда, — она пробежала пальцами по моему кулаку, и я ослабил свои руки на ее животе.

Эли вздохнула и еще сильнее прижалась ко мне.

Я моргнул, пытаюсь воспринять мысли, которые будоражили мой мозг, слова, которые хотели вырваться. Они крутились на моем языке долгое время, пока, наконец, не вырвались на свободу.

— Мой отец все время приводил меня сюда, — мой голос дрожал, но я не мог перестать говорить. — Один раз в месяц он планировал день «отца и сына», упаковывал ланч и брал меня в какое-нибудь классное место... для охоты или пешей прогулки, или всего, что я хотел делать. Это было моим любимым местом.

И почему, черт возьми, я рассказывал ей все это? Почему, чувствовал, что должен был привести ее сюда? Чтобы поделиться? Да, я хотел этого.

— Я помню это, — сказала она тихо. Из нее вырвался тихий, грустный смешок. — Я ненавидела эти дни. Мы с Кристофером прибежали, стучали в твою дверь, чтобы спросить сможешь ли ты выйти поиграть, а твоя мама говорила нам, что ты со своим отцом. — Эли фыркнула. — Это забавно, когда мы были детьми, то видели вещи совсем иначе, — она замолчала, прежде чем тихо признаться. — Осознание того, что ты любил проводить эти дни с ним, делает меня очень счастливой, Джаред.

Моя грудь напряглась, когда боль вырвалась наружу. Я прижал ее ближе и попытался запихнуть ее подальше со всем дерьмом, которое собиралось выскользнуть. Все вспоминая того, что я разрушил.

— Ты когда-нибудь думал о том, чтобы найти его? Найти свою сестру? Навестить их? — спросила она.

С ее словами, воспоминания только ранили, а злость росла.

— Я испортил жизнь отца, Эли. Он не хочет меня видеть.

Отголоски последней ночи заполнили мою голову. В той ситуации все стиралось в наркотическом тумане, в алкоголе, в боли. Искривленное и деформированное лицо отца, на котором было написано отвращение.

— Он не пришел на мое слушание... не выступил за меня, — не то что бы я ожидал этого. — Он оставался в стороне, позволив им отправить меня подальше, этого не изменишь.

Она остановилась и переплела свои пальчики с моими:

— Что, если ты ошибаешься, Джаред?

Я проглотил ком, образовавшийся в горле.

— Нет.

Я знал, что должен оттолкнуть ее, потому что эта девчонка, которая проникла своими пальцами в мою душу, в конце концов закончит как одна из них — идеальным воспоминанием, которое будет мучить меня остаток моей никчемной жизни.

Вместо этого, я вцепился в нее, прижимая к себе, потому что не мог держаться от нее подальше, не считая того момента, когда ее забрали у меня.

На следующий день я нервничал, так как не видел Эли с раннего утра, когда вылез из ее

кровати, чтобы подготовиться к работе. К тому времени как я вернулся в квартиру, она уже ушла на вечернюю смену в кафе.

Кристофер развалился на диване рядом со мной и пялился в телевизор. На нем ничего не было, кроме старой пары джинсов, а его прическа могла бы конкурировать с прической рок-группы восьмидесятых. Очень сильно сомневаюсь, что он прикладывал к этому какие-нибудь усилия, чтобы его волосы так выглядели. Я сидел рядом с ним, притворяясь, что делаю что-то еще, кроме как сижу и жду, когда вернется домой его сестра.

Знаю, мне нужно было начинать искать собственную квартиру. Я начинал чувствовать себя неудачником, который спит на диване, даже при том, что отдавал Кристоферу треть за арендную плату. Но я совру, если спишу все на деньги. Кристоферу, в любом случае, все равно. Он пригласил меня, дал мне свободу, а все, что я сделал — это отвернулся и воспользовался им и его великодушием. Обманул своего старого друга, когда пообещал, что ничего не будет между Эли и мной. Но как я мог признаться ему в этом? Он мне ясно дал понять, что никогда не согласится с этим. То есть, черт, даже я не согласен с этим. Было не похоже, что я осуждал парня, который пытается защитить свою маленькую сестренку.

Чувство вины было непоколебимым. Каждое утро я смотрел на Кристофера, удивляясь, когда же он, наконец, увидит все мое дерьмо. Прячась с Эли, мое сознание накрывала пелена стыда. И как последний козел, я все еще оставался здесь.

— Тимоти устраивает очередную вечеринку сегодня. Я собираюсь сходить ненадолго. Ты не хочешь со мной? — сказал Кристофер, подтверждая мое предположение, что все-таки ему нравится, что я рядом.

Я посмотрел на часы на микроволновке, было уже больше девяти. Эли скоро должна вернуться.

— Не, чувак, я должен быть на работе в шесть утра. Я лучше пройду до «Вайн» и пропущу пару бутылочек пива, чтобы расслабиться. Не могу притащиться в три часа утра, спотыкаясь, как ты это обычно делаешь, — я ухмыльнулся ему, пока вина скручивала меня. Это было такое же оправдание, как и в первое утро, когда он спросил меня, где я был, когда он вернулся домой и меня не было на диване. Конечно, мой байк припаркованный на своем месте внизу, был свидетелем моей вины. Я заявил, что не смог уснуть и пошел прогуляться до «Вайн», выпить пива, когда на самом деле, был в комнате Эли.

Эли заслуживала любой лжи, если я знал, что медленно не разрушаю ее. Если был хотя бы шанс, что происходящие за ее дверью, в конце концов, не превратятся в руины.

— Боже, ты всегда должен быть таким ответственным? Только посмотрел на тебя, и все желание пропало.

Кристофер улыбался со всей доброжелательностью и спокойствием.

— Заткнись, — стыд накрыл меня, но я засмеялся.

В замке входной двери повернулся ключ.

Стыд испарился, вместо него появилось трепетное возбуждение. Сегодня я скучал по ней как сумасшедший. Я не знал, что это, но не мог дождаться, когда увижу ее.

Когда она открыла дверь, я повернул голову, чтобы увидеть ее лицо. Эли подперла дверь ногой, удерживая ее приоткрытой, и вытаскивала ключ из замка, улыбаясь мне. Ее волосы были

собраны в высокий хвост, из которого выбились несколько прядей, обрамлявшие раскрасневшиеся после рабочего дня щеки. Приветствие сияло в ее глазах.

Тепло разлилось по моей коже, сердце забило сильнее, чем я хотел. Господи, не удивлюсь, если Кристофер заметил, как я смотрю на нее, потому что я не мог подавить улыбку, которая появилась на моем лице.

— Привет, ребята, — сказала она, входя внутрь слегка задыхаясь. Она толкнула дверь, закрывая ее за собой, а затем завизжала, когда огромная рука придержала дверь перед тем, как она успела захлопнуться.

Эли завертелась, а я подскочил на ноги. Злость выстрелила во мне быстро и жестоко. Я понял, что самый быстрый способ добраться до нее, это перепрыгнуть через спинку дивана, чтобы надрать кое-кому задницу.

— Черт, Гейб, ты напугал меня, — закричала она.

Слова Эли остановили меня на полпути.

Ее рука прижалась к груди от удивления. А этот ублюдок стоял у порога, ухмыляясь, как будто напугать Эли до чертиков, было самым важным делом за его гребаный день.

Я хотел врезать ему.

— Извини, — засмеялся он. — Я не хотел испугать тебя таким образом.

— Все хорошо, — Эли встряхнулась, как бы сбрасывая со своего тела потрясение от испуга. — Я просто не слышала, как ты поднимался за мной.

Он сжал свои губы, качаясь с пятки на носок, а руки держал в карманах.

— Послушай, мы можем немного поговорить?

Осторожно, он взглянул на меня и Кристофера. Кристофер был в такой же позе, как и я, одно колено на диване, а две руки на спинке, готовый накинуться, прежде чем понял, что за задница стояла у дверей.

Гейб почувствовал абсолютный дискомфорт.

Вот именно, ублюдок, тебе здесь не рады.

Эли казалась растерянной, взглянув на нас через плечо, сказала:

— Эм, да, конечно, — пробормотала она, поднимая руку и указывая на коридор. — Мы можем пойти в мою комнату.

Ладно, это звучало, как действительно самая херовая идея.

Я посмотрел на Кристофера, в поисках поддержки, но он развернулся и плюхнул свою ленивую задницу обратно на диван, покорно вздохнув.

Эли направилась в свою комнату. Ублюдок держался в двух шагах от нее, напялив на свое напыщенное лицо самодовольную улыбку, которую я с радостью бы стер.

Никто из них ничего не говорил, пока Эли не закрыла дверь.

Дерьмо. Переместив ноги, я стоял перед диваном, все еще на взводе. Какого черта я предполагал сидеть здесь и ничего не делать, пока он с Эли находились за закрытой дверью.

— Я не знаю, что она нашла в этом парне. Он настоящий засранец, — сказал Кристофер, пока бессмысленно переключал каналы.

— Может, мы должны зайти и проверить ее или что-то типа этого?

— Они находятся там всего пять секунд, Джаред. Не думаю, что стоит волноваться.

— Мне это не нравится. Этот парень — козел.

Кристофер недоверчиво усмехнулся.

— Думаешь, мне это нравится? Ты знаешь, что я не могу перестать думать о ней с каким-то парнем. Но она общается с ним, примерно шесть месяцев или что-то в этом роде... он давно крутится вокруг нее. Не похоже, что ей пятнадцать, и я не уверен, что ей нужно разрешение, чтобы встречаться с парнем.

То есть, для этого гондона быть в ее комнате это нормально, а для меня — нет?

Мне хотелось засмеяться над собой. Как будто я не знал ответа на этот вопрос? Я наркоман, сидел в тюрьме, а Гейб студент колледжа, чертовски милый парень.

Но я ненавидел его, зная, что он был там с ней. Ненавидел, что не знал, о чем они говорят, или что делают.

Заставив себя сесть на диван, я сконцентрировался на телевизоре, а слух обратил к ее комнате, надеясь, что смогу, в конце концов, сдержаться на диване и не рвануть к ее двери.

То есть, я доверял Эли во всем, учитывая, что ничего не мог дать взамен. Я позволил ей прикасаться к себе, разрешил ее пальчикам пройти по моим грехам, позволил ей спрашивать, копаться и говорить все эти чертовски невозможные вещи, типа примирения с моим отцом.

Мы никогда не говорили о том, что это значит, эти ночи были временными. Но я всегда представлял, что все-таки они важны. Потому что в них мы были кем-то. Я не мог представить себя с другой девушкой, пока был с Эли. Нет ни единого чертового шанса. Я хотел только ее. Я предполагал, что просто завладел ею, и она отшила этого недоноска в ту секунду, когда прикоснулась ко мне, когда обнажила меня и предложила себя.

Страх сковал мое горло.

Из комнаты Эли не доносилось ни звука. Тишину в этой квартире обычно я рассматривал как достоинство, а теперь меня это бесило. Гейб там с ней, этого было достаточно, чтобы свести меня с ума, достаточно, чтобы стереть весь здравый смысл из моего испорченного разума.

Все это время она оставалась невинной. Непорочной. Я не мог вынести мысль о ней с кем-то еще. С кем-то, кто берет ее, прикасается к ней и любит, дает ей все то, чего я не могу дать, даже если я понимаю, чего именно она заслуживает. Что именно она должна иметь.

Время шло и становилось только хуже. Во мне все сильнее закипала злость, я изо всех сил

пытался усидеть на месте, хотя все чего я хотел, это выбить дверь ее комнаты и выкинуть его задницу из квартиры.

Кристофер бросил пульт на подушку.

— Я собираюсь свалить отсюда. Ты уверен, что не хочешь со мной?

— Нет, все в порядке.

В такой момент он не вытащит меня из квартиры.

Кристофер склонил голову в направлении комнаты Эли.

— В любом случае я рад, что ты здесь. Ты не спустишь с нее глаз.

— Да, конечно.

Кристофер пошел в свою комнату, чтобы переодеться и помахал мне, прежде чем исчезнуть.

Я задрожал. Время тянулось мучительно долго. Я продолжал смотреть на ее дверь, желая, чтобы Гейб вышел.

Тридцать минут спустя, ее дверь медленно открылась, и появился этот мудака. Маска хорошего парня, которая я уверен была только для Эли, изменилась за секунду, когда он встретился со мной взглядом. Он молча приподнял свой подбородок, бросил мне самодовольную усмешку и захлопнул ее дверь.

Напряженное желание выбросить его из дома захлестнуло меня. Я хотел заставить его заплатить за то, что он здесь устроил. Что думал хоть на секунду, что принадлежал ей.

Был настолько глупым, чтобы связаться со мной.

Я просто сидел, зловеще ухмыляясь маленькому идиоту, который очевидно был недалеким, раз верил, что я продолжу сидеть, если он будет продолжать смотреть на меня таким образом.

Я заскрипел зубами, подавляя непреодолимое желание выпустить свою агрессию на него, когда он повернулся спиной и направился к входной двери. Это все, что мне было нужно, чтобы оказаться около нее.

Я не стучал, а просто повернул ручку и впустил себя в приглушенный свет ее комнаты. Сегодня жалюзи были закрыты. Тонкие линии лунного света прорезались сквозь рейки, а маленькая лампа посылая золотое сияние, ползущее вверх по стене за ее туалетным столиком. Остальная комната оставалась в тени.

Эли стояла спиной ко мне. Ее рабочая одежда лежала у ее ног, а она натягивала розовые пижамные шорты, которые всегда носила, прикрывая ими свою восхитительную попку. Затем натянула майку через голову. Взлохмаченные волосы волнами струились по ее спине, вся растрепанная и сексуальная. Мои пальцы дрожали, потому что, черт, я действительно хотел прикоснуться к ней, но стоял как вкопанный.

Эли посмотрела на меня через плечо и поправила край своей майки. Дискомфорт отразился в выражении ее лица, зеленые глаза смягчились.

— Я как раз собиралась найти тебя, — прошептала она.

Тяжело сглотнув, я смотрел на нее через комнату, не уверенный, что делать со злостью, все еще кипящей в моих венах. Я чувствовал себя на краю. Вне себя. Но при этом, чувствовал себя определенно иначе, чем из-за боли, которая всегда омрачает мою душу. Это было немного слишком, как той ночью в баре, когда я потерял контроль при упоминании ее имени.

Гребаный спусковой крючок.

Я потянулся, чтобы запереть дверь. Прежде чем повернуться и посмотреть на нее, я вцепился рукой в свои волосы, пытаюсь успокоить чертово безумие, которое она пробуждала во мне.

— Что ты пытаешься сделать со мной? — мой язык, казалось, распух, пока я боролся с признанием. — Я не... черт, я не узнаю себя рядом с тобой, Эли. Я думал, что потеряю рассудок, когда представлял вас двоих здесь.

Эли медленно развернулась и сделала шаг вперед. Прищурившись, она опустила голову и склонила чуть набок, словно я раздражал ее.

Это нормально, потому что я тоже был слегка раздражен.

В словах, слетавших с ее языка, слышалось изумление, и морщинки на ее переносице углубились.

— Как ты мог подумать хоть на секунду, что я выберу его вместо тебя, Джаред? Он пришел сюда сказать, что скучает по мне. Что хочет быть со мной и сделает все, что угодно, чтобы исправить то, что пошло не так между нами. Но единственная вещь, о чем я могла думать — это, что ты находишься в соседней комнате. Единственная вещь в мире, которую я хочу — это ты. Разве ты этого не понимаешь?

Вся эта чертова агрессия лопнула, как шар, который слишком сильно раздули, сталкиваясь с потребностью, которую она так сильно раскрутила во мне. В два шага я пересек комнату. Секундой позже, сжал ее в своих объятиях, приподнимая с пола, в то время как мой рот захватил ее. Я страстно целовал ее, пока переносил на кровать.

Ее покрывало было в полнейшем беспорядке из-за того, как мы спали, свернувшись под ним прошлой ночью, мы целовались, соблазняли, заставляли друг друга тяжело дышать и по-прежнему нуждаться. Наш запах все еще сохранился на нем, терпкий и сильный. Не желая прерывать наш безумный поцелуй, я спихнул покрывало с пути одной рукой, другой поддерживая ее спину, и опустил на кровать.

Эли выгнула спину.

Я взял ее прекрасное лицо в свои ладони, моя хватка была властной, как и мои губы. Поглощенный ею, я вжался в нее всем телом, накрывая ее, опираясь руками на кровать, поддерживая свой вес.

Я хотел обладать ею. Взять ее.

Бл*дь.

Я хотел все это.

Эли застонала, когда ее пальцы запутались в моих волосах. Она что-то бормотала в мой рот, между нашими отчаянными попытками быть ближе друг к другу наши рты двигались безумно,

а ее сердце бешено колотилось.

— Ты Джаред... ты... только ты.

Зарывав, я потянул ее на себя, впиваясь пальцами в ее затылок. Большими пальцами я провел вдоль ее нежной челюсти. Мы были лицом к лицу, и я не мог разобрать рваные вдохи воздуха, которые она получала в свои легкие от меня. Слова царапали мое горло.

— Ты сказала ему, что ты моя? — мои руки напряглись, подчеркивая помешательство, которое она вызывала во мне. — Ты сказала ему, что принадлежишь мне?

Эти зеленые глаза потемнели, намекая на страхи, говоря о ее желаниях.

— А я принадлежу? — из ее пухлых губ вырвалась мольба.

Мое сердце пропустило удар, и ярость, которая терзала мое тело, успокоилась.

Очевидно, я принадлежал ей.

Я пробежался большим пальцем вдоль ее челюсти и мягко улыбнулся. Ее глаза всматривались, умоляли. Все в ней было идеально и прекрасно.

Мою грудь сдавило.

Черт. Я так сильно влип.

— Элина, — прошептал я, прежде чем коснуться своими губами ее.

Утверждение.

Она была единственной, кто прикасался ко мне за эти годы, единственной, кто заставлял меня чувствовать.

Опустив голову, она встретила мой взгляд, ее нежные пальцы порхали по моему лицу.

— Только ты, — тихо пробормотала она.

Тыльной стороной руки я гладил румянец на ее щеке. Ее рот приоткрылся, и она прильнула к моим прикосновениям. Наслаждение на краю моего сознания дразнило меня. Это было нашей иллюзией, где я хотел жить, пока не умру. Где все было обманом, кроме наших секретов, которые мы шептали друг другу в ночи.

Я подвинул свои руки и колени, согнул локти и опустил свои плечи вниз, поцеловав ее нежно, медленно. Я не хотел, чтобы это заканчивалось, никогда. Наши языки дразнились.

Я наслаждался этой фантазией.

Эли взяла мое лицо в ладони, легонько царапая своими ногтями щетину, покрывающую мои скулы, ее улыбка была милой. Покалывание распространялось по мне, вспыхивая потребностью в ней, которая, казалось, никуда не уйдет.

Нежные руки блуждали по моим плечам, опускаясь к спине, неторопливо, как и наши поцелуи. Мое дыхание участилось, когда она провела двумя указательными пальцами над поясом моих джинсов, погружая их в две ямочки, выглядывающие чуть выше моей талии.

Пламя охватило мою уже разгоряченную кожу.

Боже, эта девушка заводила меня. Невинностью, нежностью и всеми этими сексуальными штучками.

— Эли, что ты делаешь? — забеспокоился я.

Она покусывала мой подборок и заигрывала с краем моей футболки, перед тем как прижать свои маленькие ладони к моей спине и скользнуть ими по коже, захватив по пути футболку.

Я перенес свой вес на локти и наклонил голову, чтобы избавиться от футболки, пока Эли стягивала ее с моей головы. Она тихо хихикнула, пока делала это. В ее улыбке было что-то невинное. Это вывело меня из равновесия, и я поцеловал ее снова, не в силах остановиться. Прижался своей голой грудью к тонкой ткани, скрывающей ее грудь.

Я провел руками по ее бокам. Дернув низ ее майки, отстранился достаточно, чтобы майка проскочила между нами. Наши руки запутались, когда я стаскивал ее.

В тусклом свете ее волосы были глубокого черного цвета, а глаза обжигающе зеленого. Мгновение я просто смотрел на нее, накручивая прядь ее волос себе на указательный палец. Соединяя нас. Я не понимал, почему привязывал себя к ней, так, я чувствовал, будто я дома... даже если дом — это то, что я разрушил очень давно.

Эли просто смотрела, ее горло задрожало, когда она сглотнула, и какое-то сомнение мелькнуло на ее лице. Дрожащими пальчиками, она потянулась к моей нижней губе, лаская ее.

— Я твоя, Джаред. Возьми меня.

Глубоко внутри, я метался, поскольку внутри бушевал гнев, нужда и сломленный дух, который впервые ощущался будто был цельным. Страх отбивал постоянные стуки и сковывал мое сердце. Танцую с чувством вины, стыда от того, что я уже понимал, собирался сделать.

Потому что каждая часть меня знала, что это чертовски неправильно.

Все, за исключением той части, в которой я знал ее, хотел ее. Той части, в которой я утопал в желании, которое громко кричало, что любой удар страха или боли был хуже, чем любая вспышка стыда.

Та часть, которая знала, единственное, что имело значение — это Эли.

Моя Эли.

Я поднялся на колени, наклонился к ее шортикам и спустил вниз вместе с трусиками по ее стройным ногам, и бросил их на пол.

Эли облизала свои губы, ее грудь вздымалась и опускалась, судорожно дрожа, взгляд был пристальным.

— Джаред, пожалуйста, ты нужен мне.

Желание выстрелило в меня, когда я посмотрел на нее полностью обнаженную, лежащую на кровати, это стало чем-то вроде передышки перед бурей, которая управляла моей жизнью. Голодным взглядом, я проследил изгиб ее шеи, пышность груди, бедер. Ее колени были согнуты, ноги раздвинуты, руки закинута за голову, где развивались волосы, обрамляя ее

прекрасное лицо.

Без сомнения, она была самой красивой девушкой, которую я когда-либо видел. Но сегодня, глядя на нее, я чувствовал что-то другое, чувствовал, как будто смотрю на жизнь. Еще одна ложь.

Я поднялся с кровати и сбросил остальную часть своей одежды.

Маленькая улыбка коснулась уголка ее губ, пока она смотрела на меня. Доверие, которое я не заслуживал, вытеснило страх с ее лица.

Раздвигая ее колени шире, я залез обратно на кровать и устроился между ее бедер. Медленно поцеловал, пока мое тело кричало. Я отодвинул одну руку, а другой схватил ее лицо, лаская большим пальцем соблазнительную щечку, пытаюсь найти в ее глазах любой знак, чтобы я мог остановиться.

Ее рот приоткрылся, а кожа покрылась румянцем. Эли выгнула спину, вынуждая свою грудь прижаться к моей, ее шея вытянулась, как будто просила моих прикосновений. Она приподняла свой подбородок в мольбе, принося себя в жертву мне.

— Я твоя, — пообещала опять она.

Потребность обрушилась на меня, возрастая и мчась. Я застонал в ее шею и поцеловал чувственную кожу. Носом я прошелся по контору ее челюсти, потом схватил за затылок. Пальцами зарылся в ее волосах. Нежно поцеловав впадинку под ее ушком, я опустился к полной груди, пожирая ее кожу, насыщаясь чистотой, вбирая все хорошее.

— Пожалуйста, — просила она, приподнимая свои бедра.

Напрягаясь, мое тело умоляло, борясь с нерешительностью. Я находилась рядом с ее киской, бесстыдно терся об ее тепло, я прижался к ней ближе, чем мы когда-либо были.

Я сжимал ее в своих объятиях, пальцы массировали кожу на затылке, мой голос был похож на хрип.

— Эли, ты уверена? Мы не обязаны это делать.

Она зарылась лицом в мою шею и пробормотала:

— Все, чего я хочу — это ты.

Было понятно, что я всецело потерялся в ней, и это не оставило мне выбора. Мы провели очень много ночей притворяясь, что в конце не окажемся в этой ситуации. В эти ночи мы всего лишь пробовали удовольствие, но я знал, сейчас время пришло.

Я видел розовые упаковки таблеток в ее ванной тысячи раз. И я был чист. Я проверился на все дерьмо сразу, как стал спать в ее кровати. Нет ни единого шанса, что я буду рисковать заразить ее какой-нибудь дрянью.

Мой живот скрутило, и я дернулся назад, пока не расположился поудобнее у ее входа. Я слегка нажал на него, позволяя ее теплу послать стремительную дрожь по моему позвоночнику, и наблюдал за ее ртом и затуманенным взглядом, именно так я себе представлял это.

— Джаред, — Эли судорожно сглотнула. Ее пальцы вонзились в мои плечи. Я заметил, как по

ее телу побежали мурашки. Легкая улыбка тронула ее губы. — Я чувствую тебя.

Дерьмо.

Я вот-вот потеряю контроль. Я немного вышел из нее для того, чтобы войти глубже. Ноги Эли задрожали, и она подтянула их к моим бедрам.

— Оу, — ее лицо исказилось.

Бл*дь, я так сильно ненавидел себя за то, что делал. Мои колени затряслись, локти вонзились в кровать, а руки сжались в кулаки в ее волосах. Она была такой узкой. Болезненно узкой. Черт, я не мог дышать, пока медленно растягивал ее.

Разрушал ее.

Брал то, что никогда не должно было стать моим.

— Элина, — вылетело из моего рта.

Слезы собрались у нее в глазах и полоской стекали по обе стороны ее лица, скользя к раковине ее ушей, прежде чем исчезнуть в волосах.

— Черт, Эли, детка, мне так жаль... Я так чертовски виноват.

Дрожащая улыбка появилась на ее губах:

— Не надо, — прохрипела она. — Я хотела этого. Я хотела тебя. Это просто... все это... это идеально.

Капельки пота сверкал на ее лбу, прядки волос прилипли к влажному лицу. Я отбросил их назад, смотря вниз на девушку, которая определенно разрушила меня, пока смотрела на меня. Ее выразительные глаза сияли любовью.

Мы просто лежали.

Связанные, как одно целое.

Даже если я не верил в родственные души или в любое другое дерьмо, я все равно знал, что она моя. Я мог это чувствовать, эту связь с ней, которую не могу представить с кем-нибудь еще. Как мы подходим, это как дерьмовый пазл, в котором нет смысла, пока мы не подберем все части. Но это невозможно. Я не представлял счастливого конца, но даже если такое возможно, я все равно это разрушу. Как то, что я знаю, разрушаю ее сейчас.

Я оставался неподвижным, отказываясь шевелиться, пока она привыкнет к новым ощущениям, пока шок того, что я забрал у нее, пройдет. Ее неровные вздохи замедлились, а ноги ослабили свой захват на моих бедрах. Мои мысли металась, теряя контроль.

Я почувствовал, когда она расслабилась.

— Я твоя, — проговорила она одними губами.

И я взял ее. Мое тело напряглось, толкаясь и моля, пока ее — принимало и давало. Я толкался снова и снова. Наслаждался ее тяжелым дыханием, которое появилось из глубины ее горла, движение ее пальцев были похожи на порезы на моей коже. Наши тела горели, пот скользил

по нашим животам, пока я двигался в ней так, как никогда и ни с кем до этого. То есть, как много девчонок у меня было? Понятия не имею. Потому что все они с легкостью забыты. Но это... с Эли это было другим, и я знал, что никогда не забуду этого.

— Черт, Эли, ты ощущаешься так приятно.

Так хорошо. Идеально. Как будто она действительно моя.

С этими словами, она захныкала, и я отдал ей всего себя. Удовольствие завязалось у основания моего позвоночника и распространялось вниз по спине к бедрам. Я пульсировал, и блаженство разливалось по мне. Спазмы рванули сквозь мое тело, каждый нерв ожил. Мое лицо зарылось в изгибе ее шеи, я закричал, ее имя слетело с моего языка, это единственная чертова мысль, которая имела значение. Задыхаясь, я искал воздух, пахло восхитительным кокосом, свежестью и девушкой. Я сжал ее, скрывая лицо в ее тепле, приближая еще ближе, чем было прежде.

— Эли, — шепот вырвался из моего рта.

Моя Эли.

Я намотал на палец ее волосы.

Я сдался, добившись ее комфорта.

Теперь неприятностей не оберешься.

Глава 18

Элина

Джаред занимался со мной любовью. Будто завершая меня.

Мы лежали на боку, лицом к лицу, его теплая рука прижималась к моей щеке.

— Ты такая красивая, — нежно целуя, пробормотал он.

Меня переполняли эмоции, заполняя сердце и распирая грудь.

— Ты в порядке? — спросил Джаред, пытаясь прочесть ответ по моим глазам.

Моргнув, я прошептала:

— Да, — и это было правдой. Я была в порядке, пока он здесь.

Был вечер пятницы, я стояла перед телевизором в гостиной, играя в «Звезда танца». Веселье пузырилось внутри меня. Из колонок, расположенных вокруг телевизора, гремела музыка. Я стояла и удивленно смотрела на танцующего героя на экране, тщетно пытаясь понять, почему не могу заставить ноги поспевать за мозгом, пока старалась повторить его движения. Джойстик был в левой руке. Мигающая лампочка сенсора прекрасно заменяла микрофон. Без угрызений совести, я запела «Танцуй с собой» Билли Айдола в импровизированный микрофон.

Я ужасно фальшивила, хоть убей. Но мне было все равно.

Меган скакала рядом. Ее блондинистые волосы пролетали перед моим лицом. Она вращала головой как-то необычно.

Кристофер сидел на диване позади нее. Меган отпрыгнула, назад, раскачивая ягодицами перед его лицом.

— Это твой долг трясти своими булками, — извиваясь всем телом, пела она, глядя на мои тщетные попытки попасть в такт песни, чтобы набрать очки.

Да, они с Кристофером перебрали текилы.

Кристофер закрыл лицо руками, смеясь так сильно, что повалился на бок на диван.

— Пресвятой ад, вы обе просто ужасны.

Показав ему язык, я повернулась и запела песню еще громче, прямо в лицо Меган, удерживая микрофон так, чтобы она могла подпевать. Мы отказались от специальных движений и начали свободно и расслаблено импровизировать.

Смех опережал слова, которые я пыталась спеть. Я никогда так не веселилась. Я была счастлива, но никогда не знала, что такое быть любимой. Это чувство проникало в мой костный мозг, распространяясь по всему телу.

Джаред не говорил мне, но я знала, что он любит меня. Я чувствовала это, даже когда было понятно, что это, что-то невозможное для его понимания. Что-то, в чем он не признается себе. Но я приняла его с тем грузом, который у него был, этого прекрасного разбитого парня, который заслуживал каждого прикосновения, которое я давала, и дорожила каждым прикосновением, которое он возвращал.

Джаред сидел на другой стороне дивана с бутылкой пива, небрежно вытянув перед собой ноги. Игривые голубые глаза искрились весельем, пока он наблюдал за нашими танцами посреди комнаты.

Почти месяц прошел с нашего первого раза, когда он занимался со мной любовью. Каждый день с тех пор, мы исследовали руками и языками тела друг друга, но этого всегда было недостаточно.

Первый раз был ошеломляющим. Болезненным. Как физически, так и эмоционально. В тот момент что-то изменилось внутри меня. Пленило меня.

Эмоционально я осталась той же, и что-то сильно разлилось внутри меня, как пожар. Думаю, теперь я жажду эти чувства.

Но физически... Я, наверное, никогда не смогу понять, что еще может ощущаться так же хорошо.

Покачиваясь из стороны в сторону, я передернула плечами, наклоняясь до уровня его лица. Мягко засмеявшись, он отвернулся. Определенно, Джаред был очень смущен, чтобы продолжать смотреть на меня, не ставя себя в глупое положение. Проведя рукой по подбородку, он повернул свое прекрасное лицо ко мне, застенчиво улыбаясь, из-за чего в животе запорхали бабочки. Во всем этом было что-то немисливо сексуальное. Я была очень

близка к тому, чтобы разболтать все о нас Кристоферу.

Мне не нравилось скрываться.

Все, что я хотела сделать — это взять его лицо в свои ладони и поцеловать.

Вместо этого я взяла его за руку.

— Давай, потанцуй со мной, — я пыталась перекричать, орущий на полную громкость, телевизор.

Джаред застенчиво покраснел, и тень улыбки тронула его прекрасные губы. Он затряс головой.

— Ни за что, Эли. Я не танцую.

Я слегка потянула его:

— Пожалуйста.

— Никогда, — добавил он, слова были категоричными, но его глаза по-прежнему светились.

— Ты ожидал, что мы с Меган будем торчать здесь и развлекать вас двоих всю ночь? Давай, пожалуйста, — я почти умоляла, дергая его за руку. Думаю, я тоже выпила лишнего.

Он в недоумении покачал головой, не в силах поверить, что собирался сдаться.

— Хорошо.

Подняв его на ноги, я сверкнула победной улыбкой. В одной руке он держал бутылку пива, а пальцы второй руки небрежно переплел с моими.

Я танцевала вокруг него. Извиваясь, смеясь, напевая. Широкая улыбка вернулась на его прекрасное лицо, затем он поднял свою руку над моей головой и закружил меня. Не сдерживаясь, Джаред засмеялся и начал вращать меня сильнее.

Веселье окутывало меня.

Он был счастлив. Я видела это и чувствовала. Боже, я хотела этого для него очень сильно, для мужчины, о котором я так заботилась и надеялась, что есть шанс исцелить его. Я улыбнулась, не в силах сдержать чувства, которые были написаны на моем лице.

Двигаясь между нами, Меган толкнула меня в сторону и заняла мое место. Джаред развернул ее и закрутил вокруг. Она пихнула его бедрами, Джаред опустил ее руку и, танцуя, направился ко мне.

Меган знала, что происходит между нами. Пару недель назад я наконец-то призналась ей, что сплю с ним. Рассказала, что он приходит в мою комнату каждую ночь. Конечно же, она не была удивлена. После того, как Меган увидела нас вместе на Дне Независимости, она сказала, что не понимает, почему этого не произошло раньше.

Даже если Меган и была пьяна, то оставалась в сознании, ее взгляд метнулся от меня к Кристоферу и вернулся ко мне.

Предупреждая.

Это было очевидно.

Сегодня, меня ничего не волновало. Как может быть неправильным то, что я с Джаредом?

Все же я отошла и повернулась к Кристоферу, взяв его за руку. Мой сумасшедший брат был настолько пьян, что едва стоял на ногах. Он охотно согласился, не то, что Джаред. Кристофер никогда не упустит своего шанса.

Джаред пополз обратно к дивану, с радостью наблюдая за нашим глупым весельем. Остальные танцевали, пели и пили до глубокой ночи.

Наконец Кристофер крикнул, что с него хватит и, пошатываясь, побрел в свою комнату.

Неохотно пожелав Джареду спокойной ночи, я удалилась в свою спальню с Меган. Сегодня была первая ночь, которую я проведу без него, но я скучала по своей подруге. Мы с Меган раньше постоянно были вместе, она тусовалась здесь со мной, оставаясь на ночь. Кристофер получил хороший подзатыльник, когда первое время дразнил нас, что мы спим вместе.

Меган присоединилась ко мне и свернулась на своей стороне кровати, прижимаясь спиной к стене, а щекой устроилась на моих руках.

Растянувшись на своей стороне, я улыбнулась ей и засунула подушку под голову.

— Я так рада, что ты пришла. Было весело.

— Да, и правда было круто, — она закусил губу. Понимающие глаза метнулись к двери, ее голос был нежным: — Ты любишь его, Эли?

Я посмотрела на свою лучшую подругу, не понимая, почему так долго скрывала свой секрет. Не зная, почему все еще это делала.

— Очень сильно, — прошептала я. Слова прозвучали так, будто это ранило меня, но в действительности, так и было.

Она моргнула, пытаясь переварить информацию.

— Ты другая с ним.

Я посмотрела в сторону, потом обратно на нее.

— Это плохо или хорошо?

Она немного съежилась, казалось, что не хочет отвечать.

— Думаю и то, и то. Возможно, это потому, что долгое время я наблюдала за тем, как ты никого не подпускала к себе, и теперь непривычно видеть тебя такой. Это меня немного беспокоит. — Ее глаза были широко открытыми и искренними. — Я всего лишь хочу, чтобы ты была счастлива, вот и все.

— Я счастлива.

Она кивнула, но на ее лице остались следы беспокойства. Мы вдвоем замолчали, потерявшись

в мыслях.

Меган очень скоро заснула. Ее тихое посапывание заполнило комнату.

Я уставилась в темный потолок и попыталась заснуть. Зная, что ничего не выйдет.

Наконец, я встала и на цыпочках прошла в гостиную. Царила кромешная тьма, тяжелые шторы были задернуты. Когда мои глаза привыкли к темноте, я направилась туда, где точно знала, был он.

Тяжелые, отчаянные вдохи наполняли комнату, страх окутывал его, когда он пытался уснуть. Я знала это, потому что находила его здесь каждую ночь, трясущимся, дрожащим, скрывающим свою боль.

Я хотела забрать ее.

Медленно, я забралась на диван, перекидывая ногу через его талию. Джаред дернулся и поднял голову, его крепкий плоский живот напрягся. Шершавые руки легли на мои бедра.

— Что ты здесь делаешь? — резко спросил он.

— Я скучала по тебе, — ответила я.

Я почувствовала его ладони на своем лице. Его пальцы гладили мои волосы.

— Ты не должна быть здесь, Эли.

Я наклонилась ниже, опираясь на руки с обеих сторон от его лица.

— Я не стыжусь нас, Джаред, — настойчиво прошептала я, обращаясь к теням, что омрачали его лицо.

Его рука сжалась в кулак в моих волосах.

— А должна бы.

На следующий день, пока я принимала душ, пар заполнил ванную. Струи горячей воды ударили по моим плечам, каскадом спускаясь вниз по спине. Ручейки стекали тонкими линиями, змеились по моим ногам и спускались на пол в душе. Я намылила мочалку и терла кожу, ощущая бодрость, пока горячая вода медленно проясняла мою голову.

Меган ушла полчаса назад.

Все спали, мы с Меган сползли с кровати почти в полдень. Джаред еще спал, его волосы торчали в разные стороны. Когда мы вышли из комнаты, он поднял голову и уныло покосился на нас. Его страдальческое выражение не шло ни в какое сравнение с моим. Уверена, Меган будет разбитой сегодня весь день, она проснулась со стоном и долго закрывала кулаками глаза, прячась света.

Я спросила у нее, чего же она ожидала, выпив текилы в половину своего веса этой ночью.

Смыв мыло, я выключила душ и порылась за шторкой в поисках полотенца. Прижав его к своему лицу, довольно вздохнула.

Существовало всего несколько вещей, которые были лучше, чем горячий душ.

Моя кожа окрасилась румянцем, когда воспоминания о прикосновениях Джареда заполнили мой разум. Иногда я не знала, что делать с мыслями о нем, как он заставлял меня чувствовать, или то, что он заставлял меня хотеть.

Я вытерлась, нанесла лосьон на ноги и надела шорты с футболкой. Протерев запотевшее зеркало, медленно расчесала волосы щеткой. Сегодня было первое воскресенье за долгое время, когда я не работала, и с нетерпением ждала провести день с Джаредом, все равно в качестве кого это будет.

Кто-то постучал в дверь, и я услышала голос Кристофера:

— Эй, Эли, я собираюсь сгонять до магазина. Тебе что-нибудь нужно?

— Эм... еще апельсинового сока. Я только что выпила последний, — крикнула я в ответ.

— Хорошо, — и он ушел.

Тридцать секунд спустя, раздались два тихих удара в дверь, их разделяли две секунды, как молчаливый призыв. Мое сердце учащенно забилося. Я повозилась с замком и открыла дверь. За дверью в ожидании стоял Джаред.

Он казался раздраженным сегодня утром, и я подумала, что виной всему похмелье. Но сейчас он был нервным. Джаред впился взглядом в мое тело и осмотрел с ног до головы, его взгляд был проникновенным от неконтролируемой энергии. Голодный. Притягательный.

— Я думал, что он никогда не уйдет.

В его голосе было что-то такое, что заставляло мой желудок сжаться. Когда он пересек порог и закрыл за собой дверь, меня пробил озноб.

— Я почти умер, пытаюсь заставить тебя одну все утро, — сказал он хриплым голосом, и тяжело сглотнул. — Я так чертовски сильно нуждаюсь в тебе, Эли.

В животе запорхали бабочки.

Его сильное тело прижалось ко мне. Одной рукой, схватив меня за затылок, другой он массировал мое бедро, переходя на попу, грубо притягивая к себе.

Его рот обрушился на мой.

Решительный и жестокий.

Я издала нерешительный вздох.

Джаред отстранился, а его голубые глаза обжигали огнем и льдом.

Его руки обхватили мою талию. Приподняв, он посадил меня на столешницу умывальника, и, прижавшись ко мне всем телом, застонал.

Я извивалась, не в состоянии контролировать то, что Джаред делал со мной.

Из его горла вырвался стон. Отступив на шаг назад, он схватился за ворот футболки и стянул ее через голову.

Я отчаянно закусила губу, втягивая живот, пытаюсь уравновесить свой вес и чувства, которые вызывал Джаред. Он дерзко посмотрел на меня. Покалывание разлилось по всему телу и расцвело румянцем.

— Ты сводишь меня с ума, — хрипло прошептал он и медленно двинулся вперед, избавляя меня от лифчика, после чего его пальцы вернулись к расстегиванию пуговиц на моих шортах. Облизав губы, медленно стянул их вниз по моим ногам и вернул свои руки обратно к внутренней стороне моих бедер.

— Я люблю твои ноги, Эли. Я мог бы провести всю свою жизнь в их плену.

И я хотела этого, хотела провести с ним свою жизнь, ту, которую он думает, что не заслуживает. Я задумалась о том, что он даже не понял, что его сердце говорит о вечности, в то время как разум отчетливо понимает, что это должно закончиться.

Я затаила дыхание, уверенная, что он должен отпустить это.

Я уставилась на него, не в силах смотреть в сторону, только в его сияющие глаза. Красота Джареда была мощной, тело совершенно, несмотря на все душевные изъязны.

Бабочки порхали и кружили, спускаясь в самый низ, к моему лону.

Он подцепил пальцами мои трусики и медленно стянул их. Пульс участился, тело ныло, молило. И опять, Джареду понадобилось всего лишь две секунды, чтобы лишить меня какого-либо контроля.

— Пожалуйста, — хныкала я.

Джаред зарычал. Его лицо изменилось, и горячие руки агрессивно раздвинули мои колени в стороны. И его рот оказался на мне.

Перед глазами все поплыло. Отчаянно, мои пальцы погрузились ему в волосы, накручивая, удерживая, сжимая. Каждый сантиметр моего тела просил. Я подумала, что возможно, должна стыдиться и пытаться сдерживать невнятные крики, что срываются с моих губ. Но не было и части меня, где я могла бы найти стыд.

Не с ним.

— Пожалуйста, — умоляла я снова.

Он коснулся меня, уверенные пальцы заполняли меня самым изумительным способом.

Я извивалась, дойдя до отчаяния. Удовольствие поднималось и мчалось, распространяясь, насыщая каждую клеточку моего тела. Но этого было не достаточно. Никогда не будет.

Я нащупала молнию его джинсов и, стянув с бедер, освободила от всех преград. Джаред стянул джинсы и откинул их в сторону.

Он вошел в меня одним мощным толчком.

Мой рот раскрылся в беззвучном крике, и я ногтями вцепилась ему в спину. Руки Джареда устремились вверх к моим ягодицам, извернувшись так, чтобы схватить меня за бедра. Мои колени задевали его предплечья.

— Красавица, — прохрипел он. Джаред брал меня жестко и сильно, затем мучительно медленно, ни на минуту не отводя взгляда от моего лица, как бы соблазняя и дразня, подводил к грани. Наши тела ударялись и напрягались, хватались и прижимались.

— Джаред, пожалуйста... не надо... просто...

Он понял мою просьбу и ускорился, наполняя меня снова и снова.

— Эли, детка, — стонал он.

Оргазм пронесся ошеломляющей волной, ослепляющим блаженством сквозь мою киску и сорвался с моих губ мучительным стоном.

— Черт... Эли... — кристально голубые глаза засверкали, как дикие. Он прижался своей грудью к моей, и убрав руки с бедер, схватился за столешницу. Движения Джареда были жесткими и карающими, его тело содрогнулось, а дыхание участилось и сделалось поверхностным.

Я выгнулась навстречу, когда он кончил.

В зеркале на стене позади него, я видела, как он пытался восстановить дыхание. Видела шрамы на его спине, узоры отчаяния, и знала, что он может видеть меня в туалетном зеркале позади нас. Сквозь них, наши глаза встретились, почти робко, надеясь, что эта иллюзия вокруг нас будет длиться вечно.

Бесконечно.

Что-то похожее на муку заполнило его глаза. Он зарылся носом в мои волосы и прошептал около уха:

— Элина.

Я любила его.

Я любила его всем своим естеством.

Мы простояли в таком положении долгое время, не в состоянии двигаться, наши тела замерли. Мои пальцы блуждали, кружили и исследовали. Они спокойно расположились над пламенем на его правой руке. Здесь, под рисунком, кожа была очень гладкая, но по краям переходила в грубые рубцы, что чувствовались, как твердые шрамы.

Джаред глубоко вдохнул, затем со свистом выдохнул, в то время как я всматривалась в замученные глаза, которые корчились в огне. Лаская их своим взглядом, нежно прошептала:

— Это твои или её?

И казалось, я могла почувствовать каждый нерв, горевший в его теле, а мозг просто зафиксировал боль.

— Мои, Эли. Мои, — слова были пропитаны болью и агонией. — Это должен быть я, — пальцы впились в мои бедра. — Я, бл*дь, пытался все сделать правильно. Я пытался, — последние

слова вырвались, как вздох поражения.

Я хотела встряхнуть его, закричать «нет», сказать ему, что он ошибается.

Я хотела сказать ему.

Он взял мое лицо в свои руки и, закрыв глаза, поцеловал. Когда он их открыл, то выглядел так, словно произошедшего только что между нами никогда и не было.

— Тебе надо одеться. Кристофер должен скоро вернуться, — он наклонился и собрал мою одежду, вручив ее с вымученной улыбкой. — Я приму душ.

— Хорошо, — кивнула я, проглотив сдавившие горло эмоции.

Я смотрела на то, как отвернувшись, он забрался в душ, этот красивый мужчина, который разбивал мне сердце и в то же время делал его целым.

Быстро переодевшись, я остановилась и посмотрела туда, где он скрывался за шторкой душа. Было так много вещей, которые я должна сказать, но не имела понятия, как выпустить их из себя. Я не знала, причинят они ему боль или исцелят, убежит он или останется.

Я прошлась по квартире, проводя пальцами по своим влажным и запутанным волосам. И едва успела налить в стакан воды, как Кристофер открыл входную дверь.

Боже. Что я делаю? Скрываю все от своего брата, своей семьи... Скрываю, чего я действительно хочу для себя... Но как еще я могу быть с ним?

— Хэй, — крикнул Кристофер, открывая дверь.

— Тебе нужна помощь? — спросила я, ставя свой стакан на стойку и подходя к пакетам, которые он бросил около входной двери.

— Да, было бы здорово. Спасибо.

Наклонившись, я забрала несколько пакетов и остановилась.

Я замерла.

Кровь отлила от лица и понеслась к сердцу, через грудную клетку, сдавливая его. Это захлестнуло меня целиком, и я почувствовала слабость в коленях. Мое внимание привлекли двое людей на лестнице.

— Ох, прекрасно, вы оба здесь.

Мама вся сияла, когда наконец-то поднялась. Августин следовал за ней.

Напряжение сковало плечи Кристофера, когда он осознал, чей это голос, его мускулы слегка дрогнули, а глаза метнулись ко мне. Его паника была схожа с моей.

Быстро заморгав, Кристофер медленно поднялся и развернулся.

— Мам, Август, эй, что вы здесь делаете?

— Мы были неподалеку, по делам, и подумали, может, сможем захватить вас двоих, чтобы

пообедать вместе или еще что-нибудь.

Не колеблясь, мама схватила Кристофера в крепкие объятия.

— Я скучала по тебе.

Она стиснула его крепко, затем отошла и обняла меня.

Август и Кристофер пожали руки и похлопали друг друга по спине.

— Эй, чувак, как проходят тренировки? — спросил Кристофер.

— Здорово... действительно здорово. Не могу дождаться сезона, который, вообще-то, начнется на следующей неделе.

Болтая, Кристофер продолжал удерживать свой взгляд на мне, как бы прося помощи, растягивая время. Я могла видеть мольбу в его глазах. Но что мы могли сделать?

Кристофер хотел скрыть от нашего отца новость, что Джаред вернулся и остановился у нас. Но я не была уверена в реакции мамы.

Часть меня понимала, что мама должна знать. Но я не думала, что это правильный способ для нее узнать правду. Представила, как Кристофер отводит ее в сторону, рассказывая, что Джаред остановился у нас. Мама начала бы задавать вопросы, потом захотела бы его увидеть и потом медленно преподнесла информацию папе о его возвращении в город, о том, что он вернулся в нашу жизнь. Никто из нас не говорил о нем много лет, и я понятия не имела, что мама думала по этому поводу или что чувствовала.

Это было неправильно. Мы предали его, хранив молчание.

Но наша мама была доброй. Я знала это, и сейчас надеялась, что она сможет все понять.

Кристофер растер шею и наклонил голову.

— Слушай, мам, мне нужно поговорить с тобой кое о чем.

Определенно, Кристофер это тоже понимал.

— Я... — начал он, и я поняла, что мой брат собирается взять всю ответственность за ситуацию на себя. Он думал, что как-то принуждает меня, позволяя Джареду остаться у нас. Кристофер все еще думал, что я не хочу принимать участие в этой лжи, когда по правде, он был единственным, кто не подозревал, что Джаред неосознанно стал самым важным человеком в моей жизни.

Мама нахмурилась.

— Что происходит? — беспокоясь, она резко стрельнула взглядом в меня и вернулась к Кристоферу. Мгновенно она начала нервничать и переминаясь с ноги на ногу.

Душ заскрипел, когда его выключили.

Мама замолчала и перевела все свое внимание внутрь. Нахмутив брови, она рассматривала коридор нашей квартиры в направлении ванной.

Кто-то использовал наш душ, и это не было таким большим делом, но все же. Понимание этого дошло до нее, и она ощутила беспокойство, исходившее от нас с Кристофером.

— Кто здесь? — спросила она, входя в квартиру.

— Мам...

Джаред открыл дверь и вышел в коридор, одетый только в джинсы, вытирая полотенцем мокрую голову, и не обращая внимания, куда он попал.

Мгновенно его глаза встретились с мамиными, и он остановился как вкопанный.

Мама просто стояла, потерянная, вернувшись назад в прошлое. Приглушенное хныканье сорвалось с ее губ и руки взлетели ко рту.

— Джаред. О боже, Джаред, это ты?

Слезы текли по ее лицу. Понадобилось несколько секунд, что бы она пришла в себя. Мама бросилась через всю комнату, обернула руки вокруг него, обнимая, пока он оставался безвольным в ее объятиях. Она отошла и, обезумев, схватила его за щеки, пыталась убедиться, что он действительно тут.

— Это ты... О мой бог... это ты. Я уже думала, что никогда тебя не увижу.

Мама плакала, вцепившись в него, как будто он мог исчезнуть.

Через всю комнату я уловила выражение его лица.

И была уверена, что он может.

Глава 19

Джаред

Холод сковал мои вены. Ее лицо замелькало перед глазами, как будто она застыла во времени. Каждая картинка поражала меня, мучила и врезалась в разум, как бесконечное наказание, посланное издеваться надо мной.

Забавная.

Улыбчивая.

Она всегда была такой: улыбчивой, забавной, любящей.

Она была красивой.

Доброй.

А я потушил ее свет. Растоптал розу ногами.

Пытаясь вдохнуть, легкие обожгло огнем. Пламя схлестнулось со льдом, кожу покалывало, боль разрывала меня изнутри. Я всегда разрушал все хорошее.

Сейчас, мама Эли, Карен Мур, цеплялась за меня, будто наблюдая возрождение из мертвых.

Все, что я мог сделать — это стоять здесь, желая исчезнуть, как можно скорее.

Зажмурив глаза, я старался блокировать все, что пыталось вырваться.

Я не понимал, что такого было в Карен Мур, что так напоминало ее. Может, то, что они были лучшими подругами. Или, потому что когда я рос, она была мне второй мамой. Возможно, это было, потому что она вызывала так много воспоминаний, преследовавших меня по ночам, такая же забавная и улыбчивая.

Неведомая сила влекла меня к Эли, и мои глаза разыскали ее. Она все еще стояла около двери, со страдальческим лицом. Это выражение, говорило, что она со мной, что она действительно, черт возьми, понимает меня.

Хорошая.

Возможно, это она. Может, это был ее способ обнажить мою душу и разрушить меня.

Черт.

К моим щекам прижимались теплые ладони. Я ненавидел, что это ощущалось как приветствие, прощание и то дерьмо, которого не могло быть, будто она тоже понимала меня, и все, что я мог сделать, это не выпустить все из-под контроля. Стиснув зубы, я делал все возможное, чтобы не отпустить свое дерьмо. Я балансировал на грани этого гребаного обрыва, и когда упаду, я знаю, заберу с собой тех людей, о которых забочусь.

— О мой бог, Джаред, где ты был? Как давно ты тут? Почему не сказал мне? — вопросы сыпались изо рта Карен быстрее, чем слезы скатывались по ее лицу. Пробежавшись глазами по квартире, в поисках подсказок, ее ласковый взгляд карих глаз вернулся обратно ко мне, глаз, что напоминали мне о стольких вещах.

Чувство вины обрушилось на меня, разжигая беспокойство. В сознании зарождалась тревога, сжимая мою челюсть и скручивая руки. Голова чертовски пульсировала. Эта система предупреждения сигналила так громко, как никогда, крича мне удирать. Видимо на этот раз, я был с ней согласен, потому что все, что мне хотелось, это собрать свое дерьмо и свалить.

Кристофер почесывал затылок, он всегда так делал, когда находился в затруднительном положении.

— О, мам, именно об этом я и хотел с тобой поговорить. Несколько дней назад, я встретил Джареда и предложил ему остаться у нас, пока он проездом в городе.

Проездом.

Ложь получилась такой легкой, бегло прикрывая то, что на самом деле я жил у них около трех месяцев. Он предупреждающе взглянул на меня, говоря, что я могу его исправить, как бы давая мне выбор. И я мог исправить его. Парень всегда прикрывал мою спину, пока я, непрерывно, изо дня в день, кормил его ложью.

Я почти выплюнул слова:

— Да... просто проездом.

Лицо Эли скривилось от боли, как будто я ударил ее в живот, но я не мог спорить с

утверждением Кристофера. Стыд накрыл меня со всех сторон, высасывая из комнаты весь чертов воздух.

— О, — Карен нахмурилась. — Что ж, я очень рада тебя видеть, — поправляя одежду, она сделала шаг назад, как будто раскрыла тот факт, что я был близок к отчаянию. Вытерев слезы под глазами, напряженная улыбка коснулась ее дрожащих губ.

— Это было так давно. Как долго ты здесь пробудешь?

Не в силах ничего сделать, я бросил беспомощный взгляд в сторону Эли. И, конечно же, попал в ловушку. Она была в моей прямой видимости, как спасательный круг, покачивающийся на воде, только вне досягаемости, в то время как я медленно тонул.

Я едва ли мог говорить, сквозь застрявший чертов ком в горле.

— Недолго, — сказал я и каким-то образом знал, что это правда, потому что чувствовал, как он формировался. Крах.

Я не должен иметь этого.

Потому что я задолжал жизни.

Я сидел на пустыре, позади находилось то же самое безлюдное здание, в котором я пытался найти себя, почти так же, как три месяца назад, в ночь после того, как первый раз столкнулся с Эли на кухне. Откинувшись на шершавую штукатурку стены, я качал головой в разные стороны. Алкоголь затуманил мой разум, погружая в удушающую депрессию, как будто я был похоронен заживо. Но это не избавило меня от видений, вращавшихся в голове непрерывным видеороликом, с той секунды, как Карен Мур перешагнула через порог.

Надавив кулаками на глаза, я пытался заблокировать видения. Цвета замерцали, видения потоком ворвались невыносимо ярким светом. Я завыл в тишину.

Чертов спусковой крючок.

Все они.

Задыхаясь, я вцепился руками в волосы и спрятал лицо между коленями. Черт, горло жгло словно огнем.

Чего я ожидал, вернувшись сюда? Именно этого я хотел, не правда ли? Наказать себя еще больше? Потому что, не было другого, чёртового, объяснения тому, что я вернулся сюда.

Внезапно, перед глазами появилось лицо Эли. Мои веки были плотно сжаты, но видение цеплялось, как будто не хотело уступать дорогу тому, что разрушит меня. Девушка, была сродни секундному облегчению, на фоне заслуженного невыносимого наказания.

Боже, я хотел, чтобы это была она. Эта мысль взорвала мою реальность, мысль, что может быть что-то большее, черт побери... может, я действительно хочу быть там.

Прислонившись головой к стене, поднял лицо к туманному ночному небу.

Но это была, всего лишь, фантазия, а не, своего рода, сказка.

Я не стал счастливее.

До сих пор, я не хотел думать об уходе. Мне нужно было почувствовать ее. Всего лишь на несколько минут, я хотел позволить ее прикосновениям забрать боль.

Спотыкаясь о собственные ноги, я пошел обратно в квартиру.

Было поздно. Город спал, тишину нарушал только гул машин и фур, несущихся по шоссе.

Карен и Августин еще час оставались в квартире, где был полный ад. Эли предполагала, что вместо того, чтобы уйти, мы останемся и все наверстаем, поэтому вместе со всеми, я сел за стол на кухне. Натянув свою лучшую улыбку, я выдавал дебильные ответы на глупые вопросы Карен, которые она задавала. Собственно, она ходила вокруг да около тех вопросов, которые ей действительно хотелось задать. Все время я сидел с желанием убежать. Если еще хоть на секунду, я останусь в пределах этих стен, я точно перейду эту грань.

На протяжении всего времени, Эли щедро проявляла нежность, и от этого, я чувствовал себя только хуже. Но на этот раз, нежность была не в ее объятиях, а в том, как ее глаза непрерывно смотрели в мои, и она отважилась держать меня за руку под столом. Как будто она говорила мне, что все хорошо, и что она понимает мучения, которые принесла ее мама, когда переступила через порог.

Но как мурак, я за секунду, попрощался с Карен и Августином.

Я знал, Эли умирала от желания поговорить со мной, но Кристофер был здесь, и она мало что могла сделать, хотя ее просьба исходила из каждой клеточки ее тела.

Останься.

Она должна знать, что я не могу.

Ссутулившись, я засунул руки в карманы и зашагал к квартире, от которой меня отделяло только одно здание. Влажность ночи липла к коже. Свет города освещал почерневшее небо, притягивая небеса слишком близко к поверхности моего облажавшегося мира.

Большую часть ночи я провел в «Вайн», прежде чем оказаться в пустующем здании. Я снова оказался дураком, думая, что есть какой-то способ заглушить прошлое. Но не имело значения, что я делал. Я никогда не мог обогнать его, спрятаться хоть на миг. Я мог бороться за все, чего хотел, но это никогда не изменит то, кем я был и что сделал.

Скептический смешок сорвался с моих губ. Все эти ночи я врал Кристоферу, говоря, что проводил их в «Вайн», когда на самом деле запирался в комнате Элли, терялся в ее комфорте и ее прикосновениях, и все, чего я хотел, было реальным. Если бы в первую ночь я остался в баре, ничего из этого не случилось бы. Если бы я просто сказал Кристоферу «нет».

Я никогда не должен был приезжать. Ни в этот город. Ни в эту квартиру.

И, безусловно, я не должен был приходить к ней.

Сейчас, она была единственным, в моей жалкой жизни, чего я хотел. Единственное, что я никогда не смогу иметь.

Без сомнения, пришло время уезжать. Ради всего хорошего. Но я никогда не утверждал, что не был дураком, и хотел получить еще немного.

Заставив себя подняться, я взобрался на высокую стену и перепрыгнул на другую сторону. Тяжело приземлившись, я заворчал. Почти весь комплекс спал, и, пересекая парковку, я поднял лицо к душному воздуху и глубоко вдохнул.

Я мог чувствовать, как тревога заполняла воздух, темная энергия, которая окутывала меня, требовала, чтобы я вернулся в небытие, где находился.

Но бл*дь, я хотел не этого.

Поднявшись по лестнице, я вошел в тихую квартиру. Дверь в комнату Кристофера была настежь открыта.

Успокоив дрожь в ногах, я прокрался по квартире. Остановившись у двери Эли, попытался сконцентрироваться на чувствах, которые действительно испытывал.

Когда я первый раз пришел сюда, я чувствовал только злость.

Сегодня, я чувствовал только чертову печаль.

И я знал, это была она.

Она.

Повернув ручку, я прокрался внутрь ее комнаты.

Ночь просачивалась в окно, играя тенями на стене. Эли лежала, развалившись по всей кровати, ее тело было слегка повернуто. На ней были маленькие кружевные трусики и соответствующий белый топик. Темные, густые волосы сбились в кучу, длинными прядями спускаясь вниз.

И ее лицо...

Я потер свою грудь.

Она была так красива, и эта красота ранила. Так чертовски сексуальна, прекрасна и хороша. Как сияющий свет во мраке, который освещал во мне что-то, что уже так давно было мертво.

Заперев за собой дверь, тихо пересек комнату, чтобы не разбудить ее. Я просто смотрел на нее, пока медленно раздевался до трусов.

Мне нужно почувствовать ее.

Боже.

Мне нужно почувствовать ее.

Кровать прогнулась, когда я медленно опустился позади нее и притянул в свои объятия. Облегчение волнами затопило меня, как если бы я мог вынырнуть на несколько минут на воздух.

С ее губ сорвался довольный вдох, а щека устроилась на моей груди.

— Джаред, — с облегчением выдохнула она. Нежные пальчики проползли через грудную клетку, пока не сцепились на противоположной стороне.

Я глубоко вдохнул, запоминая совершенство, что держал в своих руках. Она уничтожит меня таким образом, которым я никогда не должен был ей позволять. Последний месяц был как чертов сон, которому я должен был дать шанс на жизнь.

Притянув ее к себе, я зарылся носом в ее волосы.

Но это было всего лишь...

Мечтой.

Я не могу иметь этого.

Эли приподнялась на локтях и искрение, зеленые глаза открылись.

— Я беспокоилась за тебя, — ее голос скрипел, пока она искала мое лицо в сумерках комнаты.
— Я пыталась дозвониться до тебя.

С силой моргнув, я пытался избежать той боли, с которой не знал, как справиться.

— Я ненавижу, что ты переживаешь за меня, — я посмотрел на нее, зная, что это одновременно ложь и истинная правда.

Эли прильнула к сгибу моей руки. В ее тепле, невозможно было не найти комфорт. В течение нескольких секунд, она прижимала меня к себе, путешествуя мягкими пальцами по голой груди. Казалось, что она колебалась, прежде чем медленно поднялась на руки и колени, оседлав меня. Она просто повисла надо мной, смотря на меня так, как будто я значил для нее так много. Когда она на меня так смотрела, то видела вещи, которые не должна была видеть.

Я имею в виду, черт, да я точно знал, что она видела. Я знал это. Я знал, что она видела те вещи, которых там не было в действительности.

Глядя мне в глаза, она медленно опускалась вниз до тех пор, пока не коснулась губами розы, в центре моей груди.

— Ты скучаешь по ней, — прошептала она.

Я хрипло задышал, когда ее слова ударили меня. Мое сердце сжалось, так чертовски сильно, и я пытался дышать через боль, сковавшую грудную клетку. Воспоминания, которые я весь день блокировал, нахлынули на меня. Эли разрушила все барьеры, которые я так чертовски старался удержать на месте.

Спусковой крючок, и я был бессилен против него.

Я подумал, может, мне стоило разозлиться на нее за то, что сказала что-то до смешного очевидное. Но я не мог. Потому что в ее словах было все, что я хранил втайне. Это была не жалость, или какая-то, бл*дь, слабая попытка сочувствия, которую я даже не нуждался.

Эли понимала.

Сжав ее волосы в кулак, я притянул ее ближе, потому что мне нужно было видеть ее.

Я нуждался в ней. Каждую чертову секунду, каждого чертового дня.

Страх накрыл меня с головой. В горле пересохло, но слова, что мучили годами, искали свободу. Я не мог остановить себя от разговора, рассказать Эли, потому что нуждался в этом:

— У меня нет права, Эли, но я скучаю. Я так по ней скучаю. Я бы сделал все... отдал все... чтобы вернуть все назад.

Печаль омрачила ее лицо, и я ненавидел, что был этому причиной. Я так много раз предупреждал, что ей не нужно мое дерьмо. Что мне нечего дать взамен, я только беру. А я, бл*дь, брал, брал и брал.

И я снова здесь, разрушаю что-то хорошее.

Когда я остановлюсь?

Меня переполняли эмоции: вина, злость, страх.

Эли опустилась вниз и снова поцеловала розу. Стиснув зубы, мои руки, как тиски, сжались в ее волосах, пока она ласкала след моего греха, полностью скрыв его своим ртом и дыханием, осыпая меня всем, чего я не заслуживал.

Приподнявшись, в ее глазах блестели невыплаканные слезы.

— Я здесь для тебя, Джаред. Ты знаешь это, правда... Ты можешь поговорить со мной. Можешь рассказать мне, — бубнила она, почти не переставая. — Пожалуйста, поговори со мной.

Я зажмурил глаза. Видения замелькали.

Эли взяла мое лицо, заставляя посмотреть на нее.

— Все хорошо... Ты можешь доверять мне.

Я не мог отвести взгляд от глаз, что смотрели на меня так пристально, как будто она действительно верила, что так может быть.

Потому что это не было, черт возьми, хорошо.

В этом всегда была проблема с Эли. С ней я всегда притворялся. Притворялся, что это нормально — ощущать все таким образом, притворялся, что это нормально, так сильно заботясь о ней. Притворялся, что, возможно, однажды, все это действительно станет нормально.

И я, бл*дь, не мог остановиться.

Она коснулась своими губами моих.

— Поговори со мной... пожалуйста, Джаред... я здесь.

Схватив ее немного сильнее, я быстро облизал губы, мой голос был резким:

— Я был таким безответственным, Эли... чертовки безответственным. Глупый ребенок-панк.

Как те придурки, которых я бил в тюрьме, потому что они были не благодарны за то, что

имели.

Безмозглый.

Позорный.

Непростительный.

Эта ненависть вспыхнула, нанося удары, как этого требовал мой дух.

Глубоко внутри, ревели системы предупреждения, которые никогда не умолкали. Они кричали на меня закрыть свой рот, прежде чем будет слишком поздно. Прежде чем я не смогу взять слова обратно.

Но с Эли уже было слишком поздно.

Закрыв глаза, я заговорил:

— Я был так взволнован этим утром. — Мое тело дернулось, когда я полностью погрузился в воспоминания. Я так долго был подавлен. Это своего рода шокировало, как я все еще мог помнить в точности то, что чувствовал. Но после стольких лет, это было здесь, как вопиющее напоминание, что у обещаний, которые я дал, нет никаких шансов. — Я думал, что я на вершине мира.

Подняв подбородок, я увидел ожидающие глаза Эли. Они просто смотрели на меня, понимая слишком сильно. Протянув руку, я соединил себя с Эли, намотав на палец прядь ее волос. Я сконцентрировался на движении, как будто держа Эли таким образом, я смогу удержать ее, и она не ускользнет.

— Я помню, как в то утро, она стояла позади меня, когда я готовился к школе перед зеркалом. Она обняла меня за талию и сказала, что не имеет значения, насколько я становлюсь старше, я всегда буду ее малышом. За неделю до того, как мне исполнилось шестнадцать, когда бы я ни заходил в комнату, она бросала свое занятия, что бы ни делала, чтобы осмотреть меня. Ее взгляд блуждал по мне так, как будто она видела что-то, что исчезает. Она просто продолжала говорить, что не может поверить, как быстро прошло время.

И я никогда не предполагал, что время стремится к концу.

Мой тон стал суровее.

— Она забрала меня из школы, в этой чертовой машине, которую отец пообещал мне, если я получу хорошие оценки и не буду попадать в неприятности.

Слюна скопилась в задней части моего горла. Тяжело сглотнув, мой лоб наморщился, когда я потерялся в том дне.

— Она везла меня, всю дорогу рассказывая истории. — Я вздрогнул, вспомнив, каким мягким и нежным был ее голос. — Через ветровое стекло, она продолжала смотреть на небо. У нее был этот взгляд на лице, Эли... как будто она была немного расстроена. Она сказала, что день чувствовался почти таким же, как и тот день, когда я родился. Что небо было голубым, а воздух холодным.

Я так отчетливо это помнил.

— Я была так взволнована твоим рождением, — сказала она, ее темные глаза были полны любви. — Я продолжала думать, что ты родишься рано, потому что я была огромной. — Она рассмеялась, послав мне знающую улыбку. — Но твоя бабушка сказала мне не беспокоиться, что я узнаю, когда придет время. Мы с твоим отцом сидели снаружи, когда я почувствовала тебя, и я знала, что в это день встречу с тобой. Такое чувство, что это было вчера.

Из легких вырывались хриплые вдохи. Пальцы Эли дрожали на моей челюсти, ее прикосновения ошеломляли посреди слабости, охватившей мой дух.

— Она повезла меня на мой экзамен по вождению. И я вышел из здания со своими правами, думая, что я самый крутой чувак в мире.

Отвращение закипало под кожей. Опаляющее. Сжигающее. Очерняющее.

— Она бросила мне ключи и сказала: «Я думаю, что это принадлежит тебе». — Я почти усмехнулся. Я никогда не забуду гордость, звучащую в ее голосе.

Эли задрожала и тяжело вздохнула, ее взгляд блуждал по моему лицу, как будто она понятия не имела куда смотреть, и я, тем не менее, продолжил:

— Когда мы дошли до машины, она сказала, что хочет съездить в какое-нибудь кафе... чтобы отпраздновать... только мы вдвоем. Но все, что меня заботило — это я, Эли. Все, о чем я думал — это вечеринка, которую твой брат планировал для меня, и гребаная девчонка, которую я должен был там встретить. Я солгал ей... — мой голос надломился, и мой палец скрутил ее локон сильнее.

Если бы я просто замедлился... если бы я провел с ней один гребаный час, тогда этого бы не случилось.

— Я сказал ей, что мне нужно сделать большой проект к понедельнику, и я пойду в дом к этой девушке, чтобы сделать домашку, когда знал, что собираюсь провести ночь на вечеринке с друзьями.

Я мог ясно ощущать это, мог дышать полной грудью. Как будто все было под контролем. Как будто ничего не могло коснуться меня. Я чувствовал себя несокрушимым.

Я никогда не думал о себе, как о плохом ребенке. Имею в виду, я не был ангелом, но всегда ненавидел разочаровывать своего отца или маму.

Но я был не прав. Я был эгоистом. Самым худшим дураком.

— Я так торопился, и она продолжала говорить мне, сбросить скорость. Мы были почти дома. Я знал, что должен остановиться... этот грузовик был слишком близко... но я просто выжал газ и повернул налево через перекресток.

Эли задрожала всем телом, а тихие слезы текли по ее лицу. Обхватив ее лицо руками, я заставил посмотреть на меня.

— Она кричала, Эли, чертовски кричала на меня, чтобы я остановился, а все что я хотел, это быстрее добраться домой, чтобы поехать обратно. — Я был в шоке, ужас того момента был таким ярким, таким ясным. Но я не мог изменить того, что сделал. — Грузовик врезался так

сильно, — сказал я, мой голос стал низким и грубым. — Все было таким громким... Боже, Эли, это было так громко.

Я все еще слышал это — пронизывающий звук режущего металла, когда весь мой мир был разорван на части.

— Как будто я был невесомым, или что-то подобное, но в то же время все было тяжелым. Затем мы тряслись в этой удушливой тишине. Было так тихо... слишком тихо. — Я сделал глубокий вдох, сквозь стиснутые зубы, переживая боль того момента. — Мне было больно везде, и я даже не мог понять почему. Затем я услышал ее стон. — Я заставил слова звучать не так панически... — Но это было мое имя, Эли... она, черт побери, сказал мое имя, она, черт побери, плакала из-за меня.

Мое сердце гремело, а руки сжимались на лице Эли. Ее слезы капали на мои пальцы. Она положила свои руки на мои, прижимая меня ближе.

— Все в порядке, — пробормотала она. Взяв мою руку, она поцеловал костяшки пальцев. — Все в порядке.

И я почувствовал это, все эти слезы внутри, что не могут выйти наружу, неизрасходованная печаль, что обременяла меня всю жизнь. Волнение воспламенилось во мне, и по венам растеклась злость.

— Когда я посмотрел на нее... — мой голос был шокированный. — Она смотрела на меня с выражением ужаса, как будто не знала, что произошло. — Я неровно задышал. — Но затем, я увидел кровь. Она бежала сбоку ее головы и из пореза на лице... но ее футболка... она была пропитана ею. Боже, я так сильно хотел дотянуться до нее, чтобы помочь ей, но не мог двигать руками. Я слышал звуки сирен... они приближались... но она дышала все труднее. Я был так напуган, Эли... я хотел плакать, но не мог...

Я никогда не мог забыть это, никогда не мог убежать от этого, она изо всех сил пыталась говорить, мое имя сорвалось с ее губ:

— *Джаред.* — она вздрогнула, когда попыталась улыбнуться, ее выражение лица было таким печальным, когда она пообещала мне: — *Все будет в порядке.*

— Все будет в порядке, — лихорадочно шептала Эли, вырываясь, чтобы поцеловать розу на моей груди, ее пальцы погружались в мою кожу, обещая: — Все будет в порядке.

Я схватил ее за плечи.

— Все не в порядке, Эли. Ты не понимаешь это? Никогда не будет в порядке. Я убил свою мать. Я сидел и смотрел, как она умирает.

— Нет, Джаред

Гнев бушевал во мне. Я встряхнул ее.

— Хватит.

Я знал, что она делает. Знал, что она пытается убедить меня в том, что не было правдой.

— Чего ты хочешь от меня, Эли? Я продолжаю говорить тебе, что у меня нет ничего для тебя. Я

никогда не буду тем, кем ты хочешь.

Эли покачала головой. Ее лицо было мокрое от слез, пряди волос прилипли к щекам, в ее зеленых глазах застыло отчаяние.

— Ты то, что я хочу, Джаред. Ты — все. Ты не понимаешь этого?

Мои пальцы впились в ее руки.

— Нет.

Она начала плакать сильнее, задыхаясь и икая. Она прижалась ко мне. Горячие слезы капали мне на грудь, когда она пыталась оказаться ближе, а я отталкивал ее.

— Я люблю тебя, Джаред.

Вот оно.

То, что я никогда не смогу дать и то, чего я никогда не заслуживал. Причина, по которой я должен был уйти еще после первой ночи, когда открыл глаза и встретился с ее зелеными, уставившимися на меня, глазами. Уже тогда, я чувствовал движение в своем пустом мире.

Я забрал жизнь мамы и сейчас задолжал своей. Как искупление. Как мою расплату.

Я не заслуживал этого.

Мои руки сжались, пальцы впились в ее нежную плоть.

— Нет, ты не любишь, Эли. Ты чувствуешь что-то ненастоящее. Мы оба держимся за что-то, чего на самом деле не существует.

Знаю, я делаю это. Я знаю, что, черт побери, беру, ломаю и разрушаю. Я могу ясно видеть это на ее лице.

— Нет, Джаред... ты не чувствуешь это? — она боролась, чтобы высвободить мою руку и прижала ее к своему сердцу. Под моей ладонью, ее сердце беспорядочно билось. — Ты чувствуешь это. Я знаю, что чувствуешь.

— Остановись, Эли, — слова мольбы, вырвались из моего рта.

— Остановись.

Я это сделал.

Я разрушил все хорошее.

— Да... Я... Я люблю тебя, — Эли снова говорила, задыхаясь, прижав мою руку ближе к своему сердцу. — Я знаю, ты чувствуешь это. — Она смотрела на меня, умоляя. — Скажи мне, что тоже любишь меня.

— Нет, — оторвав свою руку, я схватил ее за оба запястья. — Нет, Эли. Ты ошибаешься. Я предупреждал тебя. Я, черт побери, предупреждал тебя.

Эли вырывалась, заставив мои руки опуститься, ее рот снова был на моей груди, она шепотом

умоляла:

— Ты не понимаешь... Я люблю тебя, Джаред. О боже мой, я люблю тебя так сильно... Пожалуйста, скажи мне, что любишь меня. Пожалуйста.

И я позволил ей... позволил вцепиться в меня, когда она рыдала. От этого звука каждая клеточка в моем теле сжималась, и как будто все эти клетки были прижаты так плотно, что не могли ничего сделать, кроме как взорваться. Моя спина изогнулась, когда Эли полностью накрыла меня.

Потому что я хотел. Хотел любить ее. Но это было невозможно.

Я не заслуживаю этого.

— Хватит, — закричал я, снова ухватившись за ее плечи. Я тряс ее руку. — Просто, бл*дь, хватит, — кричал я. Слова были наполненной злостью, потому что я не мог больше и секунды справиться с этой пыткой.

Кто-то начал ломать дверь Эли без предупреждения. Вся комната затряслась, вибрации прошли по стене. Тонкая древесина быстро начала трескаться.

Эли ахнула, и ее глаза расширились от страха.

Со второго пинка, дверь открылась, ударившись о стену.

Я по-прежнему обнимал ее, лежа под ее телом. Когда Кристофер ворвался, дрожа от злости, на нас было лишь нижнее белье. Он показал пальцем на меня.

— Ты труп, больной ублюдок.

Войдя в комнату, его лицо исказилось от гнева.

Эли закричала, лежа на мне как щит:

— Кристофер, нет.

Ее голос не утихомирил его злость. Он выкрикивал оскорбления, проклиная меня, как будто во мне осталось что проклинать. Каждое слово, сказанное им, было правдой.

— Ты правда думаешь, что подходишь ей? Моей маленькой сестренке. — Я видел, что всё это было написано на его лице, на котором отпечаталось отвращение. Ненависть, которую я уже знал, что он будет испытывать.

Я разрушаю все, к чему прикасаюсь.

И я приветствовал это, хотел, чтобы он набросился на меня, потому что я заслужил, чтобы он избил меня.

Но я не был готов к тому, что Кристофер оторвет Эли от меня и отпихнет в сторону. Он отбросил ее так чертовски сильно, его атака безосновательная и яростная, будто он направил часть ненависти, которую заработал я, на нее. Как будто не понимал, насколько совершенной она была, эта девушка, которая была единственным хорошим моментом в моей жизни.

Эли отлетела от кровати. Звук удара ее головы о книжную полку, разнесся по комнате. Она

вскрикнула, схватившись за голову руками.

— Ты, мать твою, тупая, Эли? — он выплюнул слова, будто она была каким-то мусором, пока рыдала. — Ты правда спала с этим куском дерьма?

Эли всхлипнула.

— Пожалуйста, Кристофер, ты не понимаешь. — Ее голос был резким, раздраженным. Она приподняла руку в молчаливой просьбе к Кристоферу.

Кончики ее пальцев были в крови.

Ярость, как буря, взорвалась во мне. Перед глазами все покраснело. Я был ослеплен им. Единственное, что я понимал — это то, что он наделал.

Он причинил ей боль.

Подскочив, я бросился к нему, врезавшись плечом в его живот. Он зарычал и попятился назад. Эли кричала со своего места, не желая быть частью всей этой херни, ее крики насмехались над моими ушами.

Он обидел ее.

Кристофер усмехнулся:

— Давай, ты, кусок дерьма.

Мой кулак врезался в мягкую плоть. Удар эхом отразился в комнате, а в руке взорвалась боль. Из его носа хлынула кровь, и ручейками потекла ко рту.

Стены начали давить на меня, а перед глазами все было красным.

Так много крови... бл*дь так много крови. Я не мог это остановить. Не мог. Девушка плакала.

Мои кулаки врезались вновь и вновь, яростное дыхание вырывалось из легких, кожа разрывалась от гнева.

Он, черт возьми, обидел ее.

Он обидел ее.

Я обидел ее.

— Джаред, боже мой, пожалуйста остановись. — Запрыгнув на мою спину, она умоляя, пытаюсь убрать меня от ее брата, который лежал на полу, прикрывая лицо руками, пока удары продолжали лететь в его живот, по бокам и рукам, по любой плоти, которую я мог найти.

— Остановись! — она кричала и кричала, и наконец, ее мольбы дошли до меня. — Ты делаешь ему больно... прекрати, — шепотом умоляла она. Ее дыхание, обдувавшее мое лицо, вторглось в мои чувства, возвращая меня.

В ужасе, я попятился назад, схватившись руками за волосы.

Все болело. Мои руки. Мое сердце. Моя темная душа.

Эли медленно слезла с моей спины, не отпуская меня, а обвив руками мою талию. Лицом, она прижалась к моей спине. Умоляя, она сцепила руки на моем животе, вцепилась в меня, будто я не был куском дерьма, как знал ее брат, что был. Как будто я приносил что-то большее, чем разрушения.

Но это было единственным, что я знал.

Я уставился на своего лучшего друга, который, опустив голову, встал на четвереньки. Кровь капала с его лица на пол. Задрвав футболку, он вытер лицо, пытаясь отдышаться, его спина поднималась и опускалась. Он поднял голову.

Он больше не казался злым. Скорее, просто жалел меня.

— Просто уходи Джаред. Убирайся и никогда не возвращайся.

Подняв руки вверх, я стал отступать, сдаваясь. Потому что я уже был потерян.

Я почувствовал, как напряглась Эли.

— Нет.

— Прости, — пробормотал я в воздух. Я даже не знал, перед кем я, черт побери, извиняюсь. Наверное, перед обоими. Без сомнения, я поступил неправильно с обоими.

— Неееее... нет. Джаред, пожалуйста, останься. — Эли пыталась удержать меня, но я освободился от ее рук. Я повернулся к девушке, которая стала моим утешением. Отсрочка момента, который стал смертельным приговором. Всё, что я никогда не хотел видеть, буквально сияло во мне... любовь, разочарование и вера в то, что никогда не случится.

— Прости, — сказал я вновь. Потому что я, правда, хотел попросить прощение. Я сложил ее ладони вместе и сжал между моих, потому что не хотел отпускать. Затем, я нежно погладил ее по спине. — Мне очень жаль, Эли, но ты же знаешь, я не могу остаться.

Оставив ее стоять там, я пронесся в гостиную и натянул джинсы, футболку и ботинки. Я почувствовал одновременно облегчение и разочарование, потому что она не последовала за мной.

Мне понадобилось пять секунд, чтобы собрать свои вещи.

Единственное, что было важно, я оставлял позади.

Перекинув сумку через плечо, я выскочил за дверь. Мои ноги, с громким стуком, врезались в бетонный пол.

Я был на полпути к парковочному месту, когда хрупкий голосок Эли послышался позади меня.

— Джаред, не уезжай. Пожалуйста... не бросай меня.

Звук ранил мои уши, боль раздирала изнутри. Я, черт возьми, не мог вынести ее рыданий, особенно, когда причиной тому был я сам. Осторожно, я рискнул взглянуть через плечо и увидел девушку, которая всколыхнула что-то во мне. Я, правда, был идиотом, думая, что она не пойдет за мной.

Она оставалась в квартире достаточно долго, чтобы натянуть пижамные шорты. Сейчас она

босиком бежала по лестнице, а ее идеально лицо было заплаканным и красным. На нем отражалось мучение.

Дерьмо.

Как я должен разобраться со всем этим? С ней? С тем, что сделал?

Я медленно повернулся и раскрыл объятия, пока Эли преодолевала расстояние между нами. Я продолжил пятиться назад, потому что больше ничего не мог сделать.

Только она смогла изменить меня, внести тень радости в невыносимую тьму.

На парковке, порывами, дул горячий ветер, и я был уверен, что дышать практически невозможно. Я никогда не должен был приезжать сюда. Никогда не должен был прикасаться к ней. Никогда не должен был брать то, что не принадлежало мне.

— Джаред, — тяжело дыша, Эли бросилась в мои объятия. Оторвав от земли, я прижал ее к себе, в последний раз вбирая ее тепло. Я зарылся носом в ее волосы, вдыхая кокос, сладость, и просто девушку, которая за пару мгновений заполнила мой разрушенный мир чем-то большим, чем просто боль.

— Останься, — раздался ее мягкий голос у моего уха.

Обнимая ее, боль врезалась в мои ребра и пульсировала. Медленно, я поставил ее на землю. Мои руки дрожали, когда я поднял их, чтобы взять ее лицо в ладони. Я провел большими пальцами под ее глазами, стирая слезы. Она смотрела на меня, в ее зеленых глазах отражался свет, любовь, признание, которое ударило меня словно камень.

Я нежно поцеловал ее, наслаждаясь вкусом. Схватившись за мои запястья, Эли поцеловала меня в ответ, тихий стон, сорвавшийся с ее губ, говорил о многом. Она поглотила все мои чувства, ее тепло только усиливало мою боль.

Я отстранился и сглотнул сквозь боль. Моя хватка усилилась, чтобы подчеркнуть слова, а голос стал серьезным:

— Я сейчас уйду, и забуду о тебе, Эли. И ты, сделаешь то же самое, — мои ладони сильнее прижались к ее щекам, пропитанным слезами. — Ты забудешь обо мне и найдешь свое счастье. Ты найдешь того, кто сможет любить тебя так, как ты того заслуживаешь, — я опустил голову, чтобы она оказалась на одном уровне с ее. — Ты поняла меня?

Эли неистово покачала головой.

— Нет.

Моргнув, я отступил назад.

— Да, Эли. Я обещаю... все буде хорошо.

— Нет, Джаред, нет...

Я попятился назад.

Схватившись за живот, Эли сложилась пополам.

Я развернулся и, засунув руки в карманы, направился к своему байку.

Я слышал ее рыдания, как она молила меня остаться.

— Джаред, нет. Пожалуйста, не делай этого. Не бросай меня. Я люблю тебя.

Запрыгнув на байк, я убрал подножку. Двигатель ожил, заглушая ее рыдания. Я выехал с парковочного места и повернул байк. С другого конца парковки, я видел лицо сломленной девушки, которая кричала мое имя, умоляя сквозь слезы. Кристофер обнимал ее за спину, отказываясь отпустить.

Она пиналась, пытаясь вырваться на свободу. Я слышал, как она вновь и вновь кричала:

— Не оставляй меня. Не оставляй меня.

Я надавил на газ, заглушая ее.

Я думал, это было невозможно — ненавидеть себя сильнее. Но сейчас осознал, что еще даже не начинал.

Я замер, потерявшись в мучениях, которые причинил этой девочке, мечтая о чуде, которое могло бы все стереть. Которое могло бы все забрать назад.

Невеселый смешок горел на моем языке. Я всегда хотел вернуть ту жизнь назад.

Сомневаясь, мои ноги балансировали на земле, а рука крепче сжала рычаг газа.

Кристофер встретил мой взгляд, смотря так, будто знал, о чем я думал, будто предлагал какую-то ненормальную сделку. Он позаботится о ней, если я просто испарюсь.

Эли продолжала бороться, умолять и плакать. В последний раз я позволил себе встретиться с ее взглядом. Двигатель взревел, когда я крутанул газ. Эли закричала сквозь слезы:

— Джаред... нет!

И я запомню ее вот такой, чертовски сломленной, разрушенной мной.

Потому что это было тем, что я всегда делал.

Я разрушал все, к чему прикасался.

Глава 20

Элина

— Джаред, нет!

Слова эхом отдались в ушах, будто это была вовсе не я. Как будто, это не мои слова. Будто этот голос, возможно, не принадлежал мне.

Потому что в этом голосе было слишком много боли.

Я наблюдала, как завернув за угол, исчезла его задняя фара, и шум байка разорвал ночь.

Я была опустошена. Каждая моя надежда раскололась, разломилась на куски, будто их

разорвали.

— Джаред, нет.

На этот раз, это был всего лишь шепот, произнесенный от сердца, которое забрал с собой Джаред, когда повернулся ко мне спиной.

Однажды, я пообещала, что возьму все, что он сможет мне дать. Каждую предложенную им частичку. Я охотно пошла на риск. Где-то внутри, я всегда знала, что потеряю его.

Я просто не подготовилась к тому, как это будет чувствоваться.

— Джаред... — вновь прошептала я.

Кристофер крепко обнял меня сзади.

Перестав бороться, я признала свою ошибку, и, схватившись за живот, попыталась удержать себя.

Но Кристофер уже держал меня.

Его губы прижимались к моему затылку, пока он держал на себе практически весь, мой вес.

— Шшш... Эли... давай, пожалуйста, перестань плакать, — умолял он.

Но все, что я могла делать — это оплакивать мужчину, который разрушил что-то настоящее, мужчину, который так сильно ненавидел себя, что не мог видеть то, что у нас, на самом деле, было.

— Иди сюда, — Кристофер медленно повернул меня и притянул к своей груди. Мои руки были зажаты между нами и сжали его футболку. — Все хорошо, — уверил он.

Я заплакала еще сильнее.

Кристофер напрягся, одной рукой, обернутой вокруг моей спины, он указал куда-то позади меня.

— Почему бы вам не вернуться обратно, и не заняться своими гребаными делами? Тут не на что пялиться.

Кристофер пробормотал у моего уха:

— Пошли, Эли, нам нужно подняться наверх. Думаю, мы перебудили весь дом, и прямо сейчас, мы не готовы иметь дело с этим дерьмом.

Я едва смогла кивнуть.

Обняв меня за талию, Кристофер направился к лестнице. Держась за перила, я заваливалась на бок от боли, которая вынуждала меня упасть. Поднимаясь по ступенькам, ноги дрожали.

Кристофер сильнее прижал меня.

— Все в порядке, Эли... Давай, ты можешь сделать это.

Квартира была слишком тихой, напоминая мне о том, что я потеряла.

Болела каждая частичка тела, боль была так глубоко, что я чувствовала ее в тех местах, о существовании которых не знала.

Он ушел.

Из желудка стала подниматься тошнота.

— Думаю, меня сейчас стошнит. — Я побежала в ванную и упала на колени, очищая свои внутренности.

Опустошение.

Разорение.

Разрушение.

Он обещал, что сделает это.

Опустив голову, я заплакала, твердый пол впивался в колени.

Я знала, что он сделает это.

Кристофер последовал за мной и запер за собой дверь. Он вытащил из нижнего шкафчика махровое полотенце и намочил его.

Затем он опустился на колени рядом со мной.

— Вот. — Он вытер мой рот и смочил лоб. Выражение его лица было смесью сочувствия, злости и остатков жестокости Джареда. Кровь высохла и размазалась полосками там, где он ее вытер. Одна сторона его рта уже начала опухать, и синяк образовывался под правым глазом.

Он встал и промыл его, а затем снова передал мне холодную ткань.

— Спасибо, — тихо пробормотала я, и упала на твердый пол.

Опустившись по стене, Кристофер, сгорбившись, сел у закрытой двери, и вытянув ноги перед собой, уставился на меня, его тело колотилось как мое сердце.

— Мне жаль, — прошептала я, прижимая ткань ко рту, ища комфорт, но его не было.

Опустив свой взгляд, он покачал головой, затем снова посмотрев на меня, его взгляд пригвоздил долей злости, что подстегивала его появление в моей комнате пятнадцать минут назад.

— Как долго это продолжалось, Эли.

Я утонула в своем стыде. Не из-за нас с Джаредом, а что держала это в секрете от своего брата. Да, мне двадцать, и у Кристофера не было прав указывать мне, что делать. Но то, как мы скрывали это, было неправильно.

— Месяц...

Воздух искрился ложью, потому что оба, я и Кристофер, знали, что это неправда.

— Дольше, я полагаю, — наконец сказала я. Мои пальцы скручивали полотенце, как будто оно придавало мне мужества. — Он начал приходить в мою комнату, через несколько недель после того, как появился здесь... но поначалу, мы просто разговаривали. — Медленно, грусть просачивалась в мои вены. — Со временем, я думаю, мы оба стали кем-то, без которого другой не мог жить.

Я понятия не имела, как теперь буду жить без него.

Кристофер подтянул колени и оперся на них локтями.

— Почему ты сразу мне не сказала? Ты думала, что я не пойму?

Я нахмурилась.

— Ты бы понял? Потому что сегодня, так не показалось.

Застонав, он тяжело вздохнул, глядя в потолок.

— Я не знаю, Эли... Может, не понял бы. Может, я бы вышел из себя, как сегодня вечером. — Он смотрел прямо на меня. — В любом случае, скрывать это от меня, было неправильно. Я слышал, как вы ругались, когда вошел в коридор... и дерьмо... я знал, что-то происходит между вами. Я имею в виду, я, черт побери, спросил его об этом напрямую, и он поклялся, что вы просто друзья, сказал, что он только заботится о тебе и приглядывает за тобой. И я пригласил придурка в нашу квартиру, а он тобой воспользовался.

— Он не воспользовался мной, Кристофер. — Мой голос усилился, отрицая утверждение Кристофера. — Я люблю его.

Я так сильно любила его.

А он ушел.

Резкая боль ударила меня в живот, глубже, чем когда-либо. Я вздрогнула и тяжело задышала.

— Да, сегодня ты, достаточно четко, дала это понять, — его слова сочли сарказмом, моргнув, его лицо наполнило сочувствие. — Ты всегда любила, да? — это был не вопрос, просто осознание, которое, наконец, появилось в его голове. Как будто осознав правду, он потер руками свое разбитое лицо. — Чёрт... я такой идиот.

Раскаяние, казалось, врезалось в него, и, схватившись руками за волосы, он заговорил, уставившись в пол.

— Боже, Эли. Не могу поверить, что причинил тебе боль таким образом. Мне правда, очень жаль. У меня не было права так реагировать. Я просто... взбесился.

— Ни один из нас не рассуждал здраво, — прошептала я.

Не было никакого оправдания тому, что произошло сегодня, но я знала, что намеренно он не стал бы мне вредить, и мне слишком больно злиться на брата. Я была полностью обнажена, каждая моя клеточка была вскрыта. Я не могла сейчас разбираться еще и с Кристофером. Я была слишком поглощена пустотой, которая появилась внутри меня.

Он выдохнул и сосредоточился на мне.

— Я знаю, что ты заботаешься о нем, и я тоже забочусь, но он ходячая неприятность, Эли. Он опасен. Это к лучшему, что он уехал. — Он покачал головой — Я слышал, что ты сказала... и что сказал он, и ты заслуживаешь лучшего.

Мое тело дрожало, испытывая отвращение к этим словам.

Я знала, что не должна была говорить этого. Любовь, которую я испытывала к Джареду, можно было только показывать, но не признаваться в ней. Но слушать, как Джаред говорил о своей маме, было одной из самых сложных вещей, которые я делала в жизни. Слушать, как слова ненависти лились из его рта, чувствовать вину, которую он испытывал. Еще хуже — знать, что чувство вины разрушало его, начиная с того самого дня. Я хотела забрать все это, показать, что он заслуживал любви, что я любила его, всегда буду любить. Я даже не могла жалеть, что сказала это. Даже несмотря на то, что он уехал, мне все еще нужно было, чтобы он знал. Чтобы забрал этот кусочек меня с собой, потому что я никогда не смогу отдать его никому другому, поскольку буду всегда принадлежать ему.

— Он правда уехал, да? — прошептала я.

Печаль заволокла мое сердце.

— Да, Эли, он правда уехал.

Глава 21

3 февраля 2006

Скрестив руки на груди, Эли подняла лицо к холодному, зимнему небу. Близился вечер. Сквозь голубые сумерки, пробивался оттенок розового, поразительно остудив воздух. Эли плотнее укуталась в толстовку, чтобы сохранить тепло. После школы, она пошла к Ребекке, одной из своих лучших подруг, живущей в соседнем квартале, чтобы вместе позависать. Но до наступления темноты, ей следовало вернуться домой.

Рюкзак подпрыгивал на плечах, пока она спешила. Повернув направо, на улицу, где жила ее семья, и перебежав дорогу, Эли пересекла подъездную дорожку и подошла к входной двери. Открыв ее, она ворвалась внутрь, объявление о том, что она пришла, уже почти соскочило с ее языка.

Но она резко остановилась.

Схватившись за стену для поддержки, Эли похолодела, но этот холод отличался от уличного, позвоночник сковало льдом. Вздвигнув, она сделала шаг вперед, вслушиваясь в звуки, доносившиеся из гостиной, которые издавала мама.

Она плакала.

Нет.

Не просто плакала.

Только однажды, Эли слышала, чтобы мама так плакала — в тот день, когда умерла бабушка.

Она рыдала и всхлипывала.

Звуки скользили по полу, взбирались по стенам и пробирались в уши Эли. Сердце сковал страх. Оно начало бешено колотиться. Прислонившись к стене, она закрыла глаза, словно защищаясь от того, из-за чего мама так плачет. Остановившись в сводчатом проходе гостиной, Эли задержала дыхание и рискнула заглянуть в комнату.

Мама сидела на полу на коленях. Папа примостился рядом с ней, поглаживая по спине, пытаясь успокоить. Но мама безутешно рыдала.

— Шшшш, Карен... я здесь... здесь.

— Дэйв... — она произнесла его имя, как будто он мог забрать то, что причиняло ей боль.

Как в тумане, Эли прошла к центру комнаты и остановилась, наблюдая, как ее мама разваливается на части. Комок страха, свернувшийся в животе, подсказывал, что что-то здесь неладно.

Папа заметил ее.

— Эли, милая, — сказал он, нетерпеливым голосом, будто желал защитить ее от произошедшего, но не хотел оставлять жену одну.

Хватая ртом воздух, мама подняла голову.

— Эли, детка, — она попыталась подняться на ноги, ее плечи были опущены, а спина ссутулена.

Пару секунд они просто смотрели друг на друга, а затем Карен подбежала к Эли, и, обняв ее, вновь разревелась, опустив голову в изгиб ее шеи.

— О, боже, моя деточка... моя деточка...

— Мама, что случилось? — спросила Эли. Прямо сейчас, ей надо, чтобы мама сказала ей, что все будет хорошо, то, что она всегда говорила, когда Эли была маленькой. Ее простые слова делали все лучше.

Отстранившись, Карен взяла в ладони ее лицо. Она наклонила голову на бок, а ее глаза были полны печали.

На сей раз Эли знала, что бы ни сказала мама, это не принесет ей утешения. Она переступила с ноги на ногу, и комок в животе потянуло куда-то вниз.

— Детка... произошел несчастный случай... Элен, — она замолчала, казалось, не в состоянии закончить мысль, ее лицо выражало чистейшее горе.

Эли покачала головой, пытаясь понять неразбериху, выходящую изо рта мамы.

Губы Карен задрожали:

— Элен... она умерла. Детка, она умерла.

— Что? — смятение затопило разум Эли. Она отказывалась верить в то, что сказала мама. — Как так?

Вздрогнув, мама от досады поджала губы.

Эли покачала головой.

Нет.

Элен мертва?

— Джаред был за рулем, когда получил права... они сказали, что произошло лобовое столкновение...

Эли могла почувствовать горе своей мамы, могла ощутить ее дрожь. Но в данный момент, Эли оцепенела. Это казалось нереальным.

— Джаред в порядке? — наконец, спросила она шепотом.

Мама съежилась, губы побелели, когда она сильно сжала их.

— Они еще не знают, выживет ли он, — слова вылетели из ее рта, медленно и неуверенно, заполненные сочувствием, но резкие от горя. — Он в критическом состоянии. Нейл только позвонил... Он в больнице. Мы с папой тоже поедем.

— Я поеду с вами.

Папа сделал шаг вперед:

— Я хочу, чтобы ты осталась здесь с Кристофером. Он должен был остаться у друга на ночь. Я только что позвонил ему и рассказал, что произошло. Он едет домой.

— Нет, папа. Я хочу поехать.

— Думаю, будет лучше, если ты останешься. Я позвоню тебе, как только мы доберемся туда и расскажу, что узнаю.

— Папа, пожалуйста.

Он обнял ее, погладил по спине и голове, и попросил умоляющим тоном:

— Просто останься здесь, хорошо, милая? Ради меня? Нам нужно быть там, чтобы помочь Нейлу с Кортни... и Джаред... Мы просто не знаем что там, выясним, когда приедем.

Он оставил ее там, ошеломленную, неспособную принять удар судьбы. Который врезался в нее словно ураган.

Она любила Элену. Очень сильно. Семей — вот кем она была для нее. И не важно, что они не были кровными родственниками. Элена была в каждом важном ее воспоминании.

Но мысль о том, что Джареда могут вырвать из ее жизни, пригвоздила Эли к стене, ее грудь тяжело вздымалась и опадала, когда горе, наконец, одолело ее.

— Нет, — прошептала она. — Пожалуйста, нет.

— Сегодня, мы пришли почтить память Элен Роуз Холт.

Когда священник начал говорить, перед Эли раздалось глубокое скорбное рыдание. Отец Джареда, Нейл, сгорбился и плакал, отец Нейла, откинувшись на скамью, положил руку ему на спину. Слова пожилого мужчины были невнятными, когда он что-то прошептал на ухо сыну. Нейл Холт затрясся и зарыдал сильнее.

Не в состоянии сдержать слезы, Эли втянула воздух. Ее горло ощущалось таким стянутым, а грудь такой пустой. Она плакала несколько дней, и не знала, остановится ли когда-нибудь.

Рядом с ней, мама до боли сжала ее руку, как будто боль, исходящая от Нейла Холта, была и ее болью.

Эли сжала ее в ответ. Все было словно нереальным. Как это могло случиться? Это казалось невозможным, что кто-то мог так внезапно уйти без предупреждения. Это казалось диким и жестоким.

Порыв холодного воздуха, всколыхнул поверхность земли и прошелестел через деревья. Склонившись, подвывая, затрещали ветки, как будто тоже чувствовали пустоту.

Прямо перед Эли, чуть правее, сидела Кортни, моргая своими ярко-голубыми глазами. Бабушка удерживала ее на коленях, Кортни обнимала руками шею женщины, вглядываясь в собравшуюся толпу. Девятилетняя девочка выглядела более ошеломленной и смущенной, чем кто-либо.

С другой стороны от Эли, сидел Кристофер, упершись локтями в колени, а лицо спрятано в ладонях. Большую часть недели, он оставался непоколебимы, внешне не поддавшись ужасу, который обрушился на их семью. Но Эли слышала, как он плакал ночью, как будто больше не мог сдерживать в себе собственное горе. Он был не в состоянии показывать кому-то, как, на самом деле, себя чувствует. Видеть его таким, пугало ее.

Но еще больше ее пугал Джаред.

Затуманенные глаза Эли остановились на затылке Джареда, там, где он сидел, слева от своего отца. Он не двигался. Неподвижный как камень.

Словно он был не здесь. Его тело было, а он нет.

Они ждали, пока его выпишут из больницы, чтобы провести похороны. Он провел там почти неделю, восстанавливаясь после сломанных ребер и проколотых легких. Доктор сказал, что он счастливчик.

Эли смотрела на его светлые волосы. Под ослепительно сверкающим зимним небом, они казались совершенно белыми. Порывы ветра, рассекающие землю, трепали его волосы, которые неустанно двигались, в отличие от неподвижно сидевшего мальчика.

Неживой.

У Эли болело сердце. Это продолжалось несколько дней, видеть его таким, убивало ее. Только раз, мама позволила ей пойти к нему в больницу, чтобы навестить. Все это время, Джаред притворялся спящим, как будто не знал, что они были там. Но Эли знала... Она видела, как дрожали его веки и дергались пальцы.

Она не знала, чего сегодня ожидать. Она полагала, что слёз. То, что станет свидетелем его скорби, потому что Эли не могла представить ничего хуже, чем потерять свою мать. Она хотела вытянуть руку, прикоснуться к нему и сказать, что все будет в порядке, и что никто не будет обвинять его за переживание утраты.

Она хотела сказать ему, что это не его вина.

Но он просто сидел там, смотря вперед, словно был очарован букетом красных роз, покрывающих верхушку белого гроба. Вокруг него, в рамках, были размещены фото: фотография Элен в детстве, фото, где она в шляпке и платье, танцует с Нейлом на свадьбе, на ее лице абсолютная радость, когда она держит своего новорожденного сына, последнее фото — это недавний семейный снимок их вчетвером. Но внимание Джареда, все там же.

Может, это было неправильно, но Эли заметила, что подмечала каждое его движение.

Синди, сестра Элен, встала и медленно подошла к подиуму, установленному слева от гроба. Всклипывая, Синди вытирала платком под глазами.

— Если вы сегодня здесь, значит вам была оказана огромная честь, знать мою младшую сестру Элен. Я думаю, многие согласятся со мной, что она была одним из самых добрых и искренних людей, которого вы когда-либо встречали. — В

толпе раздался тихий шепот согласия. — Когда она входила в комнату, все начинали улыбаться, потому что ее радость была такой заразной.

Облизав губы, она продолжила:

— Моя сестра, была определением теплоты и красоты. Неповторимости. Она так сильно заботилась обо всех. Но семья, была самой важной частью ее мира. — Синди смотрела прямо в толпу. — Нейл, Джаред, Кортни... она так сильно любила вас. Я не хочу, чтобы вы забывали это. Я хочу сохранить воспоминания о ней в своем сердце, и я надеюсь, вы сделаете то же самое. — Прикрыв рот рукой, она зажмурила глаза. Она едва могла продолжать говорить. — Спасибо вам всем за то, что вы здесь, на чествовании жизни моей сестры. Никаких сомнений, что она смотрит на нас, спасибо каждому за то, что вы здесь.

Она отошла, и священник занял ее место. Он начал читать молитву. Мрачное и финальное «Аминь» раздалось в толпе.

Гроб, медленно, опускался в землю.

Мама Эли всхлипнула.

На этот раз, Эли первая сжала руку мамы. Маме было больно, и Эли хотела, чтобы та знала, что она понимает ее. Элен была ее лучшим другом, они были близки как сестры. Эли никогда не забудет смех Элен, который постоянно наполнял их дом, акцент ее тихого, но сильного голоса, ее добрые глаза, которые смотрели, любили и поощряли.

Эли тоже будет скучать по ней.

Как только гроб был опущен, священник сказал, что все могут подойти к могиле, чтобы попрощаться. После этого, все были приглашены в дом Мур.

Дедушка Джареда помог Нейлу встать, оставаясь с ним, пока он неуклюже двигался по

твердой земле. Взяв из корзины одну розу на длинном стебле, он бросил ее в могилу своей жены. Несколько минут, он просто стоял там, уставившись в могилу, потерянный в мрачной завершенности, которую никогда не вернуть, от которой не оправиться, не восстановится.

Эли пыталась держать себя в руках, но рыдание сорвалось с губ. Она мельком увидела лицо Нейла, когда он обернулся. У мужчины всегда была приветливая улыбка, а сейчас она задавалась вопросом, будет ли он снова улыбаться.

Остальная часть переднего ряда стояли, чтобы попрощаться, все, кроме Джареда, он даже не дрогнул. Люди плакали, приближаясь к могиле. Каждый из них, бросал розу на крышку гроба и говорил последнее «прощай».

Эли следовала за матерью и отцом, чтобы взять розу и бросить цветок в могилу Элен. С закрытыми глазами она пробормотала в землю, хотя говорила небесам:

— Я так сильно буду скучать по тебе, Элен. — Вытерев слезы, она отошла в сторону и наблюдала, как черное море нашло свой путь к могиле, которая будет постоянным напоминанием смерти Элен.

Толпа разошлась, разбредаясь, чтобы собраться в группки, где люди плакали, обнимались и успокаивали друг друга.

Эли заметила, что люди шептались, бросали косые взгляды, размышляли о мальчике, который сидел один, безучастно уставившись туда, где стоял гроб его матери, перед тем, как был опущен в землю. Злость скрутила желудок Эли, она хотела наброситься на них, сказать им, чтобы перестали осуждать, потому что они не приблизятся к понимаю того, кем на самом деле был Джаред. Никто из них не знал доброго мальчика, который всегда думал обо всех, который любил свою мать, и который был так очевидно сломлен.

Вырвавшись из круга семьи, Эли пошла к корзине, с одной единственной розой на длинном стебле, и взяла ее. На дне осталось несколько красных, увядших лепестков. Она с опаской подошла к Джареду, ища хоть какое-то узнавание в его глазах. Но в них ничего не было. Осторожно положив розу ему на колени, Эли прошептала:

— Мне так жаль, Джаред.

Его волосы развевались на ветру, и Джаред просто смотрел вперед.

С несчастного случая прошло два месяца. Все изменилось.

Эли была в своей комнате с закрытой дверью, сидя на кровати со скрещенными ногами и альбомом на коленях. Маленькая лампа, на ночном столике, мягко освещала комнату. Она яростно водила карандашом по толстой, жесткой бумаге. Ее беспокойство передавалось на бумагу.

Она так много ночей провела без сна, беспокоясь о Джаред, полностью обессиленная, пока наблюдала, как он исчезает. Она очень сильно хотела помочь ему, каким-то образом заставить его увидеть, что он делает себе только больнее, и что Элена никогда не хотела этого.

Слухи всплывали на поверхность, распространяясь от старшей школы к средней. Они ужасали Эли больше чем что-либо, потому что она видела правду. Каждый раз, она видела это в его глазах, когда они проходили мимо друг друга, даже когда он, казалось, не знал, что она была там. Как будто видел сквозь нее, как будто отсутствовал. Ушел.

Элен ушла, а теперь и Джаред тоже.

Услышав осторожный стук в дверь, карандаш замер в руке Эли.

— Входите.

Мама просунула голову.

— Ты еще не спишь? Скоро двенадцать, а тебе утром в школу.

Эли посмотрела на свой альбом.

— Извини, мам... я просто....

Мама мягко улыбнулась.

— Я знаю, милая. — Карен подошла к ней. Сев на край кровати, она нежно провела рукой по волосам Эли. — Все в порядке?

— Я так думаю. — Посмотрев на маму, она спросила: — А у тебя?

Сморщив губы, мама утвердительно кивнула.

— Когда как. Все станет лучше. — Она поцеловала Эли в лоб. — Отдохни. Уже поздно.

— Ладно.

Подойдя к двери, Карен посмотрела на дочь.

— Я люблю тебя, Эли.

— Тоже люблю тебя, мам.

На следующий день, Эли в спешке выбежала под яркое, утреннее солнце с рюкзаком через плечо. Если она пропустит автобус, то пойдет в школу пешком, а это последнее что ей хотелось, после бессонной ночи. Даже когда мама сказала ей отдохнуть, это не помогло. Она чувствовала себя взволнованной, как будто чувствовала, что что-то двигалось — что-то плохое. Это не было предчувствием. Это было просто очевидно.

Эли остановилась, когда увидела, что мальчик, которого она не могла выбросить из головы, шел впереди нее, на противоположной стороне улицы. Была весна, утренний воздух был свежим, но теплым, но Джаред все еще носил тяжелую, черную кожаную куртку, его внимание было сфокусировано на ботинках, которые делали широкие шаги.

Она бросилась через улицу, сокращая расстояние между ними.

— Джаред, стой.

Он даже не узнал ее.

Она снова позвала.

— Эй, Джаред, подожди.

Поколебавшись, он повернулся, нервно проведя по волосам. Он беспокойно подпрыгнула, когда он посмотрел на нее. Вернее сказать, сквозь нее.

— Эли, — сумел выговорить он.

Эли нахмурилась, не в состоянии отвести взгляда от его зрачков, которые, казалось, исчезли, голубые глаза были слишком широкие, замороженные льдом.

Она оглянулась, и он еще раз провел рукой по волосам.

— Эй, — пробормотал он на расстоянии.

Эли беспокойно двигалась.

— Как твои дела? — она съежилась. Какого черта она думала, спрашивая о таких глупостях? Как она думала, у него дела?

Повернувшись к ней, Джаред моргал и смотрел куда угодно, но не ей в лицо.

— Итак, эээ, мы скучаем по тебе дома, — решила сказать Эли, чувствуя себя идиоткой и не в своей тарелке. Все потерпело крушение, и они остались на неизвестной земле. — Почему ты больше не заходишь? Кристофер будет рад тебя видеть.

Она хотела увидеть его.

Ей было необходимо увидеть его.

Джаред скривился.

— Я был занят, — сказал он, глядя на оживленную улицу. — Слушай, я должен идти. Увидимся.

Сердце Эли ухнуло вниз. Она стояла, глядя на мальчика, который уничтожал ее, когда уходил с опущенной головой, сжимая волосы на затылке.

Закрыв глаза, Эли хотела, чтобы все стало лучше, хотя понимала, что ничего не может сделать.

Когда она открыла глаза, он исчез.

Вернувшись из школы, Эли нахмурилась, увидев машину отца, припаркованную возле дома. Он никогда не приезжал домой раньше пяти.

Открыв дверь, Эли сразу поняла, что что-то не так, в воздухе чувствовалось напряжение. В последнее время в их доме так и было — что-то не так — эмоции зашкаливали и затухали, появилась печаль, затем проблеск радости, проскользывая в непроглядное горе. Маме поставили диагноз — депрессия на почве скорби, и выписали несколько лекарств, чтобы помочь ей преодолеть это время. Бывали дни, когда она даже не вставала с кровати, но как мама сказала вчера — ей становится лучше.

В последнее время, входя в дверь, Эли не знала, как пройдет день.

Она на цыпочках прошла внутрь. Сегодня ее не встретил поток печали. Вместо этого был гнев.

Из коридора Эли слышала, как кричал папа:

— Они нашли героин и украденные таблетки в его шкафчике, Кристофер... и ты говоришь, что ничего об этом не знал?

Эли сковал страх, казалось, что сердце выпрыгнет из груди.

Нет.

Прижавшись к стене, Эли прокралась внутрь, чтобы подсмотреть, что происходит на кухне. Кристофер сидел на стуле у стойки, а отец нависал над ним.

— Папа, я клянусь, — умоляющим голосом сказал Кристофер. — Я ничего такого не делал. Да, я немного пил и несколько раз курил травку, но я никогда не употреблял что-то крепче. И в любом случае, сейчас Джаред, похоже, не хочет общаться со мной.

Признание Кристофера не успокоило папу. Он зарычал:

— Я не верю тебе, Кристофер. И это после того, как мы тебе доверяли? Иди в свою комнату. Ты наказан, теперь будешь сидеть дома... неопределенное время.

— Папа...

— Иди.

Стул Кристофера проскрежетал по полу, и он пронесся в свою комнату. Он хлопнул дверью так, что задрожал дом.

— Не думаешь, что был слишком строг с ним, Дэйв? — Карен подняла взгляд, когда говорила. Эли заметила, что она плакала. — Ему шестнадцать... и последние два месяца были тяжелыми для всех. Тебе надо быть более понимающим.

— Чего я не понимаю Карен, это то, как Джаред мог сделать такое со своим отцом. После всего? Разве он не понимает, через какой ад уже провел свою семью? И теперь он делает такое? Боже, Карен, у парня было достаточно наркотиков, чтобы его обвинили в распространении. Ему надо благодарить ангела хранителя, что его исключили и обвинили в хранении.

— Ему больно, Дэйв.

— Это все чушь, Карен. Этот мальчишка не заботится ни о ком, кроме себя. Я не хочу, чтобы наши дети подходили к нему. Я не буду просто стоять и смотреть, как он испортит и нашу семью.

Мама вновь начала плакать:

— Дэйв, пожалуйста.

Дэйв прижал ладонь к щеке жены и приподнял ее лицо.

— Я просто защищаю свою семью, Карен... это очень важно для меня. Даже не проси меня уступить в этом.

Эли сползла на пол. Она уже знала... ясно видела этим утром. Она не была удивлена. Это не значило, что она не боялась за него, что ему не причинили боль, не напугали и не сломили.

Потому что она прекрасно знала, каким был Джаред.

Глава 22

Джаред

Маленькую комнатку заполнило жужжанием, вибрация машинки угнетающе давила. Я сражался за глоток воздуха. Медленно вылетающие искры, осветили кожу, иголка обжигаете клеймила мою грудь. Я чертовски сильно стиснул зубы, руки сжались в кулаки, сердце бешено колотилось.

Я всегда знал, что она станет еще одной отметиной. Еще одним шрамом. Еще одним грехом, который добавился к неисчислимому количеству других.

— Ты в порядке, чувак? — тату-мастер, прекратив работать, посмотрел на меня с беспокойством, как будто я был самой огромной тряпкой, которая переступила его порог.

Парень смог правильно прочесть меня. Мне было чертовски больно. Но не от той боли, о которой он думал. Эта боль, жила в самом темном уголке моей души, где отвратительное сливалось с ужасным.

— Ага. В порядке, — выдавил я, впиваясь ногтями в ладони.

Парень вытер кровь и краску бумажным полотенцем, затем наклонился поближе.

— Скоро закончим.

Я не смог ничего сказать, просто кивнул, представляя ее лицо, отпечатанное в моем ненормальном разуме. Шел ноябрь. Больше двух месяцев прошло с тех пор, как я покинул ее, кричащую мое имя, потому что я все испортил, нанеся последний удар.

Самая огромная кровать, которую я говорил кому-либо, была сказана Эли.

Да, я ушел, но не было ни единого гребаного шанса, что я мог забыть ее.

Эта девочка была незабываема.

Чертовски идеальна. Слишком яркая, чтобы четко видеть.

Поэтому я приложил все усилия, чтобы заблокировать воспоминания. Дни шли своим чередом, замедлялись и ускорялись, в бесконечной череде городских огней, наркотиков и алкоголя. Я заполнял тело всем, что только мог найти, разыскивая что угодно, лишь бы унять эту боль, которую она оставила после себя. Но не существовало наркотика, способного добраться до основания этой боли. Ничего даже близко не подобралось. Ничего не тускнело и не исчезало. Ничего не могло стереть это. Это было похоже на рак, который питался, гнил и распадался.

Воспоминания о ней только увеличили пустоту, которую заполняли ее прикосновения. Это продлилось недолго, но жалило больше всего. Я был глупцом, когда думал, что после отъезда буду дорожить воспоминаниями, в которых нашел, своего рода, утешение. Сейчас, я готов на все, чтобы их забрали у меня. Потому что я не могу, черт возьми, вынести то, что ей может быть так же больно, как и мне.

Не было и секунды, чтобы я не думал о ней. Чтобы не пожалел о том, что украл у нее, коснулся и забрал, не прошло и секунды, чтобы я не пожелал взять от нее еще больше.

Да, я был садо-мазохист.

— Выглядит действительно круто. Не был уверен, что будет сочетаться с другими татухами, но вышло хорошо.

Промолчав, я напрягся и стиснул зубы, пока он протирал ее.

Когда парень закончил, он наложил повязку.

— Все готово. Через пару часовними повязку и промой.

— Ага, я понял.

Заплатив, я оставил огромные чаевые, которые он заслужил, поскольку ему пришлось терпеть меня, непрерывно корчащегося в кресле.

Звон колокольчиков раздался над головой, когда я вышел на тротуар. Ночь опустилась на освещенную улицу.

Вегас, детка.

Засунув кулаки в карман джинсов, мрачный смешок щекотал горло. Люди приезжали сюда, чтобы найти удовольствие, развлечься и повеселиться. Но тут... тут было то, чего они не захотели бы видеть, о чем не хотели бы знать — убогие трущобы, наркомания и бедность, распространенная на улицах, которую просто убрали с глаз долой.

Я понятия не имею, зачем я, черт возьми, приехал сюда. Я собирался вернуться в Джерси, но остановился в дерьмовом отеле на Фермонт Стрит. Казалось, я физически не мог заставить себя уехать так далеко, не мог проложить такую огромную дистанцию между нами, будто наши миры и не встречались.

Я усмехнулся.

Они никогда и не встречались.

Все это было фантазией. Все, об этой девочке. Как будто меня было бы достаточно. Будто я мог остаться.

Единственная реальность, которая осталась, была останками того, что я забрал.

Шагая по тротуару, я вжал голову в ссутуленные плечи, делая все возможное, чтобы избежать взглядов, насмешек и мольб. Это было невозможно. Голоса кишели, наполняя уши, разжигая дурное предчувствие, что действовало на нервы. Я был на гребаном краю. Я знал это.

Если бы был какой-либо способ покончить с этим, то я бы им воспользовался. Но судьба никогда не была на моей стороне. Она бы без сомнения вмешалась и вновь осудила меня.

Я просто не знал, как выдержать, оплачивая этот долг.

Я направлялся вниз не той дорогой, по которой ходил каждый день. Когда я попадал сюда, у меня занимало около часа, чтобы разобраться в этом дерьме. Все, что я должен был сделать,

посмотреть вправо на тупик.

Сегодня, Кит был на том же месте, что и всегда.

Купив пакетик, я сжал яд в кулаке и засунул поглубже в карман, чертовски, ненавидя себя еще сильнее, чем прежде.

Легкий путь лишиться жизни.

Я знал, что не выбрал легкого пути. Я принял это в тот день, когда они прогнали меня. Нельзя было избежать правды. Даже если я касался забвения, реальность всегда возвращалась. Тем не менее, я устал. Я чертовски устал, потому что ничего не мог поделать, кроме как бежать от изображения лица Эли, которое постоянно набрасывалось на мой разум. Мучительная часть была в том, насколько сильно я хотел держаться за них, за то, как она заставляла меня по-настоящему чувствовать, как будто я был почти живой.

Я тащился по улице к дыре, которую называл домом. Красная табличка СВОБОДНО, вспыхнула рядом с захудалым местом, как вечный знак обреченных, потому что я не мог представить душу, спасенную в этом дьявольском месте.

Ад.

Нет никакого сомнения, что это то, где я нашел себя.

Я позволил себе войти в пустоту гостиничного номера. Щелкнув выключателем, в углу заморгала старая лампа, освещающая комнату.

Никогда прежде, я не чувствовал себя таким одиноким.

Войдя, я позволил двери закрыться за мной, потирая лицо и подбородок.

Я огляделся.

Боже, я скучал по ней больше, чем имел на это право.

Медленно, я пересек комнату. Пружины заскрипели, когда я сел на край просиженной кровати. Схватив с пола полупустую бутылку Джека, я раскрутил крышку и поднес к губам. Желанное тепло, я хотел этого. Снова и снова, я глотал жидкость, которая подпитывала бушующий огонь внутри.

Я не знал, как долго просидел здесь. Время не имело значения. Конечности онемели, но недостаточно, чтобы стереть, но достаточно, чтобы исказить, покрыть чертовски невыносимую боль, что связывала меня с сердцем и разумом.

Голова закружилась, и пакетик прожигал карман.

Поднявшись на ноги, спотыкаясь, я пошел к грязной, керамической раковине, вмонтированной в стену. Стянув футболку через голову, поправил повязку на груди. Тяжело оперся о раковину, посмотрел на свое отражение, не в силах отвести взгляда от глаз, смотрящих в ответ.

В желудке зарождалась тошнота, растягивалась, цеплялась за внутренности, которые, казалось, хотели покинуть тело, как будто они тоже желали сбежать. Я вытащил пакетик из кармана. Лоб покрылся потом, отвращение вырывалось наружу.

Сжав его в кулак, я знал, что поддерживал меня не наркотик, а Эли.

Гребаный спусковой крючок.

Он обжигал мою плоть, и я сжал кулак сильнее, чувствуя, как меня охватывает беспокойство. Каждый чертов день проходил вот так. Я был как гребаная катастрофа, потому что не хотел ничего, кроме свободы, но для приговоренных не было никакой свободы.

И я ненавидел.

Я ненавидел.

Ненавидел.

Я ударил кулаком по зеркалу, разлетевшемуся на миллионы кусочков.

— Бл*дь! — заревел я, звук отскочил от стен.

Я не хотел этого.

Зеркало разлетелось, осколки стекла, со звоном, посыпались в раковину и на пол. Кожа на костяшках треснула. Хлынула кровь. И я почувствовал это — щелчок, когда поскользнулся на краю, на котором так долго балансировал. Я молотил кулаками по стене и остаткам зеркала, как будто я мог выбить эту потребность из себя. Пакетик был крепко зажат в руке, словно вынужденное одиночество, могло привести к этой дезинтеграции. Умиранию. Прекращению существования.

Или может, я привел к этому.

Не было никакой боли, только ярость, что владела мной последние шесть лет.

Я пыхтел, раскачивался, тяжело дышал.

Чертовски потерянный.

— Дерьмо. — Схватившись за голову, окровавленными руками, пакетик упал на пол, мой безумный взгляд метался по удушающей комнате. Чувство заключения только обострилось, страх, что сковал меня, провоцируя гнев внутри. Я задыхался, не мог дышать.

Я не мог больше терпеть это.

Схватив с пола футболку, я натянул ее через голову, пошарил в поисках ключей и выбежал в ночь. Сегодня темнота была всепоглощающей, луны на небе не было, только вдалеке раздавались отголоски шумной вечеринки. Мой мотоцикл сверкал, как вопиющий символ спасения за дверью. Я завел его и вылетел из этого места, прибавляя газу, когда вел мотоцикл по дороге.

Холодный воздух яростно был мне в лицо, грохот от байка вибрировал в ушах. Я мчался по улицам, терялся в безумии, сдавался потребности освободиться, даже если знал, что никогда не смогу это сделать. Я понятия не имел куда направлялся, потому что мне некуда было ехать. Это... это моя судьба, потому что я не имел права находиться в этом мире.

Огней становилось меньше, чем дальше я уезжал, город уменьшался позади меня. Фары освещали мой путь. Руки дрожали, когда я сильнее выжимал газ.

Я ненавидел.

Боже, я ненавидел.

Я заставлял его ехать быстрее, эта ярость внутри, вела меня вперед, оказывая еще больше давления. В этом городе для меня ничего не было.

Ничего для меня, нигде.

Эмоции накрыли меня, что-то сжалось в груди, от этого чёртового злого рока, что всегда будет со мной. Наклонившись, я приветствовал воздух, что обрушивался на меня, холод, что жалил меня, приветствовал злость, ненависть и тревогу, что были моими постоянными компаньонами.

Они были тем, что я знал. Единственное, на что я мог рассчитывать.

Я закричал, высвобождая ярость в небытие, потому что вот таким я был.

Дорога повернула влево. Более резко, чем я думал. Я вошел в поворот и почувствовал дрожь байка. Я боролся с рулем, старался обуздать вибрацию, которая пробирала байк. Я выровнял его и сфокусировался на размытой дороге. Я заморгал, пытаюсь рассеять туман перед глазами.

Неожиданно, появился поворот вправо. Слишком быстро.

— Черт, — мольба, вырвалась из моего рта, и я влетел в поворот. Наклонившись, я ударил по тормозам, все дрожало, и я почувствовал, как заскользила задняя шина. Затем затормозило переднее колесо.

И я взлетел.

Невесомый.

Я давным-давно потерял контроль. Я потерял его в тот момент, когда сдался беззаботности, когда отложил в сторону самые важные вещи в мире и боролся с пустяками.

Тьма поглотила меня, выпотрошила, вывернула наизнанку. Все происходило бесшумно. Так чертовски бесшумно, что перед глазами осталось только мамино лицо, которое опустошило мое сердце и разум. На мгновение, я подумал, что чувствую, как она проводит пальцами по моим волосам, как она всегда делала, когда я был маленьким мальчиком. Думал, что слышу ее тихий, нежный голос, нашептывающий мне на ухо. Думал, что могу видеть, как она смотрит на меня, будто я ее свет... когда на самом деле, она была моим.

Я скучал по ней. Боже, я так сильно скучал, это было так больно, и я хотел, чтобы она знала, что это была самая огромная моя ошибка.

Она замелькала и исчезла, уступая место девочке. Эли смотрела на меня точно так же, как будто я, возможно, был ее светом, а она невольно стала моим.

Глаза широко распахнулись, когда я почувствовал, как врезался в землю.

Это была Эли.

Эли.

Элина.

И в первый раз, с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать лет, я не хотел умирать.

Глава 23

Элина

Любить кого-то — один из самых больших рисков, на который мы идем. Возможно, самая несправедливая часть всего этого то, что мы редко сознательно принимаем решение. Любовь — это то, что медленно расцветает и со всей силы бьет нас, то, что волнует и постепенно растет, или то, что потрясает нас внезапной мощью. И иногда, она на всю жизнь остается частью нас.

Почти всегда, это было неизбежно.

Если бы мне предоставили выбор, я бы однозначно выбрала любить его. Несмотря на то, что он стал причиной моей самой невыносимой боли, еще он принес в мою жизнь много радости.

Я окружила себя маленькими записочками, разложив их на кровати, словами, которые шли прямо от его сердца, словами, которые я буду беречь вечно. Многие из них говорили, что он стыдится, и никогда не поверит, что достоин любви, которая бесконечным потоком лилась из меня. Некоторые, были просто милыми. Они показывали мальчика, который когда-то жизнерадостно улыбался, который не мог признать счастье, прятавшееся внутри него.

Во всех этих записках был Джаред. Была я. Были мы. Что мы создали, и подтверждение того, что разделили.

Прижав колени к груди, я рассматривала его подарки. Я раскачивалась взад-вперед, пытаюсь найти утешение, которое не приходило. Я скучала по нему. Я так сильно скучала, что иногда были дни, когда я думала, что могу умереть, в то время как в другие, знала, что должна двигаться дальше.

Я должна была стать сильной, потому что не было другого выбора.

Но сегодня, я чувствовала слабость.

Горло сдавило от сильных эмоций, и я крепче обняла себя, пока слезы катились по лицу.

Джаред изменил меня. Изменил мою сущность и направление моей жизни.

С тех пор, как он ушел, прошло почти три месяца. День благодарения был неделю назад. Ни одного сообщения или признака того, куда он уехал, не попало мне на глаза, и я даже не знала, все ли с ним в порядке.

Как и обещал, он ушел от меня и забыл обо мне.

И это убивало меня, потому что я никогда его не забуду. Не смогу, потому что он отпечатался во мне, навсегда оставив во мне часть себя. Я так много лет любила его, но когда он ушел на сей раз, часть меня он забрал с собой, часть, которая никогда не восстановится, потому что всегда будет принадлежать только ему.

Я посмотрела вниз, сквозь слезы, на оставленные им слова.

Думаю, в каком-то смысле, мы всегда будем принадлежать друг другу.

Начались занятия, но проходили как в тумане, я по-прежнему работала в кафе. На самом деле, я просто плыла по течению.

Я постоянно переживала о нем, потому что знала, как глубоко он страдал, как его поглотило горе и вина. Я не хотела, чтобы он страдал в одиночестве.

Но это был его выбор, и я пошла на риск, от которого теперь сама страдала в одиночестве.

Кристофер по-прежнему оставался единственным из всей семьи, кто знал о Джаред, и что он значил для меня. Моя мама знала только то, что Джаред приезжал на пару дней, а потом двинулся дальше. Когда, после его отъезда, она спросила, что со мной, я солгала, упомянув Гейба, сказала, что мы расстались, эти слова едва сорвались с моего языка. Говоря это, казалось, будто я совершаю ужасное предательство, потому что Гейб никогда, даже близко, не заставлял меня чувствовать то, что я испытывала к Джареду. Но признать то, что произошло между нами с Джаредом, казалось еще большим предательством. Я знала, что у Джареда была своего рода навязчивая идея, что он защищал меня, сохраняя наши отношения в секрете. Но я знала, что мы не могли вечно прятаться. Я не была готова рассказать ей.

Между нами с Кристофером тоже все изменилось. К лучшему. Конечно, после моего переезда к брату, мы стали ближе. Но теперь, казалось, мы поняли, что не должны ничего скрывать друг от друга. Он стал моей огромной поддержкой. Думаю, даже после всего произошедшего, Кристофер все равно заботился о Джаред.

Однажды, я хотела найти Джареда... рассказать ему... наконец, показать все. Но на самом деле, тяжело отыскать того, кто не хочет быть найденным.

Свернув его записки, я убрала их обратно в коробку. Я поставила коробку рядом с альбомами, потому что они стали моим сокровищем. И наконец, я погрузилась в беспокойную дремоту, которую называла сном.

Следующим утром, к шести, я отправилась в кафе на утреннюю смену. Было тяжело выбраться из постели, вчерашняя слабость превратилась в сегодняшнюю. Это было безумием, потому что я думала, что станет легче, но становилось только тяжелее и тяжелее.

Оборачивая передник вокруг талии, я напомнила себе, что должна быть сильной. Я принялась за работу. Сегодня суббота, и кафе было переполнено. Я чувствовала себя абсолютно уставшей, измотанной, бегая по кафе, стараясь успевать за заказами, пока мое тело сгибалось от напряжения. Перед глазами, вновь и вновь, мелькали вспышки воспоминаний: парень-блондин, его лицо, а мою кожу, все еще, покалывало от его прикосновений.

Опустив голову, я наполняла чашку кофе на кухне. Как я могла продолжать в том же духе? Его отсутствие так глубоко ранило меня, и от этого было физически больно. Это страдание чертовски сильно потрясло меня.

Позади меня, остановилась Клара, сжав мое плечо, она посмотрела на меня с нескрываемым беспокойством

— Как твои дела, милая?

В первый раз, когда она увидела меня, после отъезда Джареда, она тут же все поняла. Она сказала, что разбитое сердце нельзя ни с чем перепутать, поскольку это было написано на моем лице. Нельзя было это скрыть. Забавно, она предупреждала меня, что уже проходила через это и не хотела бы видеть, как я переживаю то же самое. Но «то же самое» было как раз

тем, где я сейчас оказалась.

Прикусив нижнюю губу, я сдвинула брови и заставила себя кивнуть.

— Был тяжелый день, но думаю, я в порядке.

Но я была не в порядке. Далекое не в порядке. Но должна верить, что однажды так и будет.

— Ты же знаешь, что если что-то понадобится, то можешь просто попросить. Поговорить или что-то еще.

Я улыбнулась ей.

— Да, знаю. Спасибо, Клара.

— Эй, мы девчонки должны держаться вместе, верно?

Остальная часть моей смены тянулась тяжело. Я не могла дождаться конца дня.

Наконец, после трех, Карина сказала, что я могу идти домой.

Я побрела к машине и опустилась на водительское сиденье. Я просто сидела, глядя на пустую стену ресторана, возле которой, стояла моя машина, глаза застилала слезы, с которыми я постоянно боролась, как будто они стали неотъемлемой частью меня.

Вытерев глаза, я завела машину и выехала на улицу. Вместо того чтобы направиться домой, я повернула к дому родителей, потому что не могла находиться одна в пустой квартире, не была готова полностью отказаться от воспоминаний о Джареде, живущем в этом месте.

Припарковавшись на подъездной дорожке, я вылезла из машины. Было тихо, и воздух был теплый, хотя палящее лето, наконец, прошло. Сглотнув, я заставила себя идти вперед, задаваясь вопросом, будет ли конечным ударом, перешагнуть через порог дома родителей, потому что я не знала, как дальше жить.

Я была разбитой.

Сломленной.

Но сейчас было важно удержать все кусочки вместе.

Постучав один раз, я толкнула дверь, открывая.

— Мам? — позвала я, просунув голову внутрь.

— Эли? — в этот раз, она не была удивлена. Она звучала почти с облегчением.

Я попятилась, когда мама завернула за угол, направившись мне на встречу. Ей хватило одного взгляда, чтобы ее лицо вытянулось.

— Ох, Эли. — Она поспешила ко мне и, не колеблясь, притянула в объятия.

Ее тепло окутало меня, и я зарылась лицом в ее шею. Моя боль выходила вместе с громким, неуправляемым рыданием. Часть меня хотела скрыть это от нее, как скрывала на протяжении долгого времени, но я больше не могла сдерживать это.

— Шшш... — бормотала она, поглаживая по волосам и медленно укачивая. — Шшш.

В ее объятиях, я заплакала еще сильнее.

— Мам, — в этом слове было мучение, которое я чувствовала, просьба, чтобы она наконец-то сказала мне, что все будет в порядке. А она ничего этого не знала, понятия не имела, что я переживала. Но я нуждалась в ней.

— Может, пройдем в гостиную, присядем и поговорим? — предложила она.

Я кивнула и, обняв меня за талию для поддержки, она повела нас к дивану. Мама посадила нас, отказываясь отпускать меня. Она прижала меня ближе, и я свернулась у ее бока. Она держала меня, как делала, когда я была маленькой девочкой. В течение длительного времени, она укачивала меня и позволяла плакать в ее рубашку, шепча слова утешения, обещая, что все будет в порядке. Я просто не знала, как это будет. Я была так напугана. Боялась в одиночестве пройти через это.

— Это из-за Гейба? — наконец, спросила она.

Слезы текли по моему лицу, как будто их выход каким-то образом устранил часть боли. Мой рот открылся, когда признание просочилось на свободу.

— Нет, мам, это никак не связано с Гейбом. — Зажмурив глаза, я чувствовала, как внутри меня что-то вырывается на свободу.

Поглаживая меня по спине, она сочувственно вздохнула.

— Я так и думала.

Мне кажется, что она всегда знала, когда я лгу.

— А папа и Август дома? — спросила я, потому что не думала, что смогла бы справиться в присутствии зрителей.

— Нет, милая, здесь только мы вдвоем. Отец повез его на тренировочный сбор. Ты можешь рассказать мне обо всем.

Мне не было стыдно. Тем не менее, было кое-что, о чем я не готова была рассказать. Но я, наконец, сказала его имя.

Я переместилась так, чтобы моя голова была на ее плече, глядя во двор через окно, где всегда был мир и спокойствие, в противовес беспорядку в моем сердце. Покачив головой, я наполнила легкие воздухом.

— Это Джаред, мам.

Это всегда был Джаред.

Воздух между нами сменился от нежного сочувствия к ошеломляющей печали. Его имени было достаточно, чтобы мое сердце сжалось.

Ее голос был грубым, но понимающим.

— Он не просто так был в вашей квартире несколько дней, не так ли?

Я медленно покачала головой, облизывая губы, когда признаваясь, посмотрела на маму.

— Нет.

В маминых глазах появилось понимание, а слова были полны смысла.

— Так он единственный.

Он был единственным. Только он.

Я снова положила голову ей на плечо.

— Я так сильно люблю его. Я думаю, что это с тех пор, как я была маленькой девочкой... но я никогда не представляла ничего, что могло чувствоваться как это.

Между нами воцарилось молчание, пока мы сидели вместе и давали правде перевариться.

— Ты расстроена? — наконец спросила я.

— Расстроена, потому что ты влюбилась в Джаред, или, потому что утаила это от меня?

Я вздрогнула, ощутив ее раздражение, разочарование, но осуждения не было.

Наконец, она вздохнула.

— Конечно, я не расстроена, Эли. Я просто не понимаю, почему ты скрывала это от меня. Ради Бога, вы с Кристофером не подумали, что я бы хотела знать, что Джаред вернулся в город? В течение многих лет, я беспокоилась о нем, и оказалось, что он скрывался в вашей квартире?

Она серьезно посмотрела на меня.

— В тот день, когда я приехала... это было так очевидно, что между вами двумя что-то происходит... или, по крайней мере, вы оба хотели, чтобы это произошло. Но ты солгала мне о другом парне. — Она расстроено пожала плечами. — Я не поверила в это. Разве я была мамой, которой ты не можешь доверять?

— Прости, мам... но разве ты не помнишь, что было после того, как Джаред отослали? Казалось, что не позволено было упоминать о нем. Папа был так зол на него. Ты думаешь, что мы с Джаредом не понимали, что папа обвинял его за то, что он свел с ума Нейла? И мы не знали, как надолго Джаред собирался остаться. В самом начале он предполагал пробыть пару дней, пока ищет себе квартиру. А затем, он просто остался.

Без сомнений, из-за меня.

Без него пустота внутри меня дрожала, увеличивалась и кричала, я была опустошена. Это была его метка, отпечаток, что он оставил после себя.

Сглотнув ком в горле, я продолжила:

— Все изменилось, когда он появился в нашей квартире. Как будто вся влюбленность, что была у меня, внезапно стала чем-то очень сильным и реальным.

Часть меня понимала, что это стало реальным в ночь, когда его отослали. Когда в четырнадцать лет я впервые по-настоящему поняла, что такое разбитое сердце. Но, может, это

было для того, чтобы встретиться лицом к лицу как взрослые, когда он вновь вернулся в мою жизнь. Может, это было для того, чтобы завершить нас, и итоге полностью разрушить.

— Он стал моим миром, мам. Жить без него — это самое сложное, что я когда-либо испытывала.

— Я не знаю, хочу ли знать, как долго вы скрывали его от меня. — То, как взволнованно она склонила голову, говорило, что она хотела знать.

— Он был здесь три месяца.

Я всегда скрывала это от нее. И до сих пор делала это, потому что не знала, как сказать.

— Боже, Эли. — Она медленно покачала головой, печаль окрасила ее слова. — И я должна полагать, что он ушел после того, как я обнаружила его у вас?

— Да, все закончилось той ночью. Он винил во всем себя. Он не верит, что ему позволено счастье, поэтому разрушает его, как только чувствует.

Я чувствовала, что он противится той ночью. Он разрушил нас, просто потому что верил, что должен это сделать.

— Все, что потребовалось от меня, это сказать ему: я люблю тебя, и он ушел. — Я осознала, что избавляла маму от некоторых деталей той ночи, и в конце концов это все было тем, что все разрушило. Джаред не верил, что заслуживает быть любимым.

У мамы было печальное лицо, когда она с сожалением вздохнула.

— Мне жаль, Эли, жаль, что ты прошла через это. Жаль, что когда-то дала тебе и Кристоферу представление, что не забочусь о Джареде, или что мы должны забыть его. Я пыталась помочь ему. Я видела, как он запутывается, но каждый раз, когда я пыталась вмешаться, не могла ничего сделать, чтобы остановить это. Я пыталась убедить Нейла отправиться на терапию вместе с Джаредом, но он был так поглощен своим горем, что не видел ничего другого. Нейл махнул на себя рукой... махнул рукой на жизнь. Без Элен он считал, что у него ничего нет.

Мама закрыла глаза, словно защищая себя от боли. Нейл не стал прежним, после того как потерял Элену. Наша семья потеряла и его.

— Я чувствовала себя такой беспомощной... наблюдая, как Джаред разрушает себя из-за аварии, виновником которой мог быть любой из нас, — продолжила мама, закусив нижнюю губу, как будто потерялась в мыслях. Она прерывисто вздохнула. — Все эти годы я беспокоилась о нем, молясь, чтобы он был в безопасности. После того, как он был освобожден, я несколько раз пыталась связаться с ним, но не смогла найти. Я полагала, что он, возможно, не хотел, чтобы его нашли. Все что я могла — это надеяться, что он уедет куда-то, где позволит себе обрести покой, если не мог быть здесь. Когда я увидела его в вашей квартире, это было величайшее облегчение, которое я могла себе представить.

Съездившись, мама посмотрела на меня.

— Но я боялась и за него тоже, Эли. Одного взгляда хватило, чтобы понять, что он все еще терзается... все еще сломлен. Все эти отметины, покрывавшие его тело, кричали о том, какой он несчастный внутри. Страх в его глазах, когда он увидел меня. — Ее рот дрожал, и она осмотрела комнату, как будто собиралась с мыслями. Затем она повернулась ко мне, с

небольшой улыбкой. — Но в его глазах был свет, что исчез после аварии. — Мама приподняла мой дрожащий подбородок своим пальцем. — Это была ты, Эли. Думаешь, я не заметила то, как он смотрит на тебя? Словно ты можешь спасти его? Как будто ты была единственной, что имело значение в комнате? И ты смотрела на него так же.

— Я так сильно скучаю по нему, — прошептала я.

— Между вами двумя, всегда было что-то особенное, — задержав на мне взгляд, она похлопала меня по коленке. — Подожди минутку, я хочу кое-что показать тебе.

Встав с дивана, мама пронеслась по коридору и вернулась через минуту. Она села возле меня и подала фотографию, которую держала в руке. Конечно же, на глаза вновь навернулись слезы, потому что последние три месяца я не переставала плакать, эти бушующие эмоции выматывали меня. Но это... это согрело, успокоило и сломило немного больше.

Было невозможно не узнать мальчика со светлыми волосами и сияющими, голубыми глазами. Он сидел на диване, Елена сидела справа от него, помогая держать ребенка, который лежал у него на коленях.

Я нежно провела пальцами по фотографии.

— С той минуты, когда я принесла тебя домой, ты всегда была его малышкой. Он бежал впереди Элены и звал тебя. Он только научился говорить, но нельзя было ни с чем спутать то, как он говорил твое имя. — Задумчивая улыбка появилась на ее губах. — Боже... он был таким милым мальчишкой, Эли. Он всегда приглядывал за тобой, всегда убеждался, что ты не потеряешься.

Тихий всхлип пытался вырваться из меня. Я прижала кулак ко рту, пытаюсь сдержать его.

Потому что он... он потерял меня. Он забыл меня, оставил одну. Было так больно. И я так сильно старалась посмотреть на это с другой стороны, быть сильнее, потому что знала, что придет время, когда я буду дорожить тем, что он дал мне. Придет время, когда я больше не буду бояться, а буду улыбаться, когда увижу его проблеск в том, кого он привнес в мою жизнь.

Дрожь пробрала мое тело, сотрясая до самой души, потому что все, чего я хотела — чтобы он был частью этого.

Вытянув руку, мама прикоснулась к лицу подруги. Ее голос стал тише.

— Знаешь, она всегда говорила, что, в конце концов, вы будете вместе. Она наблюдала за тем, как вы играли вдвоем, и бросала на меня взгляд, который означал: «Я же говорила тебе». — С ее губ сорвался тихий смешок, такой обнадеживающий и в то же время печальный. — Ты даже не представляешь, насколько бы это ее осчастливило знать, что ты любишь ее сына так, как она всегда мечтала... я счастлива, что ты нашла того, кого любишь вот так.

Ее слова прожгли дыру глубоко внутри меня.

— Мам, как ты можешь такое говорить? Он уехал. — Я сделала акцент на последнем слове, потому что осознала, что должна принять этот факт.

Тоска заполонила мою душу.

Он уехал.

Мама взяла мои щеки в ладони:

— Сердце всегда найдет дорогу к своему дому.

Вечером во вторник, после учебы, я проехала небольшой путь до дома. Солнечный свет едва цеплялся за небосвод. Золотистые лучи сверкали на горизонте и утопали в синеве. Подняв лицо к небу, у меня появилось желание свернуться на кровати со своим альбомом, позволить руке свободно рисовать и увидеть его лицо.

Всё, чего я хотела — это увидеть его.

Я проехала по парковке и остановилась на своем месте. Вздохнув, я взяла сумку и вылезла из машины. Я чувствовала себя истощенной. Я всегда чувствовала себя немного уставшей, как будто это недомогание сжигало мое тело. На ватных ногах, я пересекла парковку, уговаривая себя шагать. Потихоньку поднимаясь по ступенькам, я держалась за перила.

Подняв голову, легкие покинул весь воздух, я была охвачена паникой и пугающим взрывом облегчения.

Потому что единственные глаза, которые я хотела видеть сейчас, смотрели на меня с верха лестницы, где он сидел. Его локти упирались в колени, а ледяные голубые глаза уставились на меня.

— Джаред.

Глава 24

Джаред

Господи, видеть ее — было лучшим, что я когда-либо испытывал. Меня захлестнули волны головокружительного облегчения, заполнив пустоту.

Эли.

Нервно проведя рукой по волосам, я приложил все усилия, чтобы сидеть неподвижно, под пристальным взглядом зеленых глаз, сосредоточенных на мне. Прядки черных как смоль волос развевались от легкого бриза, появившегося с наступлением темноты. Замерев на полушаге, она схватилась за перила, будто боялась упасть, словно у нее из-под ног выбили почву.

Я полагаю, что земля ушла у меня из-под ног в тот момент, когда в ту первую ночь она нависла надо мной на диване.

Бог знал, что она была единственной, способной все изменить.

На моих губах заиграла мрачная улыбка, в то время как что-то тяжелое тянуло мое сердце.

Эта девушка была такой красивой. Умопомрачительно красивой.

Казалось, воздух просто исчез, мой пульс стал едва заметным. Каждая моя клеточка кричала, чтобы я встал и притянул ее в свои объятия, поцеловал и убедился, что она настоящая, потому

что я провел так много ночей, мечтая о ней, и я не был уверен, что все еще мог отличить сон от реальности.

Я осторожно поднялся на ноги. Мысли с шумом проносились в голове, и я не мог произнести ни слова. Я понятия не имел, как она отреагирует на мое присутствие, не имел ни малейшей подсказки на то, о чем она думает, не мог сказать, была ли она счастлива, испытывала облегчение или злость, потому что она выглядела чертовски печальной.

Я хотел стереть печаль с ее лица и из сердца, потому что, без сомнения, именно я был тому причиной. Самая эгоистичная часть меня вернулась, но я по-прежнему не знал, как это сделать. Знал только то, что больше не могу быть вдалеке от нее. Это было просто невозможно, потому что ее образ постоянно стоял перед глазами.

— Эли. — Мне, наконец, удалось выдать шепотом ее имя, сложив все мои мысли в голове. Для меня она была важнее всего.

Она стояла там, в пяти шагах от меня, не двигаясь, прежде чем начала медленно трястись, губы задрожали, а слезы хлынули из глаз. Зажмурившись, Эли опустила лицо, ее руки сжались в кулачки, когда она заговорила:

— Ты вернулся.

Ее голос был пропитан неуверенностью и болью потери, перекликающейся со смятением, и показал сломленную девочку, которую я оставил на парковке, выкрикивающую мое имя.

И это ранило. Эта девочка, страдала так же сильно, как и я.

Но чего я ожидал? Что с ней все хорошо? Что был хоть малейший шанс, что она двинется дальше, как я и обещал?

Я имею в виду, черт, невозможно было отрицать то, что я чувствовал в ее прикосновениях.

И сейчас не было смысла отрицать, как сильно я ранил ее.

Я наморщил лоб.

— Разве я мог не вернуться? — я протянул к ней руку, желая, чтобы чертов дюйм, разделяющий нас, исчез. — Я солгал тебе, Эли. В ту ночь... — с трудом сглотнув, мое внимание привлекло то место, где я ее оставил, и снова посмотрел на нее. — Я уехал, осознавая, что никогда не смогу забыть тебя, но молился, чтобы, каким-то образом ты забыла про меня. И знаю, что не должен здесь быть. Знаю, что должен дать тебе шанс забыть, но Эли... я скучаю по тебе.

Я скучал по ней. Боже, как же я скучал.

Эли посмотрела на меня сквозь завесу волос, обрамляющую ее лицо — лицо, которое было искажено от боли, пропитано слезами и душевными шрамами, которые я оставил.

— Эли...

Она резко покачала головой — тихая команда. Начав подниматься по ступенькам, она не отвела от меня взгляд. Она сдвинулась влево, и я позволил ей пройти. Подавляющий страх отказа скрутил мои внутренности, когда я понял, что опоздал.

Пока, проходя мимо, она не посмотрела умоляющими глазками.

На своем этаже Эли повозилась с ключами и открыла дверь. Пройдя внутрь, она оставила ее открытой. Не останавливаясь, она сбросила с плеча огромную сумку на пол, от этого жеста на меня нахлынули воспоминания о тех днях, когда я ждал, что она войдет в эти двери. Черт. Мог ли я быть большим глупцом? Потому что я появился здесь, нуждаясь в том же комфорте, что и тогда, понимая, что никогда не заслужу его. Что, черт побери, я думал, изменилось? Но что-то... что я ощущал внутри... то, что поразило меня на той пустынной дороге в Неваде, той ночью, я осознал, что хочу жить. Что у меня есть ради чего жить.

Потому что, я хотел жить ради нее.

Я хотел этого. Хотел быть с ней. И я не хотел, черт побери, больше скрывать это.

Засомневавшись у двери, я переступил через порог. Квартира была той же, но, в то же время, ощущалось пустой, как будто я пропустил так много того, что произошло здесь, за эти несколько месяцев, пока меня не было.

Я тихонько ее закрыл.

Не взглянув на меня, Эли исчезла в своей комнате. Я пошел за ней, не зная чего ожидать. В дверном проеме я замер. Комната утопала в полумраке сумерек, естественный свет почти исчез в наступающей ночи. Тени танцевали и играли, насмехались и дразнили. Здесь мы разделили так много всего, то, что изменило жизни, сердца и реальность.

Эли стояла возле кровати, лицом к окну, обнимая себя руками, словно изо всех сил старалась не упасть на колени. Ее плечи вздрагивали, и я понял, что она плачет, пытаясь взять себя в руки.

Я потер ладонями лицо, осознавая, что хотел быть тем самым — хотел быть достаточно сильным мужчиной, чтобы поднять ее, когда она упадет. Но я был слабаком, черт побери, не подходил ей, и не знал, как сделать все правильно, когда все внутри меня было неправильным.

Тем не менее, я хотел попытаться. Я был полон решимости попробовать.

Очевидно, ее дверь была отремонтирована, но не то повреждение, которое я нанес. Я закрыл за собой дверь. Сделав несколько медленных шагов, я развернул стул, который стоял у ее туалетного столика, лицом к комнате. Я сел на него, поставив локти на колени, все мое тело покорно согнулось.

Комната погрузилась в тишину.

— Эли, скажи мне, о чем ты думаешь, — наконец, взмолился я. Слова звучали как гравий, царапая горло. — Если ты хочешь, чтобы я ушел, просто скажи, и я уйду за дверь, и обещаю тебе, что на этот раз, ты больше меня не увидишь. — Может, я опоздал. Может, она двигалась дальше. Боже, я, мать вашу, не мог вынести мысль, что кто-то прикасается к ней, идею, что кто-то любит мою девочку. В тот же миг, во мне выросло старое безумие. Закрыв глаза, я пытался сдержаться, заблокировать это, потому что я не имел права предъявлять ей претензии.

Почувствовав ее движение в мою сторону, мои веки распахнулись, лицо исказилось, когда я посмотрел на нее. Она осторожно подошла, с опущенной головой, ее движения были медленные и неуверенные.

— Ты думаешь, я не хочу, чтобы ты был здесь? — ее лицо исказилось от боли. — Ты не веришь в то, что я сказала тебе? Или ты думаешь, что произошедшее между нами, было просто игрой для меня? Я имела в виду каждое сказанное слово. Я отдала себя тебе. — Она ударила кулаком перед собой, каждый удар, рассекающий воздух, подчеркивал ее слова, затем она положила руку на сердце. — Три месяца, я едва могла спать... три месяца... потому что все, что я могла делать — беспокоиться о тебе.

Ее нижняя губа задрожала, и она прикусила ее зубами.

— Посмотри на себя. Боже, Джаред, ты разбиваешь мне сердце. Что с тобой случилось? — вытянув руку, она пробежалась тыльной стороной по исчезающим синякам, на моей щеке и коснулась пальчиками сморщенной кожи над левым ухом. Волосы достаточно отросли, чтобы слегка прикрывать оставшуюся часть шрама, извивающегося на затылке.

Я был счастливым. Так они говорили. Как много раз я слышал это? В этот раз, когда я очнулся в отделении интенсивной терапии, доктор не шутил со мной. Он решительно сказал мне:

— Ты должен был умереть. — И посмотрел на меня так, как будто думал, что я заслуживал этого.

— Я случился. — Сев прямо, я поднял подбородок, чтобы встретиться с ней глазами, потому что у меня не было оправдания. — Это всегда я. Я чертова неприятность, Эли, но без тебя, я катастрофа. Я... — вздрогнув, я переместил свое внимание на тень на полу, прежде чем набрался смелости, оглянуться назад. — Ты делаешь меня лучше. Я даже не знаю, что делаю здесь, но те три месяца, что я провел с тобой, были лучшими в моей жизни. Ты заставляешь меня чувствовать то, что я не чувствовал прежде.

Заставила меня чувствовать то, что я никогда не думал, буду чувствовать, то, что не позволял себе чувствовать, то, что дарило радость и кружило голову от любви. И сейчас я это чувствовал, все эти эмоции собирались во мне, решительная борьба замешательства и потребности.

Я чувствовал на себе дыхание Эли, она уверенно подвинулась вперед, и ее ноги ударились об мои колени. Может, это чем-то напоминало первую ночь, когда она подтолкнула нас к краю, это напряженное отчаяние, что присутствовало, когда она говорила мне остаться. Но сегодня, ничего в ее намерениях не казалось соблазняющим, как тогда. Во всяком случае, она выглядела испуганной.

Бл*дь. Я не мог остановить дрожь в ногах, когда она медленно оседлала меня, ее тепло окутало меня целиком.

Потребовалось все мое самообладание, чтобы не обрушиться на нее.

Медленно, она прошлась кончиками пальцев по моему подбородку и наклонила голову.

— Ты не представляешь, как я скучала по тебе, — прошептала она сквозь боль, которая, казалось, не отпускала ее.

Но она была права. Это, вероятно, единственная вещь, которую я мог понять.

Покачив головой, я взял ее лицо в свои руки, кончики пальцев оказались в ее волосах. Она положила свои ладони, поверх моих.

— Джаред, — прошептала она. Слезы текли по ее лицу, горячие и быстрые.

— Мне жаль, — обещал я. — И я знаю, что не могу вернуть те месяцы, что меня не было, но я хочу попытаться... хочу попытаться, чтобы это сработало. Боже, Эли, скажи мне, что хочешь этого.

Эли поперхнулась и снова прошептала мое имя.

Я лихорадочно искал ее глаза, чувствуя боль, что отражалась на поверхности ее кожи. Еще был страх, и я снова подумал, что, может быть, я опоздал, что нанес слишком много ущерба, и она готова оттолкнуть меня.

Но она держалась за меня, как будто собиралась держаться за меня вечно.

Облизав губы, я покачал головой.

— Детка... скажи мне, что не так.

Убрав мои руки со своего лица, Эли уставилась на меня с подавляющим страхом. Несколько мучительных секунд, она сжимала руки между нами. Опустив, она положила их на свой живот. Ее теплые ладони держали мои руки на нем, прижимая, говоря. Движение было напряженным, умоляющим, ее щеки были мокрые от слез, что, не переставая, текли из ее глаз.

Все мышцы моего тела напряглись. Разум проиграл в голове каждый сценарий, потому что не было никакой возможности принять то, что она имела в виду.

Но она не объясняла, не забирала это назад.

— Нет, — вырвалось из моего рта, когда я отстранился, нуждаясь в пространстве, и тряс головой.

Ее пальцы впились в мои руки, когда она сильнее прижала их к животу.

— Да. — Это было заявление.

— Нет, Эли, нет.

Под кожей растекалась паника. Каждая клеточка моего тела горела в мучительном пламени.

— Как? Как я мог сделать это?

Она отвернулась, затем резко повернулась ко мне.

— Я не знаю. Я... Я все испортила.

Она все испортила? Тихий, насмешливый смех грозил вырваться из моей груди.

Я тот, кто все испортил. Я всегда все портил.

Стены давили, и комната вращалась. Я слегка подталкиваю ее со своих коленей.

Встав на ноги, Эли отшатнулась.

— Джаред, пожалуйста, поговори со мной.

Но я был единственным, кто пошатывался. Спотыкался. Поднявшись на ноги, я запустил руки в волосы и сжал в кулаки, начав расхаживать по ее комнате. Как я мог позволить этому случиться?

Я не достоин этого.

— Не делай этого, Джаред. Я знаю, о чем ты думаешь, и ты не прав.

— Я должен... я должен уйти, — я направился к двери. Мне просто нужно немного воздуха. Потому что я, черт побери, не мог дышать.

— Не смей оставлять меня, Джаред. Пожалуйста... не делай этого со мной. — Ее слова были резкими и торопливыми. Она схватила меня сзади за футболку, отчаянно потянув назад. — Я не позволю тебе сделать это со мной... Не позволю тебе сделать это с нами.

Я развернулся, схватив ее за запястья, устроив ее руки между нами, когда мы стояли грудь к груди. На меня уставились широко раскрытые, испуганные глаза, ее идеальный рот приоткрылся в шоке.

— Ты думаешь, я могу? Черт... Эли...

Разве она не понимает это?

Я сглотнул, когда смотрел на девочку, с которой так неправильно поступил. Я не знал, как быть в порядке с этим, потому что я никогда в жизни не был так напуган. Я отнял жизнь и не имел права давать ее. Но я не мог держаться подальше от единственной, кто затронула мое сердце.

Я усилил свою хватку.

— Я... пожалуйста, дай мне немного времени.

Изучая меня, губы Эли вытянулись в тонкую линию, лоб сморщился, как будто она хотела сопротивляться. Вместо этого, она быстро кивнула и сделала шаг назад.

— Хорошо. — Сглотнув, она снова кивнула. — Но прежде чем ты уйдешь, мне нужно, чтобы ты знал, что я люблю тебя, Джаред.

Я знал это. Я верил в это.

Я бы отдал все, чтобы знать, как любить ее в ответ, потому что она должна быть любима, целиком и полностью и безо всякой хрени, что удерживала меня. Я хотел быть достойным. Моя натура скорчилась. Как я мог быть таким?

Когда я повернулся и пошел к двери, Эли застонала, словно от боли, но не попыталась остановить меня.

Я пронесся вниз. Ночь уже вступила во владения. Я забрался на дерьмовый байк, который купил, чтобы добраться сюда. Завел двигатель. Отъехав, я пытался смотреть сквозь беспокойство, охватившее меня, легкие сжало, заставляя сердце бешено стучать. Все было неправильно... так неправильно.

Остановившись у ворот, я потер глаза, громко выдохнув. Неизвестные эмоции нахлынули на меня, застряв в горле, пытаюсь выбраться наружу. Выехав на затуманенную улицу, я широко

раскрыл глаза, желая очистить зрение.

Я знал, куда направлялся.

Меня тянуло туда.

Улицы были забиты машинами. Я хотел закричать. Проведя рукой по волосам, я бессвязно бормотал, неуверенный, что смогу держать себя в руках. Когда я, наконец, пересек город, я перестроился в левый ряд. Перед глазами всплыли воспоминания, и я вздрогнул. Я буквально задыхался, проезжая то место, где начал все это, где она истекала кровью, и даже не плакал. Те нерастраченные эмоции столкнулись с гневом, борьбой, изо всех сил пытаюсь выбраться на свободу.

Через четверть мили, вниз по улице, я подъехал к обочине. Остановившись, вокруг меня поднялось облако пыли. Я спрыгнул с байка. Старый район был устрашающе тих, свет лился из окон, а деревья колыхались на ветру. Тяжело дыша, я осмотрел поле через улицу. Втянув воздух в легкие, я пересек улицу. Запихнув носок ботинка в забор из сетки рабицы, я перелез через него и спрыгнул с другой стороны.

В центре поля возвышалась высокая трава. Добежав до середины, я упал на четвереньки. Воспоминания будто взбесились, подбираясь слишком быстро и желая выбраться на свободу. Маленькая Эли... мама зовет ее по имени. Обе тянули меня, я вел борьбу между тем, в чем нуждался и долгом, который никогда не смогу оплатить сполна. Я правда заставил себя поверить в то, что если вернусь сюда, то смогу избежать этого? Но я сделал это импульсивно, инстинкт вел меня сюда, обещая, что все изменится.

Да. Все изменилось, точно.

Я сделал вдох.

Встав на колени, я поднял руки вверх, пытаюсь найти смысл в миллионе эмоций, которые боролись в сердце и голове.

— Мам, — крикнул я, желая, чтобы она могла услышать. Молясь, чтобы могла. — Мне так жаль... так жаль. Я пытался. Я чертовски сильно пытался, и что бы я ни делал, ничего не выходит правильно. Я хочу, чтобы все получилось как надо.

Я наклонился вперед, схватившись за живот, осознавая, что сейчас потеряю контроль. Ее лицо всплыло перед глазами, ее голос был таким нежным.

— Мам, — пробормотал я, — Пожалуйста, скажи, что мне делать.

Я просто, черт побери, не знал.

Сгорбившись, я спрятал лицо в руках. Я знал, что больше не мог так жить. Надо что-то изменить. Я пытался и, черт побери, провалился. Я устал от постоянных неудач. Устал причинять боль людям, о которых забочусь.

В этот момент, мысли об Эли поглотили меня. Впечатления от маленькой девочке, которая выросла, чтобы обладать мной, промчалось по мне и растворилось в воздухе.

Глава 25

Закрыв глаза, Джаред опустился на свою кровать. Его окутало теплом, момент эйфории, момент облегчения. Он дрейфовал, поднимался и падал. Хоть ненадолго, ему не было так чертовски больно.

Но это не длилось вечно.

Сжавшись в комок, он схватился за живот, пытаясь уклониться от наступающего урагана чувств. Огонь пронесся по венам, незнакомый голос кричал из пустоты, где когда-то была его душа. Джаред открыл рот и прижал лицо к подушке. Из горла вырвался беззвучный крик.

Он больше не мог этого делать.

Джаред сел. Покачнулся. Выпрямившись, он провел рукой по слишком длинным волосам, отчаянно оглядывая комнату. Он должен был собраться и понять все. Он продолжал думать, что если заполнит себя ядом, то уснет и никогда не проснется. Но это никак не получалось, и он постоянно возвращался в кромешный ад.

Открыв нижний ящик тумбочки, Джаред запихнул в рюкзак несколько дорогих ему вещей, неуверенный, что смог бы оставить их, и добавил дешевую бутылку виски, украденную из кабинета отца. Схватив с пола футболку, он засунул ее в передний карман.

Не то чтобы это было, мать вашу, важно. На сей раз, его не поймают. Он сможет выбраться. Он заплатит свою цену и больше не сможет разрушить хорошее.

Закинув рюкзак на плечо, Джаред подошел к окну и одернул шторы. Он медленно приоткрыл окно, пульс колотился в его ушах. Он съежился, когда оно скрипнуло. Он, как предполагалось, был наказан. Это было решение отца. Наказан. Джаред был арестован и исключен из школы, и очевидно, это было справедливым наказанием.

Усмехнувшись, Джаред крепче схватился за оконную раму. Боже, отец был глупцом. Он правда думал, что наказать его на месяц и отправить в другую школу исправит что-то? А правда в том, что отец не хотел иметь с ним дело или с его дерьмом.

Джаред не мог винить его.

Он разрушил его жизнь.

Ночь за ночью, Джаред лежал и слушал, как плачет его отец, этот звук эхом отдавался в пустом пространстве, которое раньше было их домом. Кортни увезли. Через две недели после похорон ее отправили к бабушке и дедушке, потому что отец не мог заботиться ни о чем и ни о ком. Предполагалось, что это на время. Но все внутри подсказывало Джареду, что это не так. Он только надеялся, что его сестра избежала всего этого, что она будет в порядке.

Что жизнь отца, была единственной, еще одной, которую Джаред разрушил.

Джаред тихо подошел к своей двери и приложил к ней ухо, чтобы услышать отца. Беспокойство поползло по позвоночнику. Он не мог испортить это. Из гостиной раздавались отдаленные звуки телевизора. Остальная часть дома погрузилась в тишину. Джаред пересек комнату и быстро открыл окно. Задержав дыхание, он перепрыгнул через подоконник и ушел в ночь.

Пригнувшись, он пробежал по своему двору и остановился только около стены гаража дома

Рамиресов, в двух домах от собственного. Джаред заглянул к ним в окно. Свет потушен, машины нет. Много лет подряд он косил их газон и попивал лимонад, сидя на кухне, когда миссис Рамирес предлагала ему сделать перерыв от палящего солнца. Он знал, что они держали в шкафу.

Проведя рукой по волосам, Джаред прижался к стене, набираясь храбрости. Но она никак не приходила. Была только боль и пульсирующее желание заплатить по счетам.

Джаред отодвинулся от стены, кинул рюкзак на землю и вытащил футболку из переднего кармана. Обернув ее, как попало, вокруг руки, он зажмурил глаза и втянул в легкие побольше воздуха. Он ударил кулаком в маленькое, квадратное окошко гаража.

Стекло треснуло, упало и разбилось о бетонный пол.

— Черт, — тихо прошипел он, повернувшись, чтобы взглянуть в темноту. Внизу по улице залаяла собака, но больше никто, казалось, не заметил его присутствия.

Джаред вернулся к своей задаче, вздрогнув, разворачивая окровавленную футболку с руки. Тихо застонав, он пытался игнорировать режущую боль. У него не было времени отвлекаться на это.

Джаред выбил оставшиеся осколки локтем. Некоторые упали на пол с громким звоном. Он взял рюкзак с земли и закинул его внутрь. Ворча, он протиснулся в маленькое отверстие.

В гараже было темно. Лишь тусклый лунный свет лился из окна, через которое он вошел. Взяв с пола рюкзак, он закинул его на плечо, а затем направился внутрь дома. Кухня освещалась приглушенным светом, Джаред быстро пересек ее и направился по коридору.

Он точно знал, куда идет.

Он включил свет в комнате. Два кресла стояли рядом со старым телевизором, а стены украшали картины. Джаред перевел внимание к своей цели, потому что не мог смотреть на эти улыбающиеся лица, их семью. Не тогда, когда он разрушил свою.

У дальней стены стоял старинный, оружейный шкаф. Цельное дерево было отполированным, стеклянные дверцы закрыты. Внутри находилось оружие мистера Рамиреса: две винтовки, ружье и пистолет. Однажды он показывал их Джареду, рассказывая истории о каждом оружии.

Джаред похолодел от страха, а сердце неровно колотилось, пока он пялился на оружие. Не важно, что он был напуган. Его мама тоже была напугана. Он видел это. Чувствовал.

Джаред рванул вперед и дернул старый замок. Он щелкнул и открылся, двери немного приоткрылись. Джаред взял пистолет из шкафа. Он был таким тяжелым и холодным. Судорожно сглотнув, Джаред осмотрелся и нашел нужные пули, заряжая пистолет, он задержал дыхание. Он запихнул его в передний карман рюкзака.

Джаред возвращался обратно через кухню, когда услышал скрип гаражных дверей и стук автомобильной дверцы. Он замер. Прижав рюкзак к груди, его взгляд начал метаться по комнате в поисках спасения.

Через пять секунд, дверь, через которую он вошел, открылась. Джо Рамирес ахнул, его ноги задрожали.

— Джаред? — сказал он больше от удивления, чем задавая вопрос. Он сморгнул ступор. — Что ты здесь делаешь?

Повозившись в переднем кармане, Джаред достал пистолет. Он навел его на Джо.

«Что же я делаю... что делаю... что я делаю?» бормотал про себя Джаред. Тошнота скрутила его желудок, а давление росло в голове.

— Подойди, Джаред. Дай мне пистолет. — Старый мужчина смотрел на него с явным сочувствием и проблеском страха. — Я знаю, что ты не хочешь делать это. Я знаю тебя.

Джаред резко покачал головой, не желая слушать, что говорит Джо, пистолет дрожал, когда он держал его прямо перед ним.

— Просто... просто сядьте в это кресло. — Джаред облизал сухие, потрескавшиеся губы. Пустота в его венах кричала, чтобы быть заполненной.

— Джаред... — Джо сделала шаг вперед, успокаивающе вытянув руку вперед, как будто он мог что-то сделать, чтобы свети беспокойство, разрывающее Джареда на части.

— Сядьте! — закричал Джаред, он не узнал собственный голос.

Джо медленно кивнул и, с поднятыми руками, побрел к кухонному стулу. Он сел, глядя на Джареда с жалостью, которую он ненавидел. Движения мужчины были осторожными, когда он сложил руки на коленях.

— Ты не хочешь делать это, Джаред.

Но он хотел. Он должен, хотя не хотел никого в это втягивать. Джаред ненавидел пугать мужчину, который всегда был добр к нему. Просто у него не было выбора.

Держа пистолет, направленным на Джо, Джаред судорожно обыскивал кухонные ящики, оставляя их открытыми там, где он не находил то, что искал. Он застонал от облегчения, когда, наконец, нашел. Большой ящик был переполнен ненужным хламом, ручками, скидочными купонами и случайным дерьмом. И небольшой скрученной веревкой.

Джаред подошел к мужчине и проскользнул за стулом.

— Дайте мне свои руки.

Джо колебался.

— Сделайте это! — закричал Джаред, ткнув ему в бок стволом пистолета.

Пожилой мужчина поддался и опустил руки по бокам. Джаред присел и приставил пистолет к его бедру. Дыхание стало неровным и тяжелым, когда он начал обвязывать веревку вокруг талии Джо, крепко привязывая его к основанию стула.

— Джаред, пожалуйста, не делай этого, — умолял он.

Пот выступил на верхней губе Джареда. Он вытер его рукой. Он тяжело заморгал, пытаясь очистить туман, который заволок его разум. Он затянул веревку и Джо вскрикнул.

Дерьмо.

— Я не сделаю вам больно, — пообещал Джаред сквозь муки, чертовски ненавидя каждую секунду того, что делал. Но он не мог поступить иначе.

Джаред ослабил узел, так, по крайней мере, она не будет натирать.

— Ты знаешь, что я не об этом беспокоюсь, — сказал Джо.

Из потемневшей души Джареда вырвался невеселый смех, из глубоких тайников, где находилось его порочность.

— Тебе не следует беспокоиться обо мне, старик. Я собираюсь туда, где должен быть.

Поднявшись, Джаред вытащил ключи от машины Джо и убежал в гараж. Он ударил ладонью по двери гаража, чтобы открыть ее. Дверь медленно поднималась, когда он скользнул на водительское сиденье крупногабаритного седана.

Оказавшись за рулем, на него нахлынула тошнота. Его руки безудержно тряслись, когда он возился с ключами. Наконец, у него получилось вставить ключ в зажигание. Он повернул его, затем в обратную сторону и завел двигатель. Переключив передачу, он сдал назад. Машина свернула, когда он выжал газ.

Он должен был убраться от соседей. Прочь от воспоминаний. Прочь от всего, что имело значение.

Он не хотел делать этого здесь.

Но эти воспоминания преследовали его, мучили, когда он бессмысленно бродил по улицам. Куда, черт побери, он должен уехать? Потерев руками лицо, Джаред пытался пробудиться, чтобы сфокусироваться и увидеть через долговременное оцепенение, что взяло его в заложники.

Он ехал в течение нескольких часов, пока тревога увеличивалась и изматывала его. В нем развивалась паранойя. Скоро они ринутся искать его, и он должен закончить это. Его глаза перемещались по улице, ища место, чтобы спрятаться, но ничего не было. Удушливый крик застрял в горле, когда он понял, что ездил по кругу и вернулся к соседским окрестностям. Истерический смех вырвался изо рта. Это какая-то коварная, больная шутка?

Он избегал перекрестков, потому что не мог поехать туда. Он развернулся и быстро свернул направо, на улицу, граничащую с соседской. Джаред срезал влево по улице. Машина подпрыгивала и дергалась, когда он проехал по бордюру, пытаясь вписаться в поворот. Поле было пустое и темное. В середине росла высокая трава. Фары освещали то место, которое всегда так много значило для него, где он провел свои дни, играя, когда был ребенком, когда все было хорошо, и радость не была туманным впечатлением прошлого.

Он любил это место. Сейчас он разрушил его, так же, как разрушил все остальное.

В середине поля он заглушил двигатель и выключил фары.

В течение нескольких минут или, может, часов, он сидел в темноте, дрожа, раскачиваясь.

Дрожа от беспокойства, он нащупал верхнюю лампочку. В салоне зажегся слабый свет. Ему просто нужен был толчок, и тогда, он смог бы сделать это. Порывшись в рюкзаке, Джаред осушил полбутылки виски, чтобы успокоить нервы, а когда этого было недостаточно,

проглотил пять таблеток.

Он ненавидел это. Ненавидел.

Эту ложку, иглу и пакетик...

Но это, все что у него было.

Он обнаружил, что ему полегчало, и сжал крохотный кусочек ваты между пальцами. Голова кружилась, а разум был размытым. Все было таким тяжелым и таким легким. Теплым.

На несколько секунд, Джаред обмяк на сиденье, отпустил это.

Это никогда долго не длилось, он просто так устал... но его разум не переставал работать. Он слышал плач мамы, чертовы мольбы в недрах своего мозга.

Вытащив из рюкзака пистолет, он направил его себе в рот. Зубы царапали металл, звук отдавался в ушах и проходил через кости. Лоб и шея покрылись потом.

Я могу сделать это.

Пальцы дрожали на спусковом крючке.

Это больно. Это больно. И он был так напуган.

Джаред убрал пистолет от своего рта и опустил голову на подголовник.

— Черт, — закричал он.

Он поднял пистолет к виску, вернув палец на курок. Он сжал глаза, умоляя.

— Мам... мне жаль... мне так жаль. — Его рука дрожала.

Джаред, черт побери, не мог перестать дрожать.

Еще несколько таблеток, оставшихся в пузырьке, высыпались на рубашку, когда он опустошал последние.

Он мог сделать это.

Но он хотел увидеть ее лицо, еще один раз.

Онемение накрывало его тело, когда он копошился в рюкзаке. Он качнулся влево. Дерьмо. Может, он принял слишком много. Но все было в порядке... в порядке... он мог сделать это. Он мог сделать это для нее.

Наконец, он нашел свою тетрадь в рюкзаке. Слова заполнили изношенный дневник — его стыд и позор. Снимки идеальной жизни были сложены между мерзкими страницами. Он листал с самого начала до нужной фотографии и поднял ее, чтобы увидеть светящуюся нежность на ее лице.

Он никогда не увидит ее снова.

Подняв зажигалку, он щелкнул ей и наблюдал, как горит фото. Фотография плавилась,

исчезала, так же как она, когда он украл ее жизнь.

Он так чертовски устал. Так сильно. Его клонило в сон. Джаред ударился лбом об руль, поглаживая приклад.

Он мог сделать это.

Для начала, он хотел посмотреть, как все сгорит. Положив пистолет на колени, щелкнул зажигалкой и позволил пламени танцевать на кромке тетради. Он держал ее в руке, ощущая жар на лице. Ничего не чувствуя. Совсем.

Пламя охватило салон, и он отключался.

Падал в небытие.

Задыхался.

Пуля была не нужна.

Он прошептал:

— Мне так жаль... так жаль.

Возможно, сейчас, он все сделает правильно.

Кто-то закричал, голос проник в его пузырь. Джаред просто хотел спать. Руки двигались сквозь огонь. Вытаскивали. Тянули. Молили.

Воздух.

Кулаки врезались в его грудь.

Всё горело, легкие и кожа.

Не покидай меня. Пожалуйста, не покидай. Я люблю тебя, Джаред, останься. Пожалуйста. Останься.

Рвота вырвалась изо рта.

Чей-то голос умолял, обещая, что все будет хорошо.

Послышались сирены, и ее голос исчез.

Темнота поглотила его.

И Джаред знал, что никогда не избавится от нее.

Глава 26

Джаред

Ох, дерьмо.

Схватившись за живот, я согнулся пополам. Понимание врезалось в меня, затапливая комфортом, замешательством и нахлынувшим теплом. Я был уверен, что сердце выпрыгнет из

груди.

Это была она.

Подняв лицо к прохладному, ночному небу, воспоминание, что было запрятано где-то глубоко в голове, вырвалось на свободу.

Это была она.

Мир закружился, когда реальность перевернулась. В течение нескольких лет, я проклинал судьбу, за ненавистный пожизненный срок, который мне дали. Я всегда думал, что жил как отвергнутый. В голове пронеслись кучи вопросов, голоса кричали на меня, потому что я больше не был уверен, что выжить этой ночью, было наказанием.

Ничего не имело смысла... кроме того, что это была она.

Эли.

Побежав, я перепрыгнул через забор. Три секунды спустя, вскочив на байк, я выехал на дорогу.

Проходили часы, время потеряло счет, когда моя тайна была раскрыта. Наступила глубокая ночь, дорога давно опустела. Я помчался быстрее, не в силах стерпеть расстояния, которое я вбил клином между нами.

Я сделал ей больно...

Когда я проснулся в госпитале много лет назад, я был зол от постоянных неудач. Медсестры говорили, что я счастливчик, потому что, каким-то образом, выбрался из того автомобиля. Я не был счастлив. Я знал, что тогда вмешалась судьба. Но не так, как я себе представлял.

Это была она.

Я мчался по улицам, моя нервозность усиливалась с каждой проезжающей милей. Добравшись до комплекса, было тихо, я проехал через ворота и припарковался в том месте, которое считал своим. Взбежав по лестнице, я достал ключ, который Кристофер доверил мне так много месяцев назад. Я неуклюже вставил его в замок. Я не удосужился постучаться, так или иначе, я должен был добраться до нее.

На долю секунды я подумал, что сделает Кристофер, если мы встретимся лицом к лицу. Чувак, вероятно, убьет меня, если обнаружит, что я вернулся. Я бы принял это, потому что больше не было смысла скрываться.

Я ворвался в темную, тихую квартиру. Дверь Кристофера была широко открыта, как и прежде. Несомненно, парень таскался по девкам.

Эли осталась одна, снова.

Я раздраженно выдохнул. Я не хотел, чтобы она снова оставалась одна.

Под дверью пробивался свет. Я остановился перед ней, меня чертовски трясло, потому что я реально был напуган. Я умел все разрушать, но понятия не имел, что делать, когда дело доходило до исправления, созданной мной катастрофы. Положив ладонь на дверную ручку, я постучался, и мое сердце забило сильнее. Я не ждал ответа. Повернув ее, я позволил двери

медленно распахнуться.

Я застыл в дверном проеме, уставившись на девушку, которая смотрела на меня в ответ. Слабый свет исходил от лампы, которая стояла на туалетном столике. Ее голова наклонилась от удивления, она сидела на краю кровати, со скрещенными ногами и большим альбомом для рисования на коленях.

Чувство любви обрушились на меня, я сжал руки в кулаки, чтобы удержать свое безумие под контролем. Характеризовать Эли всегда было невозможно. Дьявольски сексуальная, невинная и милая, сильная и невероятно наивная.

Девушка была моим идеалом. Месяцы назад, это была моя первая мысль, когда я обнаружил ее стоящей передо мной возле дивана. Никогда прежде, никто не оказывал на меня такой физический эффект. Я имею в виду, черт, это сражало наповал. Я должен был знать, что она вызывает во мне не только похоть. Она сводила меня с ума от желания и потребности, что было гораздо больше этого.

Это была правда.

Боялся ли я всего, что означало мое возвращение?

Да.

Потому что это было реальным.

Это не какая-то испорченная фантазия, в которой я убеждал себя.

Эли медленно убрала альбом с колен на кровать. Она моргнула, ее зеленые глаза расширились, неуверенно глядя на меня.

— Джаред.

От звука моего имени на ее губах, я сломался. Я пересек комнату, двумя большими шагами, и упал перед ней на колени.

Я сдался. Я был готов для нее.

Беззвучный выдох раскрыл ее губы, когда я взял ее лицо в свои ладони. Я находился между ее коленями, как в вынужденных объятиях. Ее волосы, волнами рассыпались по моим рукам, в которых я хотел затеряться, когда смотрел на нее. Я провел большими пальцами под ее глазами, вытерев выступившие слезы.

Сделав глубокий вдох, я облизал свои губы. Наклонив голову в сторону, я поймал ее решительный взгляд. От нее исходила преданность. Даже после всего дерьма, через что я провел ее.

— Ты спасла меня, — прошептал я, приближая ее левую руку к своему рту, я поцеловал шрам, который оставила моя жизнь. Проведя по нему носом, я прижался лицом к ее ладоням, потому что мне просто необходимо было чувствовать.

Боже, мне нужно было чувствовать.

Это было тепло и хорошо. И, черт побери... если это не было всем.

Эли задрожала, когда начала понимать. Она поменяла положение ног, и я отстранился, чтобы она могла обвить ими меня.

— Как ты узнала? — спросил я.

Я ощутил, как участился ее пульс, и она заколебалась.

— Джаред... Я... — в ее глазах промелькнул страх.

— Малышка, поговори со мной, — подтолкнул я мягко.

Тяжело вдохнув, Эли накрыла своими руками мои, которые лежали на ее бедрах. Я успокаивающе сжал их.

— Я никогда никому не рассказывала о той ночи... может, потому что она оказывала слишком сильное влияние на меня. Я не знаю. Я имею в виду, я пыталась сказать маме, но, полагаю, была слишком напугана. — Она пожала плечами. — Всю неделю после того, как тебя исключили из школы, я была... — она нахмурилась... — беспокойной. Все было в таком беспорядке. Твоя семья была разрушена, а моя разваливалась на части и еле-еле держалась. Я чувствовала себя так, будто теряю всех, о ком заботилась.

Я оцепенел, я разрушал все, к чему прикасался.

Вытянув руку, Эли разгладила большим пальцем морщинку на моем лбу, как будто прочитала мои мысли, словно она знала меня. Делая это, она не переставала говорить.

— В моем животе образовывался узел. — Она дрожала. — У меня было предчувствие, что произойдет что-то действительно плохое. В ту ночь, я не могла заснуть. Мама заставила меня выключить свет после одиннадцати, потому что с утра надо было в школу, но у меня был небольшой фонарик, с которым я рисовала той ночью.

Эли указала подбородком на открытый альбом для рисования. Она провела пальцем по линиям, изображенным на странице.

Увидев рисунок, мое сердце остановилось.

Рисунок был прекрасен, как и девушка, потому что был создан ее руками. На странице было мое лицо, все линии и углы, руки и обнаженная грудь, ее интерпретация моих грехов кружилась и затенялась на моей коже. И мои глаза... она так много обо мне знала, то, что я не мог видеть.

— Люди, Джаред... вот что в моем альбоме. Только те, кого я люблю. — Она провела большим пальцем по странице снизу и доверху, затем перевернула ее, открывая мне изображения одно за другим.

И снова все закружилось, потому что, черт возьми, это все было просто подавляющим. Эта девушка, которая обрушила мои стены, и единственная, кто понимала, единственная, кто видела сквозь всю мою херню, та, которая всегда видела меня.

Она снова повернулась ко мне, ее голос был мягкий и осторожный.

— После того, как твоя мама умерла, я больше не могла рисовать ее. Словно был какой-то блок, который не давал мне видеть. Это разбивало мне сердце, потому что я хотела помнить ее. Я

полагала, что это как-то удержит ее живой в моей памяти, но ничего не получалось... до той ночи. — Она испустила рваный вдох. — Это было неправильно, Джаред. Я чувствовала это. Как будто я пыталась нарисовать ее лицо, но она плакала, и я знала, что она плачет по тебе. Я продолжала рисовать и рисовать одно и то же, пока не довела себя до жуткой паники. Я должна была проверить и убедиться, что ты в безопасности. Я улизнула из своего дома и побежала в твой. Ты должен был быть наказан, поэтому я подумала, что просто загляну в окно, чтобы проверить тебя. Но оно было открыто, а твоя комната пуста.

Эли отвела взгляд, будто снова вернулась в этот момент.

— Боже... меня охватил страх. — Она снова сфокусировалась на мне. — И тогда я осознала, что что-то не так. Я снова прокралась в свою комнату, но не могла усидеть на месте. В итоге, я схватила альбом и решила пойти рисовать на крепость. Когда я пролезла через дыру в заборе, увидела машину мистера Рамиреса. Я знала, что это был ты. Распахнув дверь, я не переставала думать об этом. Там было пламя. — Эли закусила свою дрожащую губу. — Ты не двигался. Я думала, что ты мертв, Джаред, и ничего не причиняло мне столько боли, как это. Я кричала, чтобы ты очнулся, тянула тебя. Рядом с тобой, упал пистолет... и все эти вещи на твоих коленях. — Слова были хрипыми, как будто она не хотела признавать это.

— И я знала, — она взяла в ладони мое лицо. — Я знала, насколько ты был сломлен, это разрушало и меня тоже. Я колотила по твоей груди, потому что не знала, что еще сделать. Тебя вырвало, и в этот момент, я услышала полицейскую машину, которая начала освещать фарами поле. Оказалось, что они уже искали тебя. Я струсила, Джаред... я убежала, потому что была напугана и не знала, как осмыслить увиденное. Я спряталась в тени неподалеку, наблюдая, как они спасают тебя... как увозят. Мне так жаль, что я убежала. Я всегда буду сожалеть об этом.

— Тебе жаль? Черт, Эли... это мне жаль, — я чертовски благодарен ей. Я осознал это только на пустынной дороге в Вегасе. — Ты спасла меня. Ты жила с этим, когда я вообще не жил.

— Все эти месяцы, я хотела рассказать тебе, но боялась, что ты уедешь из-за этого. Когда ты вернулся, я увидела, что ты не мог принять тот факт, что жив, — она опустила взгляд. — Я так сильно пыталась сберечь тебя, но все равно потеряла.

Я пододвинулся ближе к ней, взял за подбородок, и мой голос дрогнул:

— Я здесь. Малышка, я здесь.

Эли выдавила улыбку, схватившись за запястья, словно цеплялась за жизнь.

— Для меня всегда был только ты, Джаред. Всегда. Я не могу вспомнить день в своей жизни, когда я не любила тебя.

Я заправил выбившийся локон за ее ушко, и скользнул ладонью к шее.

Слабый румянец окрасил ее щеки, она опустила голову и прикусила нижнюю губу.

— Ты был моей первой любовью, — она пришла в себя, ее голос стал напряженным, когда ее искренние зеленые глаза, уставились в мои. — И единственной. — Она с трудом сглотнула, как будто ей больно. — Я ждала тебя всю жизнь.

Ее слова проникли в мою почерневшую душу. И я, черт побери, понял всё, эту невинную девочку, которую пленил.

Она всегда была моей.

Я наклонил голову, чтобы привлечь ее внимание и убедиться, что она поняла.

— Я сломлен, Эли и всегда таким буду. Я предупреждал, что ты не сможешь починить меня. Я никогда не смогу пережить, или переступить через эту хрень.

Все, что у меня было — это кусочки, и они были сломаны. Но эти кусочки принадлежали ей, и, возможно, мы могли бы найти способ оживить их.

— Я не лгал, когда сказал, что ты делаешь меня лучше. Ты заставляешь меня желать стать лучше. Дело в том, что я не могу переступить через тебя, Эли. Я больше не могу существовать без тебя. Последние три месяца, которые я провел без тебя, были самыми темными за всю мою жизнь.

Медленно, я провел по нежной коже ее плеч. По ее коже пробежали мурашки. Я провел ладонями вниз по ее рукам, сжал их, а затем приложил ладонь к ее животу. Горло сдавило, и я зажал свой страх.

— Я даже представить не могу, через что ты прошла без меня.

Эли прикрыла глаза, слезы катились по ее щекам.

— Я нуждалась в тебе.

— Мне очень плохо из-за того, что я оставил тебя, — эмоции пульсировали в груди, в самых глубинах мое души, они металась в беспорядке и страхе того, что я никогда не должен был высвободить. — Я боюсь, Эли. Я не знаю, как сделать это.

Полный надежды смех, слетел с ее губ. Впившись зубами в нижнюю губу, она опустила свой взгляд к моим рукам и провела пальчиками по числам, украшавшим костяшки моих пальцев.

— Ты думаешь, я не напугана? Я понятия не имею, как все сделать. Но я знаю, что хочу пройти через это вместе с тобой.

Скользнув руками по ее бедру, я притянул ее к краю кровати, потому что мне нужно было чувствовать ее рядом. Она обернула ноги вокруг моей талии. Эти коротенькие шортики для сна прижались к моему животу, и я впился пальцами в податливую плоть.

— Эли, — со стоном, пробормотал я, спрятав лицо у нее на груди. Я приподнял голову и оставил поцелуй под ее челюстью, вдохнув ее запах, и моя жизнь стала прекрасной. — Я скучал по тебе, — я страдал. Так много времени прошло с тех пор, как я потерялся в ней, так много времени без ее прикосновений.

Нежные пальчики, которые играли с моими волосами, пропутешествовали вниз по шее, а затем вернулись обратно в волосы. Холодок пополз по моему позвоночнику. Потребность сжалась и свернулась с обожанием. Черт, я так глубоко увяз. Но я знал, что здесь единственное место, где я хотел находиться.

Забравшись на кровать, я прополз вместе с ней до середины постели. Эли вцепилась в меня руками, ногами, душой и всем телом. Она провела носом по чувствительному месту у меня за ухом.

— Я скучала по тебе, — пробормотала она. — Очень сильно.

Уложив Эли на спину, я отстранился, чтобы рассмотреть ее, мои руки вцепились ей в колени. Эти длинные ноги были согнуты, спина выгнута. Волосы беспорядочно разметались по подушке вокруг ее лица, и это стало единственным, что я видел.

— Ты такая красивая, Эли.

Идеальная.

Проведя рукой по своим волосам, я попытался взять себя в руки, потому что умирал от желания поглотить ее. Возможно, так же как она поглотила меня.

Целиком и полностью.

Я заставил себя замедлиться, пока прополз между ее ног, поддерживая себя на руках и коленях. Я смотрел на мою девочку.

Ротик Эли приоткрылся.

Удерживая себя на одной руке, вторую я положил на ее щеку и большим пальцем ласкал пылающую кожу.

— Что ты видишь во мне?

Она смотрела на меня пару секунд, энергия буквально лилась из нее, прежде чем она прижала меня ближе к своей груди. И прошептала мне на ухо:

— Я вижу красоту и боль. Радость и печаль. Я вижу хорошее и плохое... и я люблю все это.

Я резко вздохнул.

Опустившись ниже, я накрыл ее рот своим. Месяцы прятанного желания промчались из моей груди и соединились в животе, скрутившись в тугую узел. Ее язык действовал так неуверенно, был мягким и нежным, борясь с моим, пока она шептала эти словечки, которые я больше чувствовал, чем слышал, произнесенные с любовью и опаской, что шли прямо из ее сердца. Я всосал ее верхнюю губу в рот, затем нижнюю, погружаясь вновь. И я практически пылал. Горел.

Из-за нее.

Не разрывая поцелуй, я нашел край ее футболки. Я медленно приподнял ее, мои ладони ласкали ее изгибы. Я отстранился, чтобы стянуть футболку через голову.

Ее рот изогнулся в задумчивой улыбке, пока Эли стаскивала футболку с меня. Изголодавшийся взгляд скользнул по мне, словно она скучала по каждому дюйму моего тела так же, как я по ее.

Эли задержала дыхание, увидев татуировку, покрывавшую мое сердце. Кончиками пальцев, она погладила мою кожу. Приподняв подбородок, ее голос звучал резко:

— Это для меня?

— Да, — прошептал я. — Я бы никогда не смог забыть тебя, Эли. Никогда. Ты преследовала меня так же, как остальные грехи, покрывающие мое тело. — Я прижал ее руку к понимающим

зеленым глазам, которые всегда будут наблюдать за мной, с их места на моей груди. Но сейчас я осознал, что она была там не потому, что была грехом. Она была там, потому что спасла меня.

Этот след ее жизнь оставила на моей.

Отстранившись, я стянул вниз по ее ногам шорты и трусики. Мой взгляд проследил за движением, каждый дюйм этой девочки как мечта. Положив ладони на ее колени, я развел их в стороны. В этот раз, я задержал дыхание. Каждая клетка в моем теле напряглась.

— Черт, — прохрипел я. — Ты великолепна, Эли.

Легкий румянец, начал ползти по ее животу, вверх по груди и к прекрасным щекам.

— Я люблю тебя, Джаред. Я вся твоя.

Кровь взревела в ушах, и внутри меня разлилась радость.

Настоящая радость. Не намек.

Эта радость была настоящей. Подавляющей. Чем-то реальным, что Эли показала мне, все еще можно было почувствовать.

Не разрывая зрительный контакт, я медленно опускался ниже. Я поцеловал местечко, чуть повыше тазовой кости, где рос наш ребенок. Еще один след моей жизни, который я оставил, когда думал, что вовсе и не жил. Беспокойство скрутились в моей душе. Я не знал было ли меня достаточно. Но, боже, я хотел попытаться.

Я навис над ней, смотря вниз на девочку, которая изменила все. Ту, которая дала мне еще один шанс жить.

Мягкие пальчики ласкали мое лицо, а зеленые глаза, пронизательно смотрели на меня, когда она прошептала:

— Остайся.

Я просунул руку под ее спину и провел ею выше, чтобы приподнять ее голову. Другой рукой я провел по плечу и вниз по руке. Я переплел свои пальцы с ее и приподнял ее руку к моим губам. Я поцеловал каждый сустав. Наша плоть такая разная — безупречная и грязная. Теперь я знал, что мы подходим друг другу.

— Я никуда не собираюсь.

Эмоции грохотали в моей груди, толкаясь и пульсируя. Я тяжело сглотнул, в груди стало так чертовски тесно, когда я, наконец, позволил себе чувствовать — чувствовать то, с чем боролся с тех пор, как появился в квартире Эли, шесть месяцев назад.

— Я люблю тебя, Эли.

Эти слова потрясли, но донесли правду. Нашу правду.

Я никогда не думал, что у меня это будет. Но я нашел любовь.

Это чертовски пугало меня, но я прекратил убегать.

Я запутался пальцами в ее чернильно-черных волосах. Казалось, что я дома.

Пришло время построить новый дом.

mir-knigi.org